

НАТАЛЬЯ ВЕДЕНИНА

ДОМИК
В НИЦЦЕ

16+

Наталья Александровна Веденина

Домик в Ницце.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41181666

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник рассказов о переезде в Израиль, о попытках создать свой бизнес, о семье и друзьях. Портреты обычных людей, попавших в круговорот событий девяностых годов прошлого века, написаны с юмором, мягкой иронией и глубоким сочувствием к их переживаниям. Своей доверительной интонацией и искренностью сборник напоминает своеобразный авторский дневник, хотя все события подверглись литературной обработке и все персонажи являются собирательными образами. Стил, в котором написаны рассказы, можно определить как автобиографические мифы. Оформление обложки: Иосиф Маркиэль.

Содержание

Об Израиле с улыбкой и грустью.	5
Как Коровкина стала писателем	5
Ночь перед призывом	12
Параллельные миры	22
Не стоит село без праведника	27
Война	36
Последний день	42
Завод	46
Запоздалое знакомство	55
Рассказ о десяти шекелях	59
Веселая семейка	65
Миграционная лихорадка	73
Нашёл своё счастье	82
Шлемазл	90
Клеопатра	97
Сиреневые туфли	101
Все будет хорошо	111
Записки дистрибьютора	117
Домик в Ницце	117
Клуб золотого песка	130
Деловая встреча в публичном доме	136
Записки из дурдома	141
Цветущий домик	145

Исповедь дистрибьютора	148
Веселые рассказы	151
Папа на Святой Земле	151
Игра в свои ворота	160
Релаксация	163
Компьютеризация хостеля	168
Как кот Вова подружился с котом Васей.	173
Из прошлой жизни	184
Жизнеописание пса Филиппа	184
Встреча	184
Розовая болезнь	186
«Филипп вернулся домой»	187
Тапочки вместо шляпы	189
Образование	190
Два подвига Филиппа	193
Филя и «перестройка»	195
Операция «Картошка»	197
Расставание	198
Эпилог	199
Письма из Бузулука	201
День рождения внучки	210
Семейные истории	222
Современная рождественская сказка	222
Виртуальный адюльтер	226
Новогодняя трилогия	231

Об Израиле с улыбкой и грустью.

Как Коровкина стала писателем

Повороты судьбы подчас непредсказуемы и необъяснимы. Полгода назад скромная труженица города Хайфы – Ирина Петровна Коровкина – неожиданно для себя начала писать рассказы.

«Как отнесутся к этому родные, близкие, друзья?» – с волнением думала щепетильная Коровкина. Но, оказалось, что переживала Ирина Петровна напрасно. Ее новое увлечение вызвало всеобщее одобрение и безоговорочную поддержку.

Шесть часов утра.

– Мама, я проспал! – кричит сын-солдат.

– Как! – с ужасом вскакивает с постели Ирина Петровна. – Севочка! Ты опоздаешь на службу.

– Опоздаю, – подтверждает Сева. – Автобус ушел полчаса назад, а следующий будет только в полдень. Но если ты меня подвезешь на машине, то мы еще успеем. Одевайся быстрее.

– Что случилось? – спросонок спрашивает муж. – Куда ты собралась ехать в такую рань?

– Я должна подбросить Севочку до его грузовика. А дальше он уже сам поедет.

– А далеко ли стоит грузовик? – интересуется муж.

– Не очень, – поясняет заботливый сын, – около ливанской границы. Но маме эта поездка будет в радость – какой сюжет для рассказа! Я покажу ей военную горную дорогу. Могу поспорить, что она ни разу по ней не ездила.

Спорить Коровкина не стала, чтобы не терять драгоценное время, завезла сына на базу и уже через три часа была дома.

Но не успела она отдышаться и выпить чашечку своего любимого кофе, как позвонил папа.

– Ирочка, – радостно сообщил он, – у тебя появилась прекрасная возможность прильнуть к «народному роднику». Я должен срочно идти к страховому агенту оформлять бумаги на пенсионные льготы. Ты же знаешь, как я ненавижу всю эту канитель. Пойдем вместе, и мне будет веселей, и ты соберешь хохмы на несколько нетленок. В очереди все и обговорим, придумаем название, сюжет, концовочку. Вот увидишь, вещь получится посильнее, чем «Фауст» Гете.

Обязательная Коровкина решила скрасить папе посещение гос.учереждения, и тут же побежала в офис страхового агента. Но поговорить о новом рассказе им не удалось, в очереди Ирина Петровна встретила свою приятельницу.

– Читаем тебя в интернете, молодец! – похвалила она Коровкину.

Ирина Петровна покраснела: «Сейчас услышу первый читательский отклик!» – подумала наивная писательница, но ошиблась.

– Дарю тебе тему, – сказала подруга. – В нашем клубе для трудных подростков девочки все первое апреля названивали своим ухажерам с одним розыгрышем: «Я от тебя беременна!». Представляешь, каждая девочка сделала не меньше 15 звонков, и мальчики верили и пугались!

– Да, девочки еще те, – посочувствовала Ирина Петровна.

– Вот и я об этом же. Девчонки трудные, а денег на воспитательную работу у мэрии не хватает. Мы сейчас обращаемся к частным лицам, думаю, что и ты не откажешься дать шекелей сто как пожертвование. Ведь ты теперь писатель – совесть нации.

Совестливая Коровкина немедленно открыла свой тощий кошелек, где сиротливо лежала единственная денежная купюра, и, не задумываясь, отдала ее на благородное дело повышения нравственности трудных подростков.

В это время как раз подошла очередь к страховому агенту и Коровкина с папой зашли в кабинет.

– Ирина, – обрадовался агент, – какая удача, что ты пришла вместе с папой. Не сочти за труд, подскочи в типографию за бланками! Они их уже напечатали, а привезти не хотят. Совсем обнаглели. Деньги дерут, а сервиса никакого! Ты поговори с ними, а потом статейку напишешь, хлесткую такую, как ты умеешь! Я бы и сам съездил, но тебе это важнее, считай, сбор материала!

Коровкиной всегда было трудно отказать людям, тем более – потенциальным читателям. И она, несмотря на уста-

лость, поспешила за бланками.

Хозяин типографии бросился к Ирине Петровне, как родной.

– Слышал, слышал. Хвалю и одобряю. Кто бы мог подумать? Производишь впечатление нормального человека и вдруг начала писать! Книгу, надеюсь, у нас издавать будешь?

– О книге я еще не думала, – призналась скромная Коровкина.

– И очень зря, – обиделся издатель. – Сейчас, до подорожания бумаги, самое время подумать и заключить договор. Вот писатель Д. заскочил сегодня утром и мы закрыли сделку с ним по очень выгодной цене.

– А о чем пишет писатель Д.? – поинтересовалась Ирина Петровна.

– Откуда я знаю? Помню, что аванс он дал 800 шекелей. Прощая книга была в 350 страниц. А может быть стоимость тебя, вообще, не интересует? Был у меня вчера клиент, принес рукопись об эзотерических переживаниях и оздоровлении с помощью космических сил. Говорит: «Издайте хорошо, цена меня не волнует». Так и сказал. Я подумал: или страшно богат, или идиот, хотя второе вернее.

– И что же оказалось?

– Оказался он обычным проходимцем. Подошел ко мне и говорит: «Я чувствую, что вы тяжело больны, но не волнуйтесь, я буду вас лечить на всю сумму заказа». И руками начал водить. Еле я его выгнал.

«Ой, – подумала застенчивая Коровкина, – как бы мне поделикатнее отказаться от издания книги, чтоб и издателя не обидеть, и деньги не потратить?»»

В это время в сумочке Ирины Петровны зазвонил мобильный телефон.

–Поздравляю! – не здороваясь, прокричал в трубке муж.

–С чем, – обрадовалась доверчивая Коровкина, не чувствуя подвоха.

–Считай, что приз за самую нелепую историю – твой! Нас затопили. Это надо видеть! Я специально ничего не стал убирать, Ириша, чтоб не испортить тебе потрясение от первого впечатления.

Следующий звонок был от младшего сына.

– Что еще случилось? – обреченно спросила Ирина Петровна, предчувствуя, что от него можно ожидать сюжет не меньше, чем на роман.

– Ничего, – спокойно ответил Тема.– Я просто хотел спросить. Помнишь, на столе лежал журнал с твоим рассказом?

– Конечно, помню, – успокоилась Коровкина. – А что? Кто-то взял почитать и не вернул?

– Никто его не брал. Кому он нужен? Лежит на том же месте Я не об этом. Ты гонорар уже получила? Я бы занял у тебя на месяц шекелей200.

– Что ты, Тема, – удивилась Коровкина наивности ребенка, – мне гонорары не платят.

–Тогда зачем же ты пишешь? – огорчился сын и повесил

трубку.

« Действительно, зачем?» – спросила себя Коровкина и не смогла найти ответ на этот вопрос. В трудных ситуациях Ирина Петровна всегда советовалась с мамой. Позвонила она ей и на этот раз.

– Писать ты, конечно, можешь, – авторитетно сказала мама, – но прежде очень хорошо подумай, о чем пишешь. Вот писатель М. написал, что ему приснилась неожиданная поездка в Европу, и – выиграл приз-путешествие. А наш папа? Изобразил героя, у которого книги вместо мебели. И что? Второй год спотыкаемся о коробки с тиражом.

С тяжелыми мыслями вышла Коровкина на улицу и потащила бланки страховому агенту.

Проходя мимо мусорной свалки, Ирина Петровна заметила старый шкаф. Какая-то женщина пыталась отодрать от него заднюю стенку. Приглядевшись, Коровкина узнала свою подругу. Даже не удивившись ее поведению, Ирина Петровна на одном дыхании рассказала обо всех переживаниях сегодняшнего дня.

– Скажи спасибо судьбе, что ты начала писать, а не рисовать! – грустно сказала подруга. – Вот мой муж рисует! Если бы ты знала, сколько стоят краски, кисти, я уже не говорю про холст. Это вообще нам недоступно. Видишь, отдираю от шкафа для него оргалит. И от его картин одни проблемы. С нами уже все соседи не разговаривают. Вышел он как-то во двор на этюд. Стал рисовать нашу улицу. Подходит один

сосед: «Нарисуй мою собаку, – говорит, – она уже старенькая, хочу увековечить память о ней». Другой, по той же причине, просил запечатлеть тещу. Третий, вообще, привел всю семью, включая кошек. Мой нарисовал, ему краски не жалко. Так они еще и не довольны: там мелко, где-то сходства мало, где-то, наоборот, слишком много. Короче, пиши рассказы, это еще не худший вариант.

Поблагодарила Коровкина подругу и пошла дальше. По дороге мысленно представляла себя то у мольберта с кистью в руке, то танцовщицей в бальном платье, то наездницей на лихом коне. «Нет, что и говорить, судьба благосклонна ко мне – писать рассказы и безопаснее, и дешевле», – подумала Ирина Петровна, достала свой заветный блокнот и стала записывать в него нахлынувшие мысли, чтобы осчастливить мир очередной нетленкой.

Ночь перед призывом

Было уже далеко за полночь, когда раздался телефонный звонок.

– Мама, я с друзьями. Задержусь, – прозвучала дежурная фраза.

– Шурик, тебе завтра на призывной пункт, а ты даже рюкзак не собрал, – по привычке возмутилась я, удачно поменяв слово «школа» на «призывной пункт».

– Не беспокойся, все будет ОК, – уверенно ответил Шурик и повесил трубку.

«Завтра я стану солдатской матерью», – подумала я. В голове мелькнул образ: сухонькая старушка, повязанная белым платком, по щеке катится слеза. Я посмотрела в зеркало: стройная молодящаяся женщина, стильная короткая стрижка, джинсы, футболка.

– Ты теперь мать солдата, – строго сказала я своему отражению. – Перестань улыбаться. Пора взрослеть!

Я зашла в комнату сына. Среди обычного беспорядка валялись купленные к армии вещи. Открыла рюкзак, нашла выданный в военкомате список, стала читать: «Каждый призывник должен иметь при себе...». Призывник...

Я вспомнила наш отъезд. Аэропорт Шереметьево. Шурику два года. Мы уже прошли таможенный контроль и поставили свой багаж на весы. Вдруг я почувствовала, что сына

рядом нет. Шурик пролез под ограждениями и бежал обратно, в глубь аэропорта. Я кинулась за ним, но дорогу преградил таможенник. Стала кричать провожающим родственникам, но те от горя ничего не понимали. Конечно, ребенка поймали, вернули родителям и благополучно привезли в новую страну.

– Что это было? – спросила я себя, – предостережение, знак «свыше» или просто детская шалость?

Аэропорт имени Бен Гуриона. Нас встречала делегация религиозных подростков, учащихся иешевы. Вначале они пели и танцевали от радости, потом подарили всем детям разноцветные пакетики со сладостями. Шурик был очень доволен, он всегда любил подарки.

– Кстати, завтра им тоже дадут подарочные наборы: с кремом для бритья, пачкой кофе, бамбой и жвачкой, – вспомнила я, так как это были не первые проводы в армию в нашей семье. Все повторяется, но уже на новом витке. О многом сегодня хотелось поговорить с сыном, но он предпочел провести время в компании друзей. Когда-то и я уходила из дома по важным, как мне тогда казалось, делам. Расстроенный ребенок оставался с няней. Все повторяется.

–Итак, надо все же укладывать вещи, – подумала я, достала целлофановый пакет и положила в него зубную щетку и пасту

–Шурик, ты чистил зубы?

–Я чистил их вчера, и мне теперь надолго хватит, –

вспомнилась любимая в семье шутка.

«Дети легко переносят эмиграцию. Детям и старикам хорошо в Израиле», – убеждали меня. И я верила. Или хотела верить.

Первый наш дом был в кибуце. Мы с мужем сразу пошли в ульпан, усиленно изучать иврит. Хорошее знание языка – залог будущего благополучия. Шурика отправили в ясли: новая обстановка, новые слова, новые традиции. Ему нравилась пятница, когда пекли пироги, украшали стол (почти как дома, в далекой Москве) и встречали выходной день – святую Субботу. Воспитательница называла это застолье «Шабат шалом».

Услышав новую незнакомую речь, Шурик совсем перестал разговаривать. Ездили на консультации к психологу, к педиатру, к логопеду.

–Мотивируйте его говорить хотя бы знакомые слова, те, что он произносил раньше. Читайте книжки, рассматривайте картинки, – советовали специалисты...

И вот мы сидим на диване и рассматриваем одну из немногих привезенных с собой любимых детских книжек – «Заюшкину избушку»

–Шурик, кто это?

–Заяц, – с трудом произносит ребенок

–А это?

– Петушок.

И вдруг, глядя на последнюю страницу, где нарисован большой стол, самовар, бублики и счастливые петух с зайцем, он радостно кричит:

–Шабат шалом!

С этого момента в семье решили, что ребенок принял и полюбил новую страну. «Детям до пяти лет легко даются новые языки» – написано в педагогических пособиях. И, действительно, несколько месяцев спустя Шурик начал бойко болтать на иврите, намного опережая своих зубрящих грамматику родителей.

Вспомнилось, как я с кибуцниками пила чай в гостиной, с трудом подбирая слова для разговора, с напряжением вслушиваясь в незнакомую речь. А рядом Шурик легко и весело говорил что-то своему новому товарищу.

«Как хорошо он освоил язык», – с гордостью подумала я.

–Почему ты разрешаешь ребенку произносить такие грязные ругательства? – возмутился кибуцник.

А как я могла понять, что говорит ребенок? В ульпане таких слов не изучали. В тот вечер я полностью успокоилась, решив, что сын освоился в новой обстановке, абсорбировался, как говорили в Сохноте

Я сложила аккуратной стопочкой футболки, трусы и носки, упаковала их в пакет и положила на дно рюкзака. Вещи, привыкшие лежать в домашнем шкафу, завтра уедут в неизвестном направлении.

А есть ли, вообще, у сына чувство дома, после десяти переездов по съемным квартирам? После развода и моего нового замужества?

В семье считалось, что Шурик легко относится к жизни. Цитировали его высказывания во время моего ухода от мужа:

–Мама, а папа поедет с нами?.. А телевизор? А диван?

И через год, об этом же дне:

–Мама, помнишь тот день, когда мы ушли от папы? Мы ехали на такси на новую квартиру, потом зашли в магазин, и ты купила мне пакет чипсов? Так купи мне сегодня чипсы этой же фирмы!

И никакого драматизма в поведении, а в душе?

–Шурик, я приехала к вам всего на месяц, а тебя все время нет дома, ты то на улице бегаешь, то у друзей сидишь, – огорчалась гостившая у нас бабушка.

– Как ты не поймешь, – пытался объяснить ей Шурик, – я могу гулять с друзьями, но для меня так важно знать, что ты ждешь меня дома.

Завтра он пойдет защищать тот дом, которого никогда у него не было. А может быть, все-таки, был?

Школьный психолог объяснял родителям, что сегодня дети, живущие в неполных семьях, более распространенное явление, чем ребенок в традиционно крепкой семье.

–Мне надо было поддержать детей, живущих в нестандартной ситуации, – рассказывал он со смехом, – в начале

я полагал, как и вы, что это дети, пережившие развод родителей, взял список класса, и что вы думаете, только трое из сорока живут в нормальной семье! Так кто же оказался в нестандартной ситуации? Эти трое! – И психолог захохотал.

Я тогда тоже заставила себя улыбнуться. Очень хотелось, чтобы психолог оказался прав.

Я второй раз вышла замуж. Дочь мужа, Лера жила с нами.

–Мама, – как-то спросил Шурик, – а если родится еще один ребенок, кто будет его отец?

Услышав, что, скорее всего, это будет мой второй муж, он страшно огорчился:

–Бедный ребенок, на выходные я поеду к папе, Лера уедет к своей маме, а ему даже и поехать будет некуда.

Со школой отношения не складывались с самого начала.

В первый же день он зашел не в свой класс, да так и просидел все занятия с другими детьми и учителем

На уроках математики мог складывать и вычитать, только если после цифры стояло слово «шекель».

–Сколько будет три плюс четыре?

–Не знаю

–Шурик, подумай, я хочу тебе дать три шекеля, а папа четыре. Сколько денег будет у тебя в кошельке?

–Семь шекелей, мама, а ты не можешь дать больше?

В третьем классе, в самом начале учебного года, он вдруг продал все учебники. На вопрос, зачем он это сделал, повзрослому грустно сказал:

–Деньги нужны были.

–Но ведь учебный год только начался, как же ты будешь без учебников, – спросила я.

–Мама, кто же их купит в конце года? – справедливо заметил Шурик.

Меня часто вызывали в школу.

–Учительница думает, что я не делаю домашние уроки, – объяснял Шурик и ни разу не ошибся.

«Что он понял из уроков истории и обществоведения о том конфликте, в котором будет вынужден принимать участие с завтрашнего дня»? – спросила я себя.

Родительское собрание. Раздали оценки за первое полугодие. Шурик возмущен низким баллом по истории, тянет меня выяснять отношения с учительницей. Врывается в класс. Глаза горят, уверенный голос:

–Я ответил на все вопросы контрольной работы! Почему Вы снижаете мне оценки?

Меня всегда поражала местная манера разговора с учителями. Но здесь это считается признаком демократии.

Учительница достает листок контрольной работы, читает

–Вопрос: охарактеризуйте жизнь евреев в Европе после Первой Мировой Войны. Ответ: евреи жили плохо.

–А что, они хорошо жили!?! В чем ошибка?

Учительница ищет у меня поддержки:

–Объясните ему, пожалуйста, что гуманитарные науки

требуют более просторного ответа.

–Конечно, конечно, – соглашаюсь я, – с ним позанимается бабушка, она кандидат педагогических наук.

–Нет, только не бабушка, – первый раз за время учебы пугается Шурик, – я не вынесу ее рассказов. Хватит с меня «Илиады».

За несколько месяцев до выпускных экзаменов мы с Шуриком пошли покупать кроссовки. Спускались к магазину по улице имени Бялика.

–Шурик, – спросила я, – что ты знаешь о поэзии Бялика? Вы же изучали ее в школе.

Шурик задумался. Ему искренне хотелось ответить, ведь я пообещала купить ему фирменные кроссовки за 450 шекелей. Но вспомнить ничего не удалось.

–Мама, – честно признался он, – помню только, что учительница сказала: «стихи Бялика будут на выпускном экзамене»

За воспоминаниями я полностью собрала рюкзак сына. Застегнула молнию, поставила его посредине комнаты, как инородный предмет среди такого родного и до боли знакомого беспорядка. Завтра Шурик наденет военную форму, получит солдатский номер и станет защитником для израильтян и «сионистским врагом» для палестинцев.

Далекая от религии и сионистских идей, до сих пор говорившая на иврите с акцентом и грубыми ошибками, порой смешная и нелепая в своей «русской» манере одеваться и со

своим «советским» стилем поведения, я горячо и искренне полюбила Израиль. Смог ли полюбить эту страну и мой, вечно подшучивающий над матерью, сын? Я хотела спросить его об этом сегодня, но была рада, что не смогла.

Как хорошая мать, я два раза пыталась обучать его музыке. И оба раза неудачно.

Первый раз к нам домой пришел молодой учитель с органом. Шурик увлеченно нажимал на клавиши, учитель с тоской разглядывал пейзаж за окном.

–Пожалуйста, не отвлекайтесь, следите за инструментом, – попросила я молодого человека. – Пока Вы смотрели в окно, Шурик открутил половину кнопок.

Учитель ушел с урока, в одной руке неся органолу, а в другой мешочек с отвинченными частями. Больше он не приходил.

Эстафету по обучению музыке приняла опытная преподавательница из Киева.

–Какую мелодию ты хочешь разучить? – сладким голосом спросила она, пытаясь вызвать у ребенка интерес к занятиям.

–Я хочу играть гимн Израиля, «Аतिकву», – четко ответил Шурик.

«Вырастила патриота», – гордо подумала я.

Шурик, действительно, упорно занимался и, в конце концов, научился играть гимн

Как-то, хлопоча на кухне, я услышала мелодию «Атиквы», раздающуюся из детской. Боясь испугнуть сына, я осторожно заглянула внутрь. Шурик стоял у органа и играл мелодию гимна. На ковре были расставлены фигурки игрушечных футболистов. В центре развевался самодельный флаг.

–Начинается первенство мира! – гордо заявил Шурик, увидев меня.

Другие мелодии он разучивать отказался и патриотических чувств больше не проявлял.

«Армия полезна для мальчика, в ней вырастают настоящие мужчины», – говорили мне знающие люди. Очень хотелось верить...

Тихо открылась дверь. В квартиру зашел высокий красивый парень.

–Почему ты еще не спишь? – удивился он. – Утром рано вставать. Разбуди меня полшестого. Мне надо сбрить бородку.

Я внимательно присмотрелась, но редкую щетинку на его лице назвать бородкой было нельзя при всем желании.

– Спокойной ночи, Шурик, – сказала я. – У нас завтра трудный день

Параллельные миры

Инна влилась в наш дружный коллектив – отдела экспорта матрасов фирмы Аминах – сразу после праздника Песах, то есть весной. Буквально через два дня мы были посвящены во все подробности ее личной жизни. А жизнь ее крутилась вокруг сына Глеба.

– Да, родила его позно. В молодости «была замужем за работой», а когда спохватилась, откладывать было уже нельзя. Пока с животом ходила, женщины останавливались, жалели – «как же ты, голубушка, в таком возрасте залетела?» – а я молодой себя чувствовала, счастливой. Родила на восьмом месяце, всего – два сто. Но зато сейчас какой богатырь!

Инна любовно показывала на фоторафии сына. Глеб смотрел с перекидного календаря (популярное изделие местной типографии), с монитора компьютера, с большой чашки – подарок маме к дню рождения, с настольных часов, и, конечно же, с бесчисленных фотографий, висевших на стене.

– Да у тебя в семье – культ личности. – Одобрительно смеялся наш начальник Шмулик, сам сумасшедший отец четверех дочек и сына.

– Глеб страшно любит учиться, – часто повторяла Инна. – Не пропускает ни одного урока. Готовится к Техниону. «Мама, – говорит, – впереди только Технион, только Технион, о другом и не думаю».

Увлеченно рассказывая, Инна набирала номер домашнего телефона, обращаясь уже к своей маме:

– Что Глебушка? Как, еще спит?! Буди, мама, буди! Да, я знаю, что уже двенадцать! Так и что! Пусть хоть на последнем уроке посидит!

Положив трубку, тут же меняла тон:

– Да, на чем я остановилась? Технион, конечно, только Технион.

Инну никогда не смущало некоторое несоответствие ее рассказов и телефонных переговоров с семьей, невольными свидетелями которых мы были. Глеб существовал в ее представлении отдельно от реальной жизни. Это были параллельные миры, которые не пересекались.

Закончилась школа. Глеб призвался в Армию. Сменилась тематика рассказов, оставалась неизменной форма.

– Глеб сказал: «Мама, я не боюсь никаких трудностей, я иду служить, Технион подождет». Он так серьезно настроен, так мотивирован. – докладывала утром Инна.

И тут же по телефону:

– Глебушка, ты завтракал? Вас кормили? Как не было хлеба? Так я скажу бабушке, пусть сухари засушит, как же без хлеба... Что? Ах, не было свежего хлеба. Так что ж ты ел? Пять йогуртов? А разве дают пять йогуртов в одни руки? Как при чем здесь руки? Я не говорю глупости. Ты не понял.

– Все, повесил трубку, – это уже обращаясь к нам. – Не может меня понять. А нам в пионерлагере выдавали по од-

ному вареному яйцу на завтрак, и то не каждый день. А тут сразу пять йогуртов!

– Слава Б-гу, что не может понять, – успокаивал ее Шмулик.-

Они другие. Они не воспитывались в советских пионерлагерях.

Как-то утром Инна пришла радостнее обычного, на ее руке сверкали новые модные часы.

– Подарок Глеба, – похвасталась она. – С первой солдатской полочки. Ему дали кредитную карточку. «Мама, – говорит он, – если нам что-то надо купить, только скажи, я возьму на платежи». Совсем взрослый стал, ответственный, теперь мне и материально легче станет.

Затем как всегда зазвонил телефон:

– Алло! Глебушка! Что? Банкомат не выдает наличные? Ты превысел кредит. Так я сейчас сбегаяю в банк. Положу тебе на счет шекелей сто. Еще успею, не волнуйся.

Шмулик разрешающе кивает. Солдат. Святое дело. Инна срывается в банк.

Время шло. Глеба определили в автороту. К Новому году он уже сдал на права для грузовой машины свыше 15 тонн. Начал делать первые робкие самостоятельные выезды на соседние базы – возил свой любимый йогурт. Судя по габаритам машин, развозивших молочные продукты, никто из солдат не знал нормы пионерлагеря, а аппетиты были хорошие. Ну и на здоровье.

Потом пошли более дальние поездки, более сложные маршруты, более секретные грузы. О них Инна многозначительно молчала, показывая, что настал момент, когда даже самый преданный сын не может быть до конца откровенным с матерью.

После Песаха мы отмечали сразу два радостных события: год успешной работы Инны в нашем отделе и получение двух нашивок на рукаве Глеба, символезирующих, что солдат уже не «зеленый молодняк», а воин, отслуживший десять месяцев.

– Мама! – кричала Инна по телефону. – Ты же не забудь пришить лычки, как тебе Глеб указал. Как не помнишь? Он же сказал, когда закатаешь рукав, должно быть непонятно: две полоски или уже три. Это для него очень важно! Это вопрос престижа!

– Бабушка никак не может понять, что им в этом возрасте важно показать себя бывалыми солдатами, – жаловалась она. – И стирает, и гладит, и чистит форму, как будто он только вчера призвался.

А время шло. Водитель становился опытнее, задания опаснее, телефонные звонки редкими..

– Глебушка. Где ты сейчас? Едешь на территорию? Будь осторожен. Автомат возьми к себе поближе, не забудь вставить магазин. Что – мама? Я не говорю глупости...

– Бросил трубку. Злитесь. «Я в Армии, – говорит, – а не в детском саду». Вырос. Машину доверили. На территорию

едет. А для меня ребенок – ребенком.

Я представила себе машину Глеба. Вот она проехала блокпост – тревожная атмосфера, арабские деревни, поля, пустыри, встречные автомобили с зелеными номерами. Неприятливо. Враждебно. Военная машина медленно поднимается по горному серпантину. Большая мишень. В кабине сидит Глеб с любовно пришитыми бабушкой двумя лычками на рукаве, с кредитной карточкой в кармане, с мечтой учиться в Технионе...

Инна склонилась над документами, готовя очередную партию матрасов к отправке. На ее руке красовались подаренные Глебом часы.

Машина поднималась все выше и выше по крутому серпантину, все дальше и дальше удаляясь от блокпоста. Опасность исходила уже от каждого куста, от каждого камня. Темнело...

Параллельные миры. Дай Б-г им никогда не пересечься.

Не стоит село без праведника

Я думаю, что в Израиле самая большая плотность писателей, художников, музыкантов и распространителей пищевых добавок на душу русскоязычного населения. Чаще всего такая «душа» является одновременно и творческой личностью, и продавцом чудодейственного средства, и борцом за чистоту, то есть с помощью швабры и тряпки зарабатывает себе на жизнь. Рабочие дни протекают следующим образом: пока солнце высоко – народ моет, нянчит, ухаживает, зарабатывая трудовую копейку. Но как только солнце садится за море и наступает ночь – зажигаются огоньки литературных студий, самодеятельных театров, музыкальных гостиных, куда, как мошकारа на свет, слетается творческая интеллигенция.

В один из зимних промозглых вечеров занесло и меня в пригороды Хайфы на выступления местного писателя. Кутаясь от пронизывающего ветра в тонкую курточку и ругая себя за очередной интеллектуальный порыв, я блуждала по незнакомому району в поисках нужного дома.

– Что вы ищете, литературный клуб? – окликнула меня женщина с противоположной стороны улицы. – Пойдемте вместе, я знаю дорогу.

Я перешла улицу, и мы пошли рядом. Женщина не понравилась мне с первого взгляда – невысокого роста, приземи-

стая, в нелепой шубке с претензией на элегантность и с большой хозяйственной сумкой. Ее приветливость и словоохотливость вызвали во мне опасения, что судьба столкнула меня с очередным распространителем оздоровительных средств. Мои опасения подтвердились. Ася, так представилась моя попутчица, сразу начала рассказывать историю своей жизни в Израиле, до боли похожую на десятки других, уже слышанных мною. Учитель по специальности, она приехала в нашу страну с больным отцом и дочкой-студенткой. Хваталась за любую черную работу, чтобы как-то свести концы с концами, потом случайно познакомилась с дистрибьюторами компании X., думала, что надо продавать их продукты, но оказалось, что достаточно только консультировать и обучать. Это она умела, стала работать, появились деньги. Я ждала, что Ася закончит свой рассказ стандартным набором атрибутов преуспевающего человека: машина, квартира, материальное благополучие, но она неожиданно сказала: «Моя дочь написала своим подругам, что мама нашла себя в Израиле, и она гордится мною».

Ее искренность не улучшила моего отношения к случайной попутчице, я думала лишь о том, как бы проявить твердость и отказаться от ее предложений что-то купить. Но, главное, как зайти в клуб, чтобы никто не подумал, что мы знакомы. Неудачи преследовали меня в этот вечер. Мы не только вместе вошли в уже заполненную людьми комнату, но с первых же минут умудрились завоевать общее необдо-

рение.

– Кто вы, таинственные незнакомки, – шутливо обратился к нам организатор вечера, – поэтессы или писательницы?

– Я пишу стихи, – ответила Ася. – Стихотворения, посвященные дочери, привезла с собой, а посвященные партии оставила в Братске.

Присутствующие недоуменно переглянулись, слова «посвященные партии», видимо, резанули их диссидентский слух.

– И каким же ветром вас занесло в Братск? – поинтересовался кто-то.

– Поехала после школы по комсомольской путевке, – бесхитростно созналась Ася.

– Ну и как проходило строительство светлого будущего? Партия оценила ваш подвиг? – посыпались ехидные вопросы.

К моему удивлению, Ася не обиделась и не смутилась:

– Когда приехали в Братск, оказалось, что мы, девчонки, никому не нужны. Но назад на Украину возвращаться стыдно было, ведь нас провожал весь город. Так и жили, работали, учились. Вначале очень тяжело было, питались одной картошкой, иногда с салом, которое родители из дома присылали. (Это она, конечно, зря сказала, учитывая, что несколько человек были в кипах). Потом тоже было не легко, а когда началась перестройка – заболел папа, и я была вынуждена вернуться на Украину. Но мне даже гражданства

украинского не дали. Так мы оказались в Израиле.

К счастью, пришло время начинать литературную встречу, и Ася не успела рассказать освоих израильских мытарствах, мытье полов и работе в компании X.

Выступление писателя, на удивление, прошло неплохо.

Присутствующие с интересом слушали его рассказы, то искренне сопереживая героям, то улыбаясь шуткам. В конце выступления, страшно смущаясь, писатель предложил купить свою книжку. Слушатели сразу заторопились к выходу, стали включать мобильные телефоны, искать зонты, одевать куртки. Комната быстро пустела. Неожиданно моя попутчица подошла к столу, выгребла мелочь из кошелька и попросила надписать ей книгу. Вид мелких монет, сиротливо лежащих кучкой на столе, выглядел жалко и несолидно. Кто-то фыркнул в дверях, другой согласился с ним, и стало тихо.

Я не собиралась покупать книгу и тоже с радостью бы покинула помещение, если бы знала обратную дорогу к автобусу. Но я плохо ориентировалась в этом районе и поэтому решила дожидаться Асю.

Писатель с нежной улыбкой надписал книгу, потом закрыл ее и бережно вручил свое сокровище будущей читательнице. Но и тут она умудрилась все испортить.

– Спасибо. У меня дома целая полка книг с автографами.

Писатель сразу погрузился: каждая творческая личность хочет быть единственной и неповторимой, а не стоять в ряду с другими авторами.

В дверях нас поджидала еще одна участница встречи, которая тоже не решалась идти одна по темным, незнакомым улицам.

Мы втроем заспешили к автобусу.

– Ну, как вам встреча? – спросила наша новая знакомая. – Взглянуть не на кого. Третий год я в Израиле и не могу найти никого мало-мальски подходящего: или разведенные с алиментами, или несчастные со сломанными судьбами, или писатели нищие с предложениями питаться духовной пищей. Ну, а у вас как, девочки, нашли кого-нибудь или с мужьями приехали?

– Я здесь первый раз замуж вышла, – призналась Ася. – Но Костя в то время был на грани бомжевания, фактически голодал, а обедать у меня не хотел, гордый. Так я придумывала ему работу по дому: то прибить что-то, то починить. Он придет, а тут как раз время обеда, волей не волей, садится с нами за стол...

– Вы бы постеснялись такое рассказывать! – перебила ее наша попутчица. – Вроде приличная женщина, на творческие встречи ходите, а цепляетесь за любые брюки!

Тут просигналило такси, она вскочила в него, злобно хлопнув дверцей. И мы с Асей остались одни на улице.

– Умеет женщина себя преподнести, – восхищенно сказала Ася. – А я всю жизнь стеснялась проявлять свои чувства и дочку женским хитростям не научила. До тридцати лет все силы отдавала работе, думала, что судьба сама найдет меня,

появится мой суженный на корабле с алыми парусами. Но в Братске нет моря, да и мужчин приличных очень мало, и те уже разобраны, женаты. Откуда же мог приплыть корабль? Когда я это поняла, решила, что надо рожать без мужа, пусть хоть ребенок будет. Был у меня друг, правда, пьющий, но других мужчин не было, и я решилась, родила дочь. Пока жила в Братске возила девочку к ее отцу и бабушке, чтоб ребенок не чувствовал себя неполноценным. Бабушка, правда, тоже любила выпить, так и умерла от водки «на природе».

– Как это на природе? – удивилась я.

– А поехали они семьей на первой в лес, на пикник, как мы тут говорим. Выпили. Водки, как всегда, не хватило. Сын побежал в деревенский магазин. Пока он бегал, бабушка наша и умерла, прямо посреди застолья.

– Генетика – штука опасная, – сказала я.

– Если вы о дочери, то в этом плане я спокойна. Она у меня серьезная, даже слишком серьезная. Закончила университет, работает учительницей в начальных классах. Только в личной жизни пока не везет. Выросла такой же идеалисткой, как я. Встречается с одним, но ничего определенного. Я ей говорю: «Если что случится, рожай, мне внуки нужны, вырастим».

За разговорами мы подошли к автобусной остановке, ветер усилился, стал накрапывать дождик.

– Может быть, возьмем такси? – предложила я.

Ася смутилась:

– Понимаете, я взяла из дома слишком мало денег, не рассчитывала, что надо будет книгу купить. Я лучше автобус подожду.

– Ну, книжку, предположим, можно было и не покупать. А теперь вы должны мерзнуть.

– Зачем вы так. Своим надо помогать. А с деньгами у меня всегда недоразумения. Пошли мы как-то в Братске с дочкой в театр. Денег оставалось только на обратный проезд домой. Вдруг видим, в буфете сникерсы продают. Тогда это в новинку было. Я и говорю, давай купим, а на обратном пути зайдем к моей подруге. Она недалеко от театра жила и обещала мне отдать долг с зарплаты. Сникерсы купили, к подруге зашли, а ей зарплату задержали, денег нет. Пришлось нам идти домой пешком. Хорошо, что хоть дело не зимой было.

Автобус все никак не приходил. Я окончательно замерзла, но бросать Асю одну на остановке было уже неудобно.

– Хорошая у вас шубка, – сказала я, чтобы как-то продолжить разговор.

– Купила по случаю для встречи с соперницей, – неожиданно призналась Ася. – Да-да, не удивляйтесь. Мне мой муж сознался как-то, что три года со мной жил, а сам надеялся, что бывшая жена позовет его обратно. До Израиля у них была дружная семья, он неплохо зарабатывал, была квартира, машина, отдыхали с детьми каждое лето на море. А потом началась война. Они из Тирасполя. Пришлось срочно все бросить и уехать. И понеслось: финансовые трудности,

ссоры, скандалы, упреки... Костя возьми, да и уйди из дома, прямо Лев Толстой! Думал, побегут за ним, упрашивать будут вернуться. Как бы не так! Вот и жил в приюте для бедных, пока мы с ним не познакомились.

Наконец-то подошел автобус. Мы зашли в него, согрелись, сразу стало веселее.

– Да я же вам про шубу не рассказала, – вспомнила Ася. – Так вот, надо было мне как-то пойти к его бывшей жене, поговорить. Я уже решилась, дело важное, а потом растерялась. Уж больно эффектная она женщина. Я по сравнению с ней – серая мышка. Иду по улице и вдруг вижу: продают шубы по большой скидке. Дело к весне было, да и кому нужны в Израиле шубы? А мне в самый раз для встречи с соперницей. Одеда я шубу и сразу увереннее себя почувствовала, солиднее.

– Ну и как? Помогла шуба разрешить проблему? – с интересом спросила я.

– Конечно, нет, – грустно ответила Ася. – Я ходила по поводу Костиной дочки. Она приняла гиюр перед свадьбой, так как евреем в семье был только дедушка. Когда она принесла нам приглашение на свадьбу, я обрадовалась, говорю ей: «Пойдем, купим папе новый костюм, туфли, рубашку – ему же вести тебя под хупу, он должен солидно выглядеть». А она отвечает: «Можете, Ася, не тратиться, у меня после гиюра другой папа». Я так и ахнула, как же это так, при живом отце, пусть даже русском, идти под хупу с другим человеком?

Вот тогда и поехала я к сопернице. Выслушала она меня с усмешкой и говорит: «Чтоб вы понимали, Хасья Исааковна, в наших традициях».

– Ой, я совсем заболталась, а мне выходить скоро, – встрепенулась Ася. – Рада была познакомиться, если будет желание, звоните, пойдем вместе на следующую встречу. – Она протянула мне простенькую визитку распространителя компании X. со своим телефоном и вышла на остановке.

Я посмотрела в окно. Эта женщина совершала в своей жизни поступки, которые сегодня осуждаются многими: поехала по комсомольской путевке строить светлое будущее, родила без мужа дочь, давала в долг деньги, ела некошерное сало, вышла замуж на нищего мужчину, пыталась заработать распространяя пищевые добавки. Не сбылись надежды, не накопила имущества, не обзавелась влиятельными связями. Но не запачкалась ее душа, не пристала к ней грязь. Сохранила она нрав свой: добрый и сострадательный.

Я смотрела ей вслед и поняла вдруг, что она и есть тот самый «праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». А.Солженицын «Матренин двор».

Гиюр – Принятие иудаизма для неевреев по рождению.

Хупа – религиозный свадебный обряд.

Война

«Люди поняли, как ужасна война.

Хорошо, что мы всегда будем жить в мире»

Из моего школьного сочинения в 5 классе.

Почему-то плохие вести настигают меня всегда на работе.

Именно в солнечный веселый день, когда финансовые дела идут в гору, и на горизонте брезжит мираж успеха. Так было в день взрыва в Хайфе проклятого 37 автобуса. Так случилось и 12 июля.

Всю дорогу в машине играл магнитофон. Я вместе с Лаймой Вайкуле пела о любви. Потом на фирме оформляла заказ. На редкость хороший.

– Как дела, Наталья – спросил вышедший из кабинета менеджер.

– Отлично, – ответила я единственно возможным в нашей фирме ответом. И традиционно подарила ему американскую улыбку. Менеджер посмотрел на меня, как смотрят на психически неполноценных, с удивлением и жалостью. Хотел что-то сказать, но передумал. Ушел в кабинет.

– Завидует, -подумала я. – Мужчинам не нравится успех женщин.

Через несколько минут позвонил мобильный. Высветился номер старшего

сына-солдата . В такое время он обычно не звонит. Соску-

чился?

– Мама, у меня все хорошо, – быстро проговорил сын. В трубке слышались шум и разговоры.

– Отлично, – ответила я.

После паузы сын спросил:

– Ты что, ничего не знаешь? Война с Ливаном. Есть убитые, бомбят Север.

Я ошарашенно молчала. Надо было что-то сказать. Что?

– Мама, я больше говорить не могу. Слушай радио, – прокричал сын, и связь оборвалась.

Война с Ливаном. Где-то я уже об этом читала. Да, точно, была такая война. Но почему он говорит мне об этом сейчас? Послышалось? Не так поняла?

Прислушалась к разговору секретарш. Иврит – враг мой. Восемь убитых или раненных? И еще двое. Непонятно, что с ними.

Первая мысль: отменять или нет презентацию, намеченную на завтра? О чем думаю? Как стыдно. В эту минуту надо думать о судьбе Родины. Но в голову лезет совсем другое.

Бомбить нас начали только через три дня. Утром я поливала цветы на балконе. С завистью смотрела на соседний дом. Там строители разбирали ремонтные леса.

– Надо же, ремонт начали позже, чем в нашем доме, а закончили раньше. Всегда нам невезет.

Железные балки от лесов с грохотом падали на землю. Бух, бух.

– Скорей бы уже закончился этот бардак, – подумала я. И вдруг услышала удары совсем неадекватной силы. На землю свалилось что-то тяжелое и огромное.

– Да что они, обалдели? – Испугалась я. И потом поняла: обалдели, но не они. Через несколько минут завывла сирена. Проснулся младший сын.

– Ну и «ЭКШЭН», – с восторгом воскликнул он и пошел умываться, демонстрируя свое спокойствие. В его 17 лет запах пороха пробуждал древний инстинкт мужчины– воина.

Я выглянула на лестничную площадку. Там билась в слезах соседка-арабка.

– Сейчас принесу тебе воды и валокордин! – сказала я наполовину на иврите, наполовину на русском. Соседка от страха все равно ничего не понимала. Трясущимися руками начала капать валокордин и залюбовалась собой: интернациональная любовь, проявленная в опасную минуту. О чем я опять думаю?!

Надо срочно ехать к родителям.

– Шурик! – закричала я – Быстро собирайся, едем к бабушке.

– А что, там безопаснее? – удивился сын.

– Причем здесь безопасность, бабушка в истерике.

– Это потому, что первый раз, потом привыкнет, – философски заметил он и оказался прав. Всю дорогу он пытался меня отвлечь

– Насралла, наверное, большой любитель футбола. Подо-

ждал, когда закончится чемпионат и начал войну.

Мы на такси примчались на улицу Мория, к родителям. Бабушка сидела под лестницей на белом пластмассовом стуле. В руках она держала сумку, набитую документами.

– Мама, шансов, что в сумку попадет ракета, намного меньше, чем тех, что ты ее потеряешь, бегая при каждой сирене на лестничную площадку.

– Ты ничего не понимаешь, – ответила она. – В ней наши с папой дипломы, удостоверения доцентов, книжки члена творческих союзов, печатные труды. Их потом не восстановишь.

В сумочке лежало документальное подтверждение всей жизни.

– Она права, – подумала я. – В опасную минуту это надо держать в руках.

Соседи объяснили, что помещение, которое мы всегда принимали за кладовку, на самом деле является комнатой безопасности, то есть бомбоубежищем. И мы начали в ней коротать свои дни.

Пахло пылью и сыростью. Периодически раздавались глухие удары. С каждым ударом из сознания вышибалась очередная иллюзия о не зря прожитых трудных эмигрантских 15 годах, о возможностях дать детям хороший фундамент для начала самостоятельной жизни, о создании достойных условий родителям.

«Бух – бух» – гремели далекие разрывы, как насмешка са-

таны над твоим жалким благополучием.

– Ну, теперь ты довольна? – Злорадно спросил муж. Ему, человеку с хорошо развитым логическим мышлением, всегда было непонятно мое по-детски недальновидное стремление жить на этой «пороховой бочке». Объяснить мое нежелание замечать, что делается вокруг, он мог только какими-то тайными причинами, скорее всего романтического характера.

И потянулись дни, однообразно-тревожные, уныло-опасные. Как дьявольский дирижер, Хизбалла руководила нашими чувствами, вызывая то страх, то апатию, то безнадежность.

– Все, они договорились, – как-то утром заявил сын. – Через 72 часа прекращение огня. Почему на сразу? Уже и так все ясно, – возмущался Шурик.

– Боже мой, какой он еще наивный ребенок, – подумала я.

– Прямо как в футболе, – не унимался сын. – Дали дополнительное время, а потом будут пенальти.

И пошло дополнительное время. По телевизору замелькали счастливые, улыбающиеся портреты погибших солдат. Хорошо поставленным голосом диктор объявлял, когда и где состоятся похороны.

– Разрешены к публикации три имени... Разрешены к публикации пять имен...

Потом для тех, кто остался жив, передавали прогноз погоды.

– Зачем каждый день сообщать погоду, если она не меняется в течение 5 месяцев? – думала я, потому что всегда надо о чем-то думать.

Потом настало время пенальти. Более 20 сирен за три часа. Прямые попадания. Пожар. Захлебывающийся от быстро развивающихся событий голос ведущего телерепортаж.

И стало тихо. Игра сделана. Телезрители могут перевести дух. Обозреватели подсчитают очки, баллы, проценты. Вынесут вердикт.

На утро по радио выступал психолог:

– Настало время вернуть жизнь в привычное русло. Включайте в рацион продукты с успокаивающим эффектом: все виды капусты, сладкий перец, хлеб из муки грубого помола. Делайте себе и близким массаж. Массаж успокаивает.

– Приглашаем всех на фестиваль под названием «Возвращаемся к нормальной жизни», – радостно сообщил диктор.

– Что ж, – сказала я себе, – существует суровое правило: если тебя не убили, ты обязана вернуться к жизни. Третьего не дано.

Хайфа сентябрь 2006

Последний день

Памяти Лиз Кацман

Начало марта в Хайфе. Вымытый зимними дождями город сияет на весеннем, еще не обжигающе жарком солнце. А какое буйство красок! Природа как будто спешит расцвести, распуститься, зазеленеть в короткий период южной весны, перед надвигающимися суховеями. Воздух пропитан ароматами жасмина, акации и набухающих почек тополей. Благоухание волнами накатывает на спешащих по улицам прохожих, отвлекая их от привычных мыслей и забот. Они вспоминают свою Весну, переживания и ожидания, связанные с ней, и грустно улыбаются трогательной наивности молодости.

Обсыпанные цветами кусты роз. Маки на лохматых, еще нестриженных газонах. И море над крышами домов. С улиц, бегущих с горы Кармель море кажется запрокинутым. Конечно, это обман зрения. Но как интересно наблюдать за водной синевой, проглядывающей за домами и деревьями. Через листву виден одинокий парусник. Он как белая птица порхает с ветки на ветку, то прячется в зелени, то появляется вновь. Играет, дразнит, манит...

—Посмотри, какая красота вокруг! Ну, как, как это можно передать с помощью красок? – спросила она у своей подруги. – У меня сейчас такое настроение ... даже не знаю, как и

объяснить. Скоро закончится школа, и мы все разбежимся, кто куда. Как это грустно, и в то же время как здорово. Всё, всё будет по-другому, по-новому.

– Тебе обязательно надо продолжать рисовать, у тебя талант, – ответила невпопад подруга, неохотно оторвавшись от своих мыслей. И потом, как бы извиняясь за невнимательность, добавила, – Даже не представляю, как ты со своей чувствительностью пойдешь в армию?

– Да, родители тоже говорят, что жалко терять эти два года. Но вы все уйдете, а я останусь? Нет, так дело не пойдет. А потом служба у нас будет не опасная. А вот за мальчишек я боюсь, почти все из класса хотят в боевые части.

– Ерунда! Армия – это кейф! Экшн, новые друзья. Помнишь Аллу? Соседку мою, что призвалась полгода назад? Она так подружилась с девчонками из своего отделения! Каждая рассказала о своем друге. А потом, представь, они решили разом их всех бросить и начать жизнь с чистого листа. И, представляешь, выполнили свое обещание. Хотя, мне кажется, ее прошлый парень был лучше нынешнего. Но все равно классно!

– Вот я тоже все время думаю об Илюше...

– О, он такой чудный! И не говори мне, что ты сможешь его бросить!

– Успокойся, он нравится мне, но иногда кажется, что главная встреча впереди. Мы так хорошо знаем друг друга. Я уже сейчас представляю всю жизнь с ним: армия, Технион,

докторат, стажировка в Америке, свой дом, дети. Все правильно, благоразумно, как говорит бабушка, но хочется чего-то необычного.

– Я-то тебя понимаю. Но родителям этого не объяснишь. У них одно на уме: хорошее образование, потом чистая работа и большая зарплата. Предел мечтаний – работа программиста. Тоска! Занудство. Учиться, работать, а жить-то когда?

– И не говори. Спорят по каждому поводу. Я хотела на выпускной вечер пойти в джинсах. Так бабушка против: «Доставь мне удовольствие, – говорит, – надень платье. Ты такая женственная, нежная». Потом, как всегда, вспомнила свою трудную юность. И закончила со слезами: «Не думала я, что доживу до выпускного бала внучки».

– Знаешь, мой тебе совет, сделай ей праздник, купи платье. Только не такое, как я одела на папин юбилей. Помнишь, он тогда еще спросил: «А ты уверена, что это платье, а не ночная сорочка?» Смешные. Это же бельевой стиль. Ну, ничего не понимают!

– А как тебе было классно тогда! Ой, смотри! Наш автобус! Бежим скорее, может быть, успеем.

В автобусе было полно народу. Но они сумели в него втиснуться.

Школьники возвращались с занятий. Дети тоже чувствовали легкомысленное веяние весны. Им уже хотелось каникул и летней свободы.

Кто-то смеялся, кто-то дразнил соседа, кто-то залез на спинку сидения. Доедались бережно приготовленные родителями и не съеденные на переменах бутерброды. Без конца звонили телефоны: «Да, уже в автобусе. Скоро буду! Есть не хочу! Пойду сразу гулять! Нет, ничего не задали. Кто смеется рядом? Не знаю, это сосед в автобусе. Всё, пока, до встречи ...»

Из вечерних новостей: «Сегодня около двух часов дня в центре Хайфы прозвучал очередной взрыв. Террорист-самубийца привел в действие взрывное устройство в заполненном школьниками автобусе. Семнадцать человек погибло, десятки ранены. Ответственность за теракт взяла на себя группировка «Мученики Эль Аксы.»

В солнечный весенний день город был завален букетами. Израиль научился праздновать 8 Марта. Подошли к цветочному ларьку и мы, чтобы купить цветы для похорон.

– Сделайте, пожалуйста, букет из белых лилий для молодых девушек, – попросили мы.

– Возьмите лучше эти алые розы, – посоветовала улыбающаяся продавщица. – Смотрите, какие свежие бутоны. Не волнуйтесь, они обязательно распустятся.

– Нет, – с безнадежностью сказали мы. – Там, куда мы идем, бутоны не распускаются никогда.

Завод

Четвертого июня промзона просыпалась в обычном, раз и навсегда заведенном порядке. Как только над цистерной цементного завода показали первые лучи солнца, по главной улице с грохотом и лязгом пронеслась мусоросборочная машина. А когда пыль рассеялась, стало видно, как из ворот муниципальной службы выкатили свои тележки с баками три дворника. Они закурили, перебросились несколькими фразами на русском языке и разбрелись в разные стороны, каждый на свой участок. Вскоре проехал автобус, наполненный женщинами – работницами электронного завода. Они как всегда дремали, пытаясь набраться сил перед долгими часами нудной работы на конвейере.

Как только автобус скрылся за поворотом, со скрипом стали открываться двери маленького магазинчика с забавным названием «Перекурим?». А солнце тем временем уже успело подняться над горой песка. Все было как всегда, утром четвертого июня.

Старик подъехал к воротам своего завода ровно в семь. Этот завод он создал со своим другом Ореном около 30 лет назад, но уже давно числился его совладельцем только на бумаге. Старик, которого звали Алон, лихо припарковал машину под жидкой тенью эвкалипта, как делал это каждое рабочее утро вот уже много лет. Пока Алон был за рулем, каза-

лось, что он так же красив и силен, как его мощный джип. А когда вылез из комфортабельного салона, сразу бросился в глаза его возраст – отечные ноги, скованные движения, одутловатое лицо.

Тяжело ступая, старик зашел в цех. Не спеша подошел к своему станку, которого ласково называл «Мотя», потрепал его, как любимого коня, и включил кнопку пуска. Мотя что-то буркнул в знак приветствия и миролюбиво заурчал. Алон передел глаженую рубашку на рабочую футболку и сел на свой потертый стул передохнуть. Он неотрывно смотрел на станок, как будто за ночь успел по нему соскучиться. Старик хотел бы рассказать своему верному другу, что сегодня необычный день – четвертое июня. Он был уверен, что Мотя понял бы его, как понимал каждое движение хозяина, но в цех стали приходиться рабочие. Старику расхотелось при них даже мысленно продолжать беседу со станком.

Первыми пришли женщины, работающие на очистке заусениц: Фира и Тамара. Обе шумные, крикливые, вечно озабоченные поисками состоятельных ухажеров.

Потом появился смуглый парень, любовно прозванный женщинами «маракашка», по названию страны исхода – Марокко. "Маракашка" не щадил себя на полях сексуально-эротического фронта, одерживая все новые и новые победы. Поэтому по утрам он выглядел таким усталым и замученным, каким принято видеть работающего человека вечером.

Далее подгрел Федя. У Феди были поистине «золотые ру-

ки», которые не ошибались даже тогда, когда ноги не могли устоять у станка «после вчерашнего». Говорят, что у себя в Житомире в смутные времена перестройки Федя сделал на своем токарном станке револьвер и выгодно продал его местным авторитетам. Также говорят, что после этого поступка он был вынужден срочно улететь в Израиль. Как бы то ни было на самом деле, но Федя уже несколько лет работал на заводе старика, ни разу не выпустил брака и ни на час не расставался с большой потертой бутылкой из-под минералки, прикладываясь к которой он становился веселей и добродушней.

Оба рабочих тут же врубили свои радиоприемники. Из колонок "маракашки" лилась лирическая песня «Золотой Ерушалаим» на иврите, а приемник Феди огласил цех ностальгическими песнями России.

– Вологда, Вологда, Вологда-гда

– Эх-ма! – Отхлебнув из своей бутылки «минералки», Федя начал пританцовывать у токарного станка.

Старик взмолился:

– Приглушите звук.

– Пусть вначале выключит свою трещалку обезьяна марокканская, – крикнул Федя и хлопнул в ладоши в такт захватывающей песни.

– Только после русской свиньи, – не растерялся «маракашка».

Наконец появился настоящий хозяин завода – Орен. Хо-

ленный, рослый, тщательно скрывающий свой возраст дорогой молодежной одеждой, модной оправой очков и кокетливой косичкой из жидких волос.

– Что ты говоришь?! Оплачивать работу по курсу доллара? Это – клиника. Доллар сегодня не дороже мусора, а ты привязываешься к баксам! Хочешь убить меня? – кричал он по мобильнику и, не поздоровавшись с рабочими, прошел в свой кабинет.

Старик вытащил из станка первую деталь и стал штангенциркулем проверять размеры. Руки предательски тряслись, но размеры были точные, в середине допусков, так, как он любил.

– А что, мы с тобой еще кое на что способны, – обратился он к станку и похлопал его по боковине. – Молодец, не подвел меня, тем более в такой день.

Мотя одобряюще фыркнул, а, возможно, это только показалось старику.

Работая по 12-14 часов на заводе, Алон уже давно был чужаком в своей семье. Жена мало интересовалась диаметрами, допусками и фасками. Ее больше волновала прибыль, которую приносил завод. Вернее то, что можно купить на эти деньги, вызывая зависть подружек. Сыну старик пытался привить любовь к металлу и точной обработке. Они даже некоторое время работали вместе. Но когда знакомые стали искренне интересоваться состоянием здоровья старика, он почувствовал что-то неладное. Потом выяснилась и причина

такого беспокойства.

– Скоро отец умрет, и я стану хозяином завода! – хвастался юный наследник перед всеми, кто хоть раз с ним поздоровался.

Так уж получилось, что кроме Моти не с кем было старику поговорить по душам.

День продолжался в своём рабочем ритме.

Марокканец, запустив очередную деталь, успел смотаться к «девочкам». Это заведение стыдливо называли здесь "махон" (институт здоровья). Вернулся раздумавшийся и по добревший. Приглушив радио, он сообщил Феде, что в махоне появились новенькие: пухленькие блондинки с Украины. Ласковые и страстные.

Федю женщины давно уже не интересовали, но в знак солидарности с коллегой-марокканцем он отпил из своей бутылки два внушительных глотка за здоровье всех блондинок мира и убавил звук ностальгической российской музыки.

В образовавшемся песенном затишье был слышен только ровный гул станков и щебет женщин.

– А я Моше показала счет за электричество, так много набежало из-за этих кондиционеров! Он взял вроде разобраться, а вчера вернул оплаченную квитанцию. И ты так сделай.

– Я бы сделала. Да после поездки в Эйлат, мой все жалуется, что денег нет.

– Да брось ты его на фиг! Если я в свой сороковник имею в месяц от Моше тысячу, а то и полторы, то тебе – тридца-

тилетней бабе, смешно теряться.

– Да как-то неудобно, Фира. Он мне кровать двухспальную купил недавно, а я бортану его.

– Выбросьты эти глупости из головы. Сразу видно – расшен-деревяшен.

Марокканец, помешивая кофе в полиэтиленовом стаканчике, подошел к дамам, вооруженным напильниками.

– А правду говорят, что русские мужики слабы в постели? – с усмешкой обратился он к Томе и ущипнул ее за аппетитный бок.

– Иди к станку, кобель! – с удовольствием взвизгнула она. – Все не насытишься никак.

Из кабинета показался Орен. Прижавшись ухом к трубке телефона и разговаривая с кем-то, он протянул старику бумаги и пальцем показал, где надо расписаться.

– Что это? – спросил старик.

– Да тебе какое дело? Все равно не понимаешь!

– Ты прав, – старик поставил подпись.

– Вот и плохо, что тебе все равно! – закричал хозяин.

Старик попытался возразить, но понял, что Орен говорит не с ним, а по телефону. Забрав бумаги, хозяин скрылся в кабинете, так и не взглянув на своего бизнес-партнера.

Рабочий день подходил к концу. Марокканец подсчитал наличку и понял, что сможет еще раз посетить "девочек". (Кредитные карточки махон не принимал).

Федя тоже полез в карман и достал свои банкноты. Денег

не хватило даже на бутылку третьесортной «минералки».

– Вот и прожит день, – философически заметил Федя. – Жизнь летит, как птица, а мы все крутимся и вертимся... Горло не на что смочить...

– Сколько не хватает? – участливо спросила Фира, открывая кошелек.

– Десять "шакалов" до полочки, – сразу повеселел рабочий.

Девочки сбросились по пять шекелей, вручили Феде, спрятали напильники, руки смазали благоухающими кремами, а личики помадой и румянами и запорхнули в машины к ухажерам.

Все стихло. Тишина угнетала старика. Он привык к шуму. При однообразном урчании станков он чувствовал себя спокойно и уверенно, и даже радио не так мешало ему, как тишина. Но старик продолжал сидеть на стуле.

Наконец, дверь кабинета хозяина открылась.

– Сидишь? А я-то думал, ты забыл, что сегодня четвертое июня, – впервые за день, а может и за год, хозяин обратился к старику по-человечески.

– Орен, как можно забыть? Я ждал, пока ты освободишься. Сейчас достану чайник и газету.

Он вытащил из железного шкафа с инструментами старый алюминиевый чайник и завернутую в полиэтилен вырезку из газеты. Налил в чайник воду, поставил его на газовую плиту. Орен достал дешевое печенье и пирог фабричной выпечки.

– Вот еще год прошел, – начал он дежурный монолог, – а мы все бежим куда-то, суедемся, как куклы заводные. Двигаем руками, ногами, пока завод не кончится. Всю жизнь одна работа, прибыль... Хотя бы сегодня остановимся, подумаем... – продолжал он, нарезая пирог большими кусками.

Старик его не слушал. Он внимательно разглядывал газету от 4 июня 1967 года, на первой странице которой была помещена большая фотография со статьей. С выцветшей картинки смотрели трое красивых молодых солдат, сидящих возле походного костра. И только благодаря чайнику на переднем плане, тому самому алюминиевому чайнику, который кипел сейчас на газовой плите в кабинете Орена, можно было догадаться, что двое из запечатленных на фотографии находятся сейчас в этой комнате.

Репортер писал о трех товарищах, привезенных в Израиль из Европы, где они чудом уцелели в Холокосте. Ребята взяли вместо галутских – израильские имена – Орен (сосна), Алон (Дуб), Ор (свет). Учились в университете, а в настоящий момент были призваны на сборы резервистов в Армию обороны Израиля.

Ор погиб через три дня после приезда фотожурналиста. Никто не знает, где он похоронен, да и некому было узнавать. Родители погибли во время Холокоста, жениться не успел, детьми не обзавелся. О погибшем друге помнили только двое: хозяин и старик. И вот этот чайник...

Так и повелось, что в память о товарище они собирались

каждое четвертое июня, кипятили чай в походном чайнике и вспоминали свою молодость.

Старик внимательно читал статью, как будто видел ее первый раз. Журналист описывал их планы и надежды.

Они мечтали получить образование, открыть завод, обязательно военный, чтобы Армия Израиля была оснащена самым лучшим оружием, жениться, построить дом, завести детей, но главное: создать свою страну, не похожую ни на одну другую.

– Орен, а ведь все сбылось, о чем мы тогда мечтали, – вдруг удивленно воскликнул старик.

– Все сбылось, – уверенно подтвердил Орен.

– Тогда почему же мне так больно?..

А солнце уже скрылось за водонапорной бочкой, чтобы завтра утром вновь показаться над цистерной цементного завода...

Справка: В Израиле распространена система, которая называется – аутсорсинг. При ней большой завод дает заказы малым заводам-подрядчикам. На таком мини-заводике может работать от пяти до тридцати человек. Владелец завода часто не только выполняет руководящие функции, но и сам трудится у станка

Запоздалое знакомство

Якову, который мог быть моим другом...

Я познакомилась с ним после его смерти, потому что при жизни мне не хватило на это времени.

Что я знала о нем? Сосед. Снимает квартиру этажом ниже. Художник, рисует цветы. Живет вместе со взрослой дочерью, помогает ей учиться. Подрабатывает уборками в супермаркете, а по пятницам моет лестницу в нашем подъезде. Мы прожили рядом пять лет. Но всегда находились причины отложить знакомство на потом.

Первый раз я зашла в его квартиру на Шиву*. Хотя он много раз приглашал меня посмотреть его картины. Яков рисовал мир таким, каким видел его: изящным, гармоничным, нежным и очень хрупким. Цветы, что может лучше передать смелость и недолговечность красоты? Картинами были увешаны все стены. Сочные, жизнерадостные краски полотен еще больше подчеркивали убогую обстановку съемного жилья.

По традиции на Шиву приходили сослуживцы – работники супермаркета. Они тоже не подозревали, что человек, ловко орудующий шваброй, мог так же мастерски работать кистью. Когда рождались эти сюжеты? Когда он подметал пол между полками, вытряхивал мусор в большие, разноцветные пакеты или когда ехал в автобусе домой? Теперь им

этого уже не узнать. Жаль, что они видели только серый халат и резиновые перчатки, что в короткие перерывы называли по мобильным, а после окончания рабочего дня сразу же убегали домой. Пара брошенных слов, задержавшийся взгляд могли сделать их жизнь намного интереснее.

Как-то на праздник он подарил мне небольшой этюд. Интересно, где он? Скорее всего, до сих пор лежит в коробке, в то время не нашлось нужного гвоздя, а потом забылось. Надо отыскать и повесить как память...

Дочь рассказала, что он участвовал в печально-знаменитой московской выставке в Сокольниках в конце 60-десятых. Хорошо было бы расспросить его. Но не успела. Дочь тоже мало знала об этом событии.

– Некогда было беседовать. То учеба, то работа, домой прибежала: надо почту в интернете проверить, пару звонков сделать, а там уже и ночь, пора спать. Замотка. Все бегом. Ну, вы сами понимаете, – оправдалась она.

Вспомнилось, как он выглянул из квартиры, услышав мои шаги по лестнице. Выглянул и смутился:

– Извините. Я жду гостей. Показалось, что это они идут.

Я могла бы притормозить, остановиться, зайти. Но из моей квартиры доносились настойчивые трели телефона. И я побежала наверх, как будто от этого звонка что-то зависело в моей жизни. Кстати: пришли ли гости? Он их так ждал. Или тоже не смогли вырваться из бытовой круговерти? Я хотела спросить об этом, но не успела.

Теперь о его жизни рассказывают вещи: его картины, книги, набор дисков. Вещи оказались более преданными, чем люди. Или им просто некуда торопиться? Среди сувениров и памятных безделушек бросилось в глаза пожелтевшее объявление:

«Анонс.

Скоро в нашем клубе состоится встреча с художником.

Тема: «Изображение древнегреческих богов в современной живописи и скульптуре. Вход бесплатный. Следите за объявлениями»

– Это единственный случай в нашей израильской жизни, когда папу пригласили прочитать лекцию, хотя он много лет успешно преподавал в художественном училище, – сказала дочь, перехватив мой взгляд.

– Папа очень серьезно готовился к ней. Подбирал иллюстрации, искал интересные сведения в интернете. Хорошо бы найти его конспекты, они куда-то затерялись. Жаль, что лекция не состоялась. Ее все откладывали и откладывали. Все вечера в клубе заняты: три дня в неделю – игра в бридж, потом началась выборная компания, и, как назло, приехал специалист дыхания по-Бутейко. А тут еще решили провести семинар: «Как спланировать свое время, чтобы все успеть.» Живопись отложили на потом, теперь лекция уже не состоится.

Я хотела поблагодарить Якова за цветы, которые он посадил в нашем дворе, сказать о том, что мне нравится музы-

ка, доносившаяся из его квартиры, что я восхищаюсь его мужеством и выдержкой, доброжелательностью и стойкостью, удивительными для человека, полностью потерявшему свой социальный статус. Я хотела сказать много теплых слов...

Он жил спокойно, без суеты. Не стремясь доказать что-то самому себе или оправдать себя. За этим внешним спокойствием чувствовалась внутренняя сила. Хорошо было бы иметь такого друга. Не сложилось.

Его смерть не была проявлением героизма. Он бежал на автобус, спешил домой, чтобы приготовить обед до прихода дочери. Машина неожиданно выскочила из-за поворота. Он погиб на месте, а мы узнали, как он жил среди нас.

*ШИВА – семь дней траура по древнееврейской традиции. (Близкие родственники сидят дома. К ним приходят выразить соболезнование друзья, знакомые, сослуживцы, соседи).

Рассказ о десяти шекелях

Он рассказывал нам эту историю почти на каждом пикнике. Мы прощали нашему другу эту привычку. У каждого из нас тоже был свой случай из абсорбции, который постоянно всплывал в памяти, не давая покоя и требуя сочувствующих слушателей.

—Куда только не кидала меня судьба в первые годы репатриации, — начинал он свое повествование. А мы, уже наевшиеся шашлыков, откидывались в шезлонгах и вялопощипывая фрукты, ждали его рассказ и фирменный кофе, который он варил по особому рецепту.

—Кем я только не был: и разносчиком газет на центральной автобусной станции, и грузчиком арбузов на рынке, и подносчиком ящиков на винном заводе, и продавцом подержанной мебели. Ходил по квартирам, продавая чужие картины, раздавал рекламки на улице. Даже как-то подвязался в магазин ощипывать куриные тушки. Но время, о котором я хочу рассказать, было уже относительно благополучное. Работал я тогда в столярном цеху большого завода, где мне, выпускнику МАИ, доверили не только убирать мусор, но и читать чертежи, а так же размечать заготовки. Жил я в маленькой будке, которую построил на крыше своего дома один предприимчивый марокканец. А вечерами учился на частных курсах для программистов. Учитывая низкую плату

за жилье, бесплатные обеды на работе, велосипед в качестве городского транспорта, я кое-как выкручивался. Четыре шекеля в день – таков был мой бюджет. К чему я это все так подробно рассказываю? Вы сейчас поймете.

– Ой, Леня, рассказывайте. Рассказывайте подробнее. Не могу представить вас ощипывающим перья кур. Это так забавно, – вдруг вырвалось у самой молодой участницы нашего пикника Оленьки. Ее тут же одернул муж. Но Леонид даже не заметил ее бестактность.

– В тот день я в очередной раз ломал голову: почему маленькое отверстие на чертеже имеет диаметр 20 мм, а вдвое большее – 15 мм. Неожиданно ко мне подошел подсобник, в обязанности которого входило подметать опилки. Был он из местных. Как сейчас помню, звали его Эфраим. И он имел привычку всегда придирааться ко мне.

– Вот-вот, у меня на работе тоже была такая гнида, – заявил наш старинный приятель, неунывающий весельчак Коган. Его почему-то все так и звали Коган, как будто у него не было имени. – То говорит, торопиться и небрежен, то медлишь и время тянешь. Короче, доставал меня по-страшному.

– Это потому, что ты еврей, – тут же вставил его друг Шмулик, который в то время переживал сильные сионистские чувства. В родном Харькове Шмулика все знали как Сеню, а сейчас его зовут Сэм, и живет он в Канаде. Но это к данному повествованию никакого отношения не имеет.

– Ты что, Шмулик, – возмутился Коган, – это же здесь бы-

ло, в Израиле!

–Тогда это потому, что ты «русский», – здраво рассудил муж Оленьки. И был тут же одернут женой:

–Хватит тебе Леню перебивать. Человек о наболевшем рассказывает.

–Так вот, подошел ко мне Эфраим с такой гнусенькой улыбочкой на лице и говорит сладким голосом: «У меня, Леон, просьба к тебе имеется. Жене моей операцию должны делать. Вот ищу донора, чтобы кровь для нее сдал. Всех просил. Никто не хочет. Может, ты выручишь? Группа крови значения не имеет, так как это не прямое переливание». Как услышал я слово «донор», так и вспомнил славные дни в нашем проектном институте в Москве. Как веселой компанией шли мы в санчасть сдавать кровь в «День донора», получали почетные значки, обед с красным вином, а главное – два отгула, а если дружишь с табельщицей – то и все четыре. «Конечно, сдам, – отвечаю. – О чем разговор».

–Чтобы не говорили, а в нашем советском прошлом была своя прелесть, – опять встрял неугомонный Коган. – Я, например, любил ходить от нашего НИИ на похороны генсеков. Утром похоронил, и с часу дня свободен. Пол-отгула на халяву.

–Коган, вы – неисправимый циник, – рассердилась Оленька. – Дадите вы нам сегодня дослушать «Историю о десяти шекелях» или нет?

–Действительно, друзья, давайте слушать молча. Кофе

уже хочется!– поддержал ее Шмулик.

–Эфраим обрадовался. «Езжай, – говорит, – после работы в ближайшую больницу. Там принимают кровь круглые сутки. Возьми такси, пообедай потом в ресторане, я все оплачу!»

В этот же вечер после работы я поехал в больницу. Денег, чтобы заплатить за такси, у меня не было, а взять у Эфраима аванс я постеснялся. Да и на ресторан у меня не хватило бы, но он и не понадобился. Когда я доехал на автобусе до больницы и нашел в потемках нужный корпус, то прочитал на табличке, что работал донорский пункт только в утренние часы. «Поцеловав» замок, я поехал назад. Добрался до дому довольно поздно, когда поблизости открыт был только один ночной магазин. Я наскреб пять шекелей и купил сэндвич на ужин. На все эту авантюру я потратил свободный вечер и десять шекелей.

Всю ночь меня мучил вопрос: попросить ли Эфраима возместить мои траты. Вы, может быть, думаете, что я мелочный или жадный? Конечно, десять шекелей – смешная сумма, но для меня это было тогда целое состояние.

Так и не придя ни к какому решению, на следующее утро я пришел на работу. Эфраим уже ждал меня в дверях цеха. «Ну что?» – даже не поздоровавшись, требовательно спросил он. Я объяснил Эфраиму, что он ошибся, пункт вечером не работает, и я зря потерял деньги и время.

Эфраим побледнел и заорал так, что своим криком заглу-

шил визг двух циркулярных пил. Он кричал, что ничем мне не обязан, чтобы я не смел ничего у него просить, что я сам во всем виноват. Он не забыл упомянуть и о том, кто я такой, что меня не ждали в этой стране, и что я должен знать свое место. Он кричал до тех пор, пока не подошел мастер. Выяснив причину скандала, мастер заорал еще громче Эфраима: « Нашел «русского» фраера! Человек живет в будке, у него нет даже телевизора, а ты не можешь вернуть ему несчастные 10 шекелей!» Он вытащил деньги из кармана и отдал мне. «Вычту из зарплаты в двойном размере!» – пригрозил он Эфраиму.

Работяги объяснили мне потом причину гнева мастера. Оказалось, что Эфраим – сын миллионера, имеет все блага жизни, кроме наличных денег, которые папаша боится давать ему из-за страсти к азартным играм. Поэтому он вынужден работать. На мне же Эфраим хотел просто сэкономить: если нет своего донора, нужно платить за кровь двести шекелей. Деньги он у отца взял, а отдавать их больнице не хотелось. Об этом знали все в нашем цехе, поэтому и отказались сдавать кровь для его жены. Вот и весь рассказ.

– Да, хорошо то, что хорошо кончается, – сказал Коган.

И не понятно было, что он имел в виду: то, что мастер тогда вернул Леониду десять шекелей, или то, что Леонид сейчас руководит отделом в преуспевающей фирме.

– Давай, Леня, колдуй над кофейником. А я рюмочки под ликер достану, – оживился Шмулик и добавил, когда тот ото-

шел к костру: – Классный мужик Ленька, но задолбал уже своими «десятью шекелями».

– Да ладно тебе, – оборвал его Коган. – У каждого из нас есть свой Эфраим.

Веселая семейка

Они снимали огромную квартиру на первом этаже в нашем доме: шестеро взрослых, двое детей, три собаки, две кошки, найденные на улице, и нелегал Витька. Почему-то Витька шел всегда в конце перечислений, после кошек.

Вечерами из окон доносился шокирующий соседней аромат жареной на сале картошки и страшные крики :

–Киркоров – это китч! Прошу не произносить в моем доме этого имени!

– Это знаковая фигура. Он по-своему талантлив. Он бывший муж Пугачевой, в конце концов! Мы должны быть в курсе событий шоу-бизнеса!

–Нет! Картошка еще сыровата. Опустит крышку. Не хватай раньше времени!

Ивритоговорящие жильцы упорно считали, что в квартире разыгрываются жуткие семейные разборки. Я много раз объясняла им, что это творческие споры, которые не могут быть тихими, когда в одной квартире проживают бывшие режиссер, актриса и директор драматического театра, да еще из Грузии.

Аборигены нашего дома так ничего и не поняли. Они собрали деньги, наняли рабочих и воздвигли декоративную стену, отделяющую окна «не кошерной» квартиры от входа в подъезд. Признаться, я тоже до конца не разобралась, чего

в этой семье больше: доброты или лукавства, расчетливости или инфантильности.

Зарисовка первая. Бабушка,

Утром ее выводили и сажали на скамеечку рядом с нашим домом. Словоохотливая старушка рада была любому собеседнику.

– Ты, деточка, одна в Израиле? – заботливо спрашивала она меня и, не дождавшись ответа, продолжала. – Одна пропадешь. Вот, возьми нашу семью: я получаю пенсию; сын, в прошлом режиссер Тбилисского театра, – пособие по безработице. С театрами в Израиле не густо. Дочь с мужем в фиктивном разводе; зять мой, бывший директор того же театра, на инвалидности, а дочь, актриса, работает. Нет, не на сцене, а нянечкой в больнице. Но мы оформляем на нее все договора. Внук Лешка, отец-одиночка, воспитывает сына от первого брака, а его подруга с их общей дочкой тоже числится одинокой матерью. Не расписаны они. Вот считай: пять пособий, плюс зарплата – на шестерых взрослых, двоих детей и пятерых хвостатых. И то еле-еле сводим концы с концами.

– Что ж Вы Витьку не посчитали? – спросила я

– А что его считать? Витек нелегал. И скоро съедет от нас. Вот женится и съедет! Женить его надо на гражданке Израиля, тогда он и вид на жительство получит, и право на работу, и медицинскую страховку. А иначе никак, он же не еврей. Нет ли у тебя хорошей женщины на примете? А что ты так укоризненно смотришь на меня? Здесь все вертятся. Вот

моя подруга, к примеру, скрывает, что у нее есть сын. Хочет, чтоб ее похоронили за счет государства, как одинокую. И, между прочим, умно делает. Знаешь, сколько здесь похороны стоят? Узнаешь, не захочешь умирать.

Зарисовка вторая. Алешка.

Как-то, вынося мусор, я увидела Алешку, который грустно смотрел под капот своих старых "жигулей" и матерился. Витька курил рядом.

– Доброе утро! Что случилось? – спросила я.

– Да вот, сэкономил, понимаешь! – саркастически сострил Витёк.

– Надо было пройти очередной техосмотр, – начал объяснять Алеша, – а из выхлопной трубы такие газы валят! Раз в десять выше нормы. А деньги, чтобы мотор перебрать, у меня, естественно, отсутствуют. Приезжаю в наш гараж «Тарасик». «Ребята, выручайте!» – говорю. Ну, они и вывели часть газов прямо в салон...

– Ужас! Это же ведь газовая камера! – Запричитала я. – Ты мог задохнуться!

– Лучше б задохнуться мне тогда, чем пережить такое! – ответил Алексей. – Прошел я техосмотр, все в норме. Доехал до гаража с открытыми окнами. Ребята говорят: «Сейчас мы вернем трубки в исходное положение и за всю работу возьмем с тебя только 100 шекелей!». Обрадовались мы, пошли с Витьком пивка попить. Вернулись, забрали машину. А сегодня утром завожу ее, а она мертвая. Ты погляди! – Он ткнул

пальцем в мотор. – Они детали поменяли, сволочи! Теперь она никогда с места не тронется!

– Да, превратили твою подвижность в неподвижность! – опять сострил Витёк.

Действительно, с этого дня машина не тронулась с места. Она ржавела под дождями и плавилась на солнце, пока соседи не собрали деньги и не отбуксировали ее на свалку.

Зарисовка третья. Дядя Алеши.

Русский магазин «Березка» был знаменит на весь наш город: в огромном помещении, напоминающем ангар, находились книжный магазин, кафетерий, интернет-кафе, прокат видеокассет и тусовка всей русскоязычной, безработной интеллигенции.

Зайдя в магазин, я встретила дядю Алексея. Он чинно восседал за столиком читая книгу. Увидев меня, величественным жестом, заимствованным из пьес Островского, пригласил присесть рядом. Я не посмела послушаться. Как-никак, а приглашает режиссер...

Тотчас подбежала улыбающаяся официантка.

– Зинуль, мне как всегда, – сказал дядя. – А даме – ваш фирменный кофе со взбитыми сливками.

Официантка убежала выполнять заказ.

– Вот здесь проходят дни мои, – трагически пожаловался дядя.

– Дома – шум, бедлам. Не могу ни сосредоточиться, ни творить. А ведь я создаю МХАТ. Да, да, не удивляйтесь.

Молодежный Хайфский Театр. Премьера состоится здесь, в «Березке», на Новый год. Ваш покорный слуга – Дед Мороз. Вот с июня бороду отращиваю.

Официантка принесла мне красивый бокал с кофе, а дяде – сто граммов коньячка. Он пригубил, а я, воспользовавшись паузой, спросила:

– Скажите, а Витька вам родственник?

– Да какой он родственник! – в сердцах воскликнул дядя. – Это всё Алешкины дела. У Лехи, конечно, золотое сердце, но всему должна быть мера! Приятель попросился переночевать, и уже живет два года! А если рассудить, куда ему идти? Жена развелась с ним и уехала в Израиль. Через полгода звонит: «Люблю, скучаю, ошиблась, готова начать все сначала! Приезжай, поженимся». Он, дурак, поверил, продал все и прилетел «на крыльях любви». Она деньги забрала, а его выгнала.

Режиссер сделал паузу, отпил коньяк и глубоко ушел в себя. Встрепенулся и продолжил:

– Вот, задумал я пьесу: «Жизнь нелегала». Мощная должна быть вещь, щемящая, берущая за душу... – Дядя сделал очередной глоток и начал рассуждать о творческих терзаниях.

– Я пойду, пожалуй, дел полно, – взмолилась я после часового монолога дяди и несмело поднялась из-за стола.

– Иди. Иди, конечно... – ласково позволил режиссер. – А я, пожалуй, посижу еще. Столько нужно передумать...

– Зинуля, – позвал он официантку.

– Уже несу, – откликнулась она.

Зарисовка четвертая. Мать.

Подходя к нашему подъезду, я увидела маму Алексея. Она тащила домой найденный на свалке диван.

– А что, мужчин в доме нет? – спросила я.

– Мужчин! – закричала мать. – Я лучше сдохну, чем буду их просить о помощи! Сидят, песни распевают. А Витька вовсе силы потерял. Совсем стал немощный. Ничего не ест, только курит и кофе хлещет стаканницами. Ему бы в поликлинику сходить, а страховки медицинской нет. Повели мы его к частнику, деньги огромные отдали. Врач помял ему живот и говорит: «Имею подозрение на язву». Анализы нужны, лечение, а без гражданства – как?! А он еще и без жены. А какая дура выйдет за такого? Если без гражданства он, да еще вдобавок с язвой. Ох, беда-беда...

Мать взвалила на спину диван и потащила его дальше.

Я посмотрела на окна Алешиной квартиры. На кухне горел свет, аппетитно пахло русскими блинами, раздавались голоса, смех, перебор гитары, споры Станиславском, Немировиче-Данченко, о Пугачевой и Киркорове...

– «А утки летят. Я им помашу рукой» – доносился из окна приятный голос.

Зарисовка пятая. Финальная.

Я возвращалась домой после отпуска. У подъезда толпились мужчины. По их виду можно было понять, что накану-

не они долго и тяжело пили.

– Привет! – окликнул меня Алексей. – А мы вот Витьку поминаем. Умер Витя...

– Как умер?! – обомлела я. – Когда?!

– Позапрошлой ночью.

– Почему?! Зачем?!

– Язва прободилась. Представляешь, просыпаюсь ночью, а в туалете свет горит. Десять минут горит, пятнадцать, двадцать... Кто ж это, думаю, свет не выключил, электричество транжирит? Дернул дверь, а она изнутри закрыта. Срочно вызываем амбуланс. Санитар, видать в прошлом слесарь, дверь в момент открыл. Глядим, а Витек уже готов... Сидит на унитазе и молчит. Так и помер без гражданства...

– Да как же так?!... – меня бросает в жар.

– Но главное не это, – продолжает Алексей, – ты послушай, что потом случилось. Дальше будет интересней.

– Ну, схоронили мы его. Всё честь по чести. После кладбища мужики у нас собрались. Помянуть покойника. Естественно, набрались. Да так, что ночевать остались. Ночью просыпаюсь, на ощупь пробираюсь в туалет. А там снова свет. Дергаю за ручку – заперто. Я похолодел от страха. Снова труп? Второй за сутки? Ну, это чересчур. Какая-то Агата Кристи получается, твою мать! Вызывать снова амбуланс? Так они опять за вызов триста шекелей сдерут. Откуда у меня такие деньги? Тем более после похорон? Вдруг слышу – за дверью туалетную бумагу мнут. И пьяный храп доносится.

Прислушался. По тембру – Серёга, сосед с шестого этажа. Потом – звук спускаемой воды. Ну, слава Б-гу, думаю. Был бы труп – воду не спустил бы. Шевеление, кряхтение. Дверь открылась, наконец. Ну, точно – Серый. Восседает на толчке. И что характерно, в той же позе, что и мертвый Витя.

«Леха, извини! – бормочет Серёга. – Я тут закимарил на толчке...»

Сколько же подобных нелегалов разбросало наше время по земному шару? Жалкое, неустроенное племя. Их жизнь мало кого интересует, и если находят они прибежище, так только в таких «веселых» семейках.

Миграционная лихорадка

Когда прошли первые годы жизни в Израиле, худо-бедно мы выучили иврит, нашли работу себе и даже мужьям, наладили учебу детей, обставили только что купленные квартиры.

Именно тогда я и моя подруга Света решили: пора уезжать! Куда? Конечно, в Канаду. В просторную страну под мирным небом, где пишут латинскими буквами слева направо, где меняются времена года и растут березы.

А тут как раз нас пригласили в Лос-Анджелес на конференцию международной фирмы Санрайдер, с которой мы в то время активно сотрудничали. Лос-Анджелес! А оттуда рукой подать до Ванкувера, на одном побережье все-таки. Надо поехать, разведать, как и что, а потом срываться семьями – единодушно решили мы. Вот с такими серьезными намерениями 20 августа 1996 года в десять часов вечера мы спустились с трапа самолета и оказались в аэропорту города Ванкувер!

Встречали нас наши израильские приятели Ира и Миша, которые уже целых три месяца обитали в Канаде, и казались нам старожилками. В первую же минуту долгожданной встречи друзья обрушили на нас поток своих проблем:

– Денег не хватает, но пришлось купить компьютер. Без

него нельзя найти работу. Пришлось купить машину, без нее здесь никак нельзя. Квартира маленькая, живем в доме с азиатами. Да еще дочка Машка, шестнадцатилетняя дуреха, влюбилась в соседа-араба. А попробуй ей что-нибудь скажи – политическая некорректность. А ведь мы из-за арабов, в основном, уехали из Израиля... Денег совсем не хватает. Машину надо было купить новую, так престижно... – понеслось по новому кругу.

– По-моему, они не очень рады нашему приезду, – шепнула я на ухо Светке.

– Не волнуйтесь, мы снимем гостиницу, – успокоила она наших друзей и решительно направилась к справочному бюро.

– О, мэм. Рад помочь вам, – заулыбался служащий. – "Хилтон" вас устроит?

– Нет, нам бы что-то поскромнее. Маленькую, тихую, семейную гостиницу... – попросила Света.

После телефонного звонка, клерк сообщил нам, что нас ждет комната с ключом под ковриком у входной двери. Хозяин отправился спать, но мы можем чувствовать себя, как дома. Он улыбнулся и вручил нам адрес.

Друзья довели нас до гостиницы на купленной с таким трудом машине, пообещали позвонить на следующий день и пропали навсегда. А мы нашли под ковриком ключ, благополучно добрались до своей комнаты и рухнули в постель:

дорога от Лос-Анджелеса до Ванкувера оказалась достаточно утомительной.

Утром, едва открыв глаза, я с жадностью туриста принялась смотреть в окно. Напротив гостиницы стояло четырехэтажное здание с табличкой «School». Несмотря на лето, к зданию шли дети, по двое, по трое, в школьной форме и с ранцами. Дети как дети, только почему-то все китайцы.

– Светка, ты уверена, что мы с тобой в Ванкувере, а не в Шанхае? – спросила я.

– Сама не пойму, – ответила подруга. – Давай спустимся на завтрак. Там и разберемся.

Когда мы вошли в светлую, уютную гостиную, за столом уже сидели молодой араб, как потом оказалось, житель Ирака, и молоденькая японка.

Завтрак подавал хозяин гостиницы, приятный обходительный мужчина. Это был первый европеец (не считая, конечно, Мишу и Иру), которого мы увидели за время нашего недолгого пребывания в Канаде. Мы обрадовались ему как родному.

– Вы живете в китайском районе? – доверчиво спросила его Света после традиционных слов приветствия.

– Почему вы так решили? – обиделся хозяин. – У нас престижный район, и китайцев не так уж много.

А как их может быть больше? – невольно подумала я. – Наверное, ходят в школу не по двое и по трое, а группами по десять, пятнадцать человек...

Света, не теряя драгоценного времени, уже расспрашивала, как проехать в иммиграционное бюро.

– Хотите иммигрировать? – радостно спросил хозяин гостиницы. – Очень правильно. Сам я приехал десять лет назад из Австрии. Ох уж эта тесная, старая Европа. Я буквально задыхался там. Канада – совсем другое дело! Но где находятся службы для иммигрантов, уже не помню. Может быть, Халиль поможет вам. Халиль, – обратился он к арабу. – Ты там был вчера?

Халиль расплылся в сладостной улыбке, тут же вытащил из кармана карту города и расстелил ее прямо на полу. Граждане Израиля и гражданин Ирака, ползая по карте, увлеченно говорили об иммиграции. А огорченная японка сокрушалась, что на свою беду родилась в благополучной стране, откуда не принимают беженцев.

– Начать жизнь с нуля, это круто, это здорово, это «cool»! – Воскликнула она на ломаном английском, помогая себе мимикой лица и взмахами рук.

И вот мы, благодаря точным объяснениям Халиля, в иммиграционной службе. Тесное помещение, толпа взволнованных людей, серые казенные стены, непроницаемые лица чиновников. У нас в руках пачка каких-то анкет.

– Не подскажите, что и как здесь нужно заполнять? – обратилась я к рядом стоявшему мужчине.

– Что, недавно приехала? – он смерил меня брезгливым взглядом.

– Нет, только собираюсь. Пока живу в Израиле, – стала оправдываться я.

– Ну-ну... – буркнул мужчина и повернулся ко мне спиной.

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. «Пойду на улицу» – крикнула я Свете и незаметно бросила анкеты в урну. «Не очень-то и хочется сюда переезжать» – зло подумала я.

Через несколько минут подошла подруга.

– Мерзкое чувство на душе после этой конторы, – призналась Света. – Видимо, не зажили еще раны предыдущей иммиграции. Нехорошо с таким настроением ехать в офис Санрайдера.

– Шопинг – лучшее лекарство от депрессии. Смотри! – воскликнула я и показала на рекламу магазина: «Если ты высокая и любишь красиво одеваться, заходи...»

Мы ринулись в магазин. Огромная молодая женщина, размерами с медведицу, натягивала на свои пышные формы шорты-парашюты.

– Секси, мне надо секси! – Требовала покупательница. – Если будет секси, мой бой-френд из Австралии заберет меня к себе. Не могу здесь больше жить. Ну, как секси? – спросила она продавщицу, с усилием впихиваясь в шорты.

– Вери секси, – пропищала я в ответ.

Тут она нас с удивлением заметила. Наверное, такое вы-

ражение лица было у Гулливера, когда он в первый раз увидел лилипутов.

Нет, в этом магазине положительных эмоций нам не получить, – решили мы. И мы поехали в филиал фирмы Санрайдер.

В автобусе нас окружили такие же огромные люди с тупыми лицами. Видимо, рабочие, выходцы из Восточной Европы. Один из них спросил меня что-то по-английски. Я поняла, что он хочет сесть рядом.

– Сори, велком, – ответила я.

Мужики нехорошо заржали.

– Сколько раз объяснять тебе, что не каждый говорящий по-английски – лорд, – возмутилась Света. – Он сказал: «Подвинься, сука» и еще добавил... – Светка шепнула мне на ухо два неприличных слова.

Я покраснела.

– На курсах нам не говорили про фак ю...

– И очень жаль, – ответила подруга. – Иначе мы не оказалась бы сейчас в таком глупом положении...

В офисе Санрайдера было немногочисленно. У кассы стояла очень пожилая дама и заполняла заказ. Молодой парень со скучающим видом разглядывал образцы продукции. Мы, нацепив значки «Участники международной конференции. Израиль», направились прямо в кабинет к начальнику.

Он встретил нас приветливо, пообещав много потенци-

альной клиентуры из русскоговорящих иммигрантов. Узнав, что в офис мы приехали автобусом, воскликнул: "Вам надо торопиться! Последний автобус уйдет через полчаса, а потом разведут мосты, и вы не попадете в город". Офис располагался на островах в промзоне.

Этого еще не хватало! Мы в панике выскочили в торговый зал.

Но путь к выходу нам преградила пожилая леди.

– Извините, я поняла, что вы из Израиля. Меня зовут Сара, – несколько смущаясь, начала она.

– Вообще-то мы из России. Пять лет, как переехали в Израиль. Сейчас торопимся к автобусу, – решительно сказала Света.

– Милые девочки, какие вы молодцы ! – Женщина взяла нас за руки. – Всю жизнь я мечтала эмигрировать в Израиль! Не получилось. И в туристическую поездку не могу поехать, здоровья нет. Сама судьба вас послала мне. Ни о каком автобусе не может быть и речи! Я отвезу вас на своей машине, куда прикажете. Гарри, Гарри, скорее подойди к нам! – она бросилась к молодому человеку.

– Какая удача! Нам не придется трястись в этом автобусе, – я поежилась от воспоминаний. – Хорошо, что она не слышала наш разговор с начальником! – шепнула я по-русски Свете.

– И не знает о нашем утреннем визите в иммиграционную контору, – ехидным шепотом ответила подруга.

– Вот, познакомьтесь. Мой непутевый внук Гарри. Приехал на каникулы погостить у бабушки. А это, – представила нас внуку баба Сара, – две героические женщины, которые уехали в Израиль. Из самой России! А ты, Гарри, выбрал Францию, страну гоев и антисемитов. Что нашел ты в этом Париже?!

Через несколько минут мы уже неслись в Ванкувер в прекрасном автомобиле Сары. За окнами мелькали великолепные пейзажи. Гарри уверенно вел машину. Сара сидела между нами на заднем сидении. Она жадно расспрашивала нас о первых впечатлениях в Израиле: как мы сошли с самолета в аэропорту Бен Гурион, как получили израильское гражданство, как без страха заселились в неухоженные съемные квартиры, как начали учить иврит, какие допускали глупости и ляпы, не зная местных традиций. Сара смеялась до слез и постоянно повторяла: «Эту встречу мне послала судьба!»

И вот мы подъехали к гостинице.

– Скажите что-нибудь на иврите, – попросила Сара.

– Барух-а-ба ле Исраэль*, – сказала я с тяжелым русским акцентом.

Сара заплакала и обняла нас.

– Дорогие мои! Счастья вам на новом месте. А я... А я буду за вас молиться...

Хайфа. Сентябрь 2010 года.

* Добро пожаловать в Израиль

Нашёл своё счастье

В нашем маклерском бюро его прозвали «Сеня, который живет на крыше». Он был невысокого роста, с круглым животиком, в «самом расцвете сил» – лет около сорока, и, действительно, жил на крыше, как Карлсон -герой сказки Астрид Линдгрен. Только пропеллера на спине у него не было, впрочем, как и другого имущества. Все украли в первый день приезда в Израиль в гостинице для репатриантов «Дипломат». После того, как Сеня остался без денег и документов, его достаточно не дипломатично попросили из гостиницы. И Семен оказался «на улице», причем, именно на той улице, где находилось мое маклерское бюро.

– Вы понимаете по-русски? – спросил Сеня, появившись в дверях конторы, – если да, то я могу рассказать вам нечто интересное.

И он принялся красочно описывать свои первые впечатления от «исторической Родины».

Не могу сказать, что его рассказ был оригинальным, подобное мне уже приходилось слышать и не раз. Я привычным жестом открыла тетрадку: «Самое дешевое жилье и стоворчивые хозяева».

Что представляли собой апартаменты, внесенные в этот список, может представить себе только тот, кто имел счастье отдыхать «дикарем» в Крыму в разгар курортного сезона.

Не успел Сеня закончить свой монолог, как у меня появился неплохой вариант:

– Будет тебе «крыша над головой», – оборвала я поток его ругательств, – правда и под ногами тоже будет крыша. Но это даже романтично. Когда тебя абсорбируют, расслабься и пытайся получить удовольствие.

Вот так Сеня поселился на крыше. Он пообещал заплатить «маклерские» с первой полочки, а я, в свою очередь, поклялась хозяину коттеджа, на крыше которого предстояло жить Сене, что давно знаю этого порядочного человека, и он пунктуально будет платить за съём, вот только найдет работу.

Если вы думаете, что Семен был благодарен мне за эти хлопоты, то вы никогда не работали с олимами (эмигрантами). Не прошло и месяца, как он снова пришел в мой офис и опять стал жаловаться на жизнь.

– Как я могу жить в этой будке, она меньше камеры-одиночки! Ты сама хоть видела, куда людей селишь: топчан, у изголовья за фанерной перегородкой унитаз, над ним душ. Мыться можно только сидя на толчке. Это, конечно, экономит место и время, но я даже женщину не могу привести в эту конуру. Понимаешь? Абориген, что в соседней будке живет, девиц водит. Но я с такими бабами пачкаться не буду. Это ему все равно, обезьяне волосатой.

– Ладно, к делу. Сколько можешь платить в месяц? – спросила я, открыв тетрадь «Просто дешевое жильё».

– Дай подумать. Я сейчас вкалываю на трех работах, днем и ночью. Так что шекелей 900 осилю.

– За такие деньги есть только подвал.

– Нет, так низко я не опущусь, – закричал Семен и хлопнул дверью.

Однако долго злиться он не умел и уже через пару недель пришел похвастаться своей трудовой деятельностью. А хвастаться было чем. В поисках работы Семен проявил недюжинную смекалку и предприимчивость. Вначале он подрядился выгуливать породистого соседского пса. На собачьей площадке завел влиятельные знакомства – подружился с самим Эдуардом, владельцем огромной овчарки и хорошо налаженного бизнеса в сфере сексуальных услуг. Эдуард предложил Сене стать «ночным счетчиком».

– Не пыльная и хорошо оплачиваемая работа, – объяснил Эдуард обалдевшему Семену. – Твоя задача – сидеть ночью в укромном месте недалеко от дома проститутки, адреса я тебе дам, и вести подсчет клиентов. А утром сдавать ведомости мне. В нашем деле главное: учет и контроль.

Сеня с радостью согласился. За первый месяц работы ему удалось отложить 800 шекелей! Заветная мечта – спуститься с крыши на этажи – приближалась. Но Сеня решил еще ускорить процесс и пустить деньги в оборот. В бесплатной русской газетке «Луч солнца» он увидел объявление: «Фирме «Эксклюзив» требуются работники по нанизыванию бисера на нитки. Знание иврита не обязательно». Иврита Се-

ня не знал, поэтому смело пошел по указанному адресу. На свои 800 шекелей он приобрел ведро «эксклюзивного» бисера и 200 метров «эксклюзивной» лески. Фирма обещала платить 40 шекелей за метр готовой продукции, и Сеня начал неистово нанизывать бисер, подсчитывая в уме выигрыш.

Прошел месяц, и Сеня опять появился на пороге офиса: на лице красовался пластырь, правая рука была перевязана, а левая мертвой хваткой сжимала самодельный тряпичный мешок.

– Я разорен, – трагически произнес Сеня и заплакал.

Рассказ его был полон ужасных подробностей. Началось все со злополучного пса, убежавшего на случку к какой-то суке. Обезумевшая от горя хозяйка бросилась на Семена и прокусила ему руку. Да так, что пришлось накладывать жесткую повязку. Ночное дежурство было тяжелым, рана ныла и дергала, пришлось заполнять ведомость левой рукой. Семен сбился со счета и был уволен с работы. На прощанье Эдуард выбил ему зуб. «Правда, зуб и так уже давно шатался», – признался Сеня. Но самый страшный сюрприз ждал нашего героя в фирме «Эксклюзив», куда он понес сдавать нанизанные бусы. А ждал его там большой замок на двери. Такой фирмы больше не существовало. Сеня бросился в соседний ювелирный магазин, чтобы продать хотя бы бисер, но там его только обсмеяли: «Это же стекляшки. Им красная цена 10 шекелей за килограмм».

– Кругом воры, обманщики, прохиндеи, – кричал Сеня

сквозь слезы. – Куда я попал? Это дно! Самое настоящее дно! Как мне подняться?

– Да тебе не подниматься надо, а спускаться с крыши, – моя злая шутка была явно не к месту. Сеня нуждался в помощи, причем, срочной.

– Знаешь что, – предложила я, – покажи-ка бисер, может быть, я подберу что-то к своим нарядам.

Сеня раскрыл мешок, я выбрала три нитки бус и дала ему пятьдесят шекелей, все, что в этот момент было в кошельке.

– Очень стильно. И нанизано со вкусом, – ободрила я рукодельника. – Давай я поговорю с подругами, и мы устроим распродажу!

– Уж не знаю, как и благодарить тебя, – растрогался Семен, бережно опуская купюру в кошелек. – Пойду, промочу горло пивком, сниму стресс, а после выходных заскочу к тебе с товаром!

Но после выходных пришел не Сеня, а хозяин дома.

– Подбери-ка мне, дочка, двух жильцов в мою мансарду. Да поприличней, – сказал он.

– А где же Сеня и этот, ну как его ... местный, – я постеснялась повторить определения Семена: «абориген и обезьяна».

– Оба получили государственное жилье, – сквозь зубы процедил владелец мансарды.

– Ух, ты!!! – только и смогла воскликнуть я.

– Рано радуешься, дочка, – один на кладбище, второй в

тюрьме.

–!!?

– Этот, как ты выразилась «местный», дрянь был, а не человек. Хотя так о покойном грешно говорить. Наркотой баловался, подворовывал. А Сеня все с мешком своим ходил под мышкой, ни на минуту с ним не расставался. Ну, сосед и решил, что у него там деньги, или героин, или еще что ценное. Подкараулил, когда Сеня принимал душ, палкой через форточку вытащил мешок и бежать. Но Сеня все видел: фанерная перегородка в душевой только до пояса, сидишь на унитазе, моешься, а вся комната как на ладони. Сеня выскочил весь в мыле и за ним. Ударил рукой, а там жесткая повязка, твердая как камень. Вор равновесие потерял, так с мешком в обнимку с крыши и свалился. Вот так, дочка. А Сеню жалко, он сам и полицию вызвал, и сознался, и раскаялся... Может, срок скостят Но что интересно: когда мешок этот следователь открыл, знаешь, что там было? Разноцветные бусы и больше ничего! Понимаешь о чем я? А так с виду нормальный мужик...

Шли годы. Поток репатриантов из полноводной реки превратился в пересыхающий ручеек, в гостинице «Дипломат» снова поселили туристов, а в нашем маклерском бюро вместо тетрадей появился компьютер. Да и бусы, купленные у Сени, износились и порвались. Только я по-прежнему бегала по улицам нашего города в поисках новых жильцов, квартир и сделок.

Как-то зимним дождливым днем пробежала я мимо дверей гостиницы «Дипломат». Порывы ветра уже давно сломали мой дешевый зонтик, и струи дождя с силой били по лицу и куртке. «Какой напор, – отметила я про себя, – как будто стоишь под душем в доме с хорошей сантехникой, именно с хорошей, а не с такой, которая висела над унитазами в будке Сени.»

Бедный Сеня, бедная-бедная я, такая мокрая, продрогшая, несчастная. Слеза скатилась по моему и без того мокрому лицу, и я решила зайти в гостиницу, погреться в холле и даже позволить себе чашку горячего чая в гостиничном баре.

Солидный мужчина, стоящий за стойкой бара, показался мне знакомым. Я пригляделась.

– Сеня? Тебя уже... – я вовремя осеклась, чтоб не сказать бестактность.

– А, маклерша, – узнал меня Семен, – как видишь, на свободе. Уже полгода как вышел из тюрьмы. Да ты совсем промокла, дрожишь, как мышь. Давай налью тебе коньячку. Да не смущайся так. Я угощаю. Давай за мое освобождение, за крышу, за будку!

Мы выпили. Зазвонил телефон, Сеня бегло с кем-то поговорил на иврите, потом снова обратился ко мне.

– Не знаю, что стало бы со мной, не попади я тогда в тюрьму. Наверное, уже сдох бы как собака в своей будке, никому не нужный, одинокий, больной. Ав тюрьме сразу такое вни-

мание: поддержка соцработника, тренинги с психологом, индивидуальные занятия ивритом... Зубы вставил, – он продемонстрировал белоснежную улыбку. Сокамерник посоветовал: «Намекни, что наркотиками балуешься, дадут профессиональные курсы от благотворительной ассоциации «Новый путь». И что ты думаешь? Дали на выбор 20 вариантов, только учись. Я взял – «Бармен и сомелье», и не жалею. Представь, женился. Чудная женщина, скромная, душевная, красивая – волонтер из группы «Поддержка оступившимся». Но главное, какие люди со мной сидели! Сливки общества! Бензиновый король – владелец бензоколонок, крупный строительный подрядчик, даже бывший член кнессета! Имен, разумеется, не называю. И все как один обещали: «Выйдешь, у меня работать будешь. И оклад хороший дам, и льготы, и машину». Мы же теперь роднее братьев. И слово свое сдержали. Работаю, как видишь, устроен, доволен. А ты-то как, все бегаешь с тетрадками «Самое дешевое жилье» и «Просто дешевое»?

Коньяк ударил мне в голову.

– Все, надоело прозябать, – я схватила фужер и замахнулась в стеклянную витрину бара.

– Ты что! – Семен вовремя перехватил мою руку, – тут мелкого хулиганства маловато будет. Чтоб так устроиться, деточка, как минимум убить надо ...

Шлемазл

Посвящается рассказам Михаила Верника

Так уж получилось, что Изя родился евреем. И это еще полбеды. Угораздило его родиться в украинском селе Маевка, где издавна недолюбливали людей этой национальности за нежелание пить горилку и есть сало.

У Изи с детства был необычный дар: он умел подражать крикам животных и говору людей. Но в Маевке это не очень ценилось. И чтобы заработать себе на жизнь, Изя разводил кур. Конечно, он вкалывал еще и в колхозе. Но что кроме геморроя можно было получить там? Мой дядя называл это – артель «Напрасный труд». Но рассказ не о дяде, а об Изе.

Как говорится, если не везет, так уж не везет. Рядом с домом Изи находился скромный сквер «Культуры и отдыха»: три стола, пять лавочек, Доска почета....

Колхозники любили отдохнуть здесь за стаканчиком горилки под костяшки домино. А если было очень весело, то и подшутить над соседом-инородцем.

Сначала решили отобрать сарай у Изи. Якобы для складирования спортивного и культурного инвентаря. И отобрали бы, не сделай Изя отчаянного шага. Он позвонил в райком и голосом известной всей округе активистки-скандалистки Матрёны Кондаковой стал жаловаться на незаконное изъятие частной собственности у члена колхоза Изи Моисеича.

Информация, поступившая в райком, не возымела никакой реакции.

И тут нашего героя осенило:

– Из сарая украли кресло любимого дяди, участника высадки на «Малую землю», – произнес Изя голосом Матрёны.

Возникла пауза. Райкомовец мысленно перекрестился. Приближалась очередная дата. Пахнуло скандалом в областном масштабе.

Сарай немедленно вернули. Украденное кресло искали по всему району. Но не нашли, так как оно никогда не существовало, впрочем, как и любимый Изин дядюшка.

Изя получил денежную компенсацию и стул из «Красного уголка».

Сидя на этом стуле в центре своего двора, Изя в свободные часы досуга дрессировал собаку. Как только псина начинала лаять на идущего по улице колхозника, Изя успокаивал ее: "Ша! Это свой, еврей». Собака мгновенно затихала и заползала в будку.

Тогда односельчане придумали другую шутку. В правление колхоза поступила кляуза, будто живность Изи разгуливает в сквере и поганит там куриным экскрементом (в кляузе было написано другое, более весомое словцо), чем оскверняет культуру отдыхающих и этим самым снижает показатели ударного труда колхозников.

Изию вызвали в правление. Он обещал провести с курами серьезную беседу и поговорить с ними по душам.

Здесь необходимо указать на одну пикантную подробность: по утрам, покинув свой насест, куры делились на две группы. Одна направлялась в сторону канавы, заросшей лопухами и крапивой, а вторая – в сквер.

Вечером, как всегда усевшись посреди двора, Изя завохтал по-куриному. Чем вызвал у культурно отдыхающих колхозников грубые насмешки.

Но на следующее утро куры, все как одна, единым строем направились к канаве, оставив сквер колхозникам.

По селу пополз недобрый слух, будто Изя кроме суржика, русского и идиша владеет куриным языком, и нужно разобраться, о чем таком он говорит с домашней птицей, и не скрывается ли в этих разговорах злой крамолы, направленной против советских норм коллективного досуга тружеников сельского хозяйства.

На самом деле секрет, который мне поведал Изя, был прост, как куриное яйцо. В его курятнике верховодили два петуха. Один препровождал свой гарем в канаву, где предавался эротическим утехам, другой же отводил подружек в сквер. Чем и поплатился жизнью.

Из него Изя приготовил отличную куриную лапшу. И тогда все куры, вслед за петухом, оставшимся в живых, дружно потянулись в ту самую канаву. И, как заметил Изя, с преогромным удовольствием.

Но на этом злоключения нашего героя не закончились. Грянули раскаты Перестройки. Тут как тут в село приехали

активисты областного отделения Сохнута в поисках "овец, отбившихся от стада". И такую овцу нашли. Ею оказался Изя.

Не знаю, что наплели ему сохнутовцы о райских кущах на Святой Земле, но он и не заметил, как попал на историческую родину в Израиль.

Здесь братва была по-круче, чем в стране исхода. Квартирный маклер, отобрав у вновь прибывшего все деньги, сдал ему квартирку-крохотульку (но зато с отдельным санузлом, совмещенным с душем!), расположенную прямо на рынке.

Привез его на место поздней ночью, когда было безлюдно и темно. Оформил договор. Отчаянно жестикулировал. Обещал, убеждал, увещевал. А когда Изя поутру проснулся от жары и криков, то обнаружил, что живет прямо над мясным торговым рядом.

Но это всё еще цветочки. Вы не поверите, но в Израиле Изя стал украинцем. В те далекие времена, когда Изе повезло родиться в Маевке, в метрике не писалась национальность родителей.

С этим свидетельством (а с каким же другим?) Изя и пришел получать израильский паспорт – "теодат зеут". Чиновник посмотрел бумажку: "мать – Дора Соломоновна Рабинович – национальность не указана, отец Моисей Абрамович Рабинович – национальность не указана. Место рождение: село Маевка, Херсонская область, УкрССР . Сотрудник, не

долго думая, решил, что если не написано "еврей", то предьявитель сего документа – украинец.

Изя не мог пережить этого удара. Записался в украинское землячество при местном клубе пенсионеров. Там встретил «друзей по несчастью» киевлянина Ефима и харьковчанина Давида. Они научили Изю пить горилку, закусывая салом. Стало легче. Но ненадолго.

Как-то утром сидел Изя на крохотном балкончике своей рыночной квартиры и учился подражать местному говору торговцев, как когда-то на Херсонщине имитировал куриное кудахтанье. И очень в этом преуспел. Говорил на иврите простыми фразами, но без акцента.

Сидел, пил чай и наивно думал, что все нелепое, что могло с ним произойти, уже произошло.

Вдруг в дверь кто-то позвонил.

Изя, наивный сельский житель, не спросив, распахивает дверь и видит на пороге незнакомца. Он хотел было хлопнуть дверь, но не тут-то было. Незванный гость уже успел просунуть ногу в щель. Вы испугались?

Вы, небось, подумали, что это вор? Да лучше б вор, как вы подумали. Вор крадет имеющиеся ценности, а у Изи брать-то было нечего. Разве что теодат-зеут с пометкой «украинец». Нет, все было намного хуже. Это пришел агент по продаже мобильных телефонов. И уболтал-таки репатрианта приобрести мобилник и обязаться ежемесячно выплачивать половину скудного пособия за совершенно ненужный телефон.

И с подписанной бумагой моментально смылся.

Изя вертел в руке дорогую игрушку и мрачно размышлял, что же делать дальше. Как жить на жалкое пособие, да еще урезанное вдвое?

И тут раздалась переливчатая трель. Это зазвонил навязанный агентом телефон.

– Шалом! Могу я выдать господину Кацу льготную денежную ссуду? – спросил милый женский голос на иврите.

– Выдать, и немедленно! – со злостью рявкнул Изя, имитируя местный выговор.

Через несколько минут – второй звонок:

– Господин Штейн просит вашей санкции на превышение кредита.

– Разрешить! – распорядился Изя.

Игра в начальника ему понравилась. По крайней мере, было чем заняться и отвлечься от тяжелых мыслей.

За два часа Изя умудрился выдать разрешение на получение одиннадцати ссуд, на превышение рамки минуса, на отсрочку платежей и на многое такое, чего и сам не понимал.

Вскоре ему позвонила секретарша начальника отделения банка. Она говорила по-русски.

– Что за шутки вы позволяете себе?! – кричала в трубку секретарша. – Вашему аппарату по ошибке присвоили номер директора банка. Кто дал вам право распоряжаться банковскими суммами? Вы что, не поняли абсурдность ситуации?

– Дорогуша, – ваш финансовый абсурд настолько мал по сравнению с абсурдом всей моей нелепой жизни, что я его и не заметил, – ответил Изя.

И, согласитесь, он был прав.

Клеопатра

Каждый день она появлялась ровно в девять часов утра. Каждый будний день. По ней можно было сверять часы.

Тоненькая, хрупкая, как бы немного усохшая, одетая в узкие обтягивающие джинсы и потертую куртку, она не менялась годами: черные волосы подстрижены в «каре», ярко-красная помада на губах и синяя тушь на ресницах. Она открывала магазин и сразу же включала музыку – любимый джаз, заваривала кофе и затягивалась сигаретой. Все покупатели звали ее Мери. Все, кроме художника, он назвал ее Клеопатрой. Но об этом позже.

Витрину магазина украшала выцветшая от времени вывеска "Марки, конверты и все для почты". Вырезанный из фанеры голубь немного завалился на правый бок, но все еще сжимал в клюве бледно-розовый конверт в форме сердца.

Были времена, когда в магазине толпились молодые парни. Они писали любимым письма, полные страсти, нежности, нетерпеливого ожидания встречи. А пока любимые были далеко, парни заигрывали с Мери, шутили, смеялись, назначали свидания, караулили у магазина, тянули на танцы или заманивали в кино.

Потом на смену молодежи пришли солидные деловые люди. Они посылали запросы, просьбы, жалобы, договора. И, чтобы немного разбавить сухость деловой жизни, приглаша-

ли Мери в рестораны, дарили подарки, посылали цветы

Незаметно их сменили седовласые джентльмены. Они писали детям письма, полные отцовской заботы, советовали, как жить, предостерегали от легкомыслия. Дети редко отвечали. Страдающие от одиночества джентльмены ухаживали за Мери: рассказывали о своей жизни, о телепередачах, о политике и никуда не приглашали.

Потом куда-то пропали и они. Да и вообще, покупатели пропали. На смену маркам и конвертам пришли мобильные телефоны и компьютеры. И только Мери ровно в девять часов утра, затянутая в джинсы и потертую курточку, открывала свой магазин, включала магнитофон, пила кофе и курила сигарету. Редко какой-нибудь прохожий заглядывал в магазин, чтобы купить карандаш, блокнот или ручку, а чаще, чтобы спросить, как пройти на нужную улицу, где остановка автобуса и нет ли в магазине туалета. Если заходил мужчина, Мери по привычке прихорашивалась и кокетливо улыбалась, ожидая комплимента. Но мужской взгляд равнодушно скользил по ее лицу и так же равнодушно рассматривал то, что пылилось на полках.

Он появился в серый, заурядный день. Ничего не предвещало его появления. Все было буднично. Он зашел в магазин незадолго до закрытия. Рассказал, что он художник. Что пишет картину о прожитой жизни: стол, заваленный старыми письмами, конвертами, телеграммами... Одинокий бокал. Из бокала, как слеза, стекает капля вина.

– Всю комнату заставил разными рюмками, стаканами, стопками с вином, – продолжал художник, – пока не нашел тот единственный бокал ... Нужной формы с правильным преломлением света. Зашел хозяин квартиры, увидел бутылки, рюмки, бокалы, и говорит: "Все вы, художники, пьяницы". А с конвертами беда. Все свои письма я сжег после развода с четвертой женой

"Развода с женой" – услышала Мери.

– Дурак, – продолжал художник. – Зачем жечь старые конверты! Ведь теперь это – история. Сегодня продается все не то: белое, глянцевое. Другая бумага, другой цвет.

Художник внимательно присмотрелся к лицу Мери, к ее коже, помятой и пожелтевшей, как старая почтовая бумага.

– Клеопатра! – Сказал он.

"Такая же красивая и желанная", – подумала Мери.

"Такая же древняя", – подумал художник.

Несколько дней они рылись в магазине. Доставали с верхних полок непроданные пожелтевшие конверты, выцветшие марки, истлевшую от времени бумагу. Художник был счастлив. Он без остановки говорил о своей идее: прожитая жизнь, старые письма, какие-то страсти, признания, тревоги, проблемы. Все это уже ушло. Разбросанные, исписанные листы – трогательные, странные, нелепые в сегодняшнем мире.

Он все пристальнее приглядывался к Мери и все чаще называл ее Клеопатрой

Мери тоже ожила. Она стала говорить о ремонте в магази-

не, о современном дизайне и даже о новом товаре: мобильных телефонах, сим-картах и... компьютерах!

Потом художник пропал. Прошла неделя, другая. Как-то, возвращаясь с работы через парк, Клеопатра увидела знакомую фигуру. Художник сидел на камне и пристально рассматривал зеленый куст. Клеопатра подошла ближе.

– Там, на ветке, – сказал художник, не отрывая взгляда от куста, – сидит богомол. Какое странное существо, как-будто пришедшее к нам из древнего мира. Какие формы – тонкие, иссохшие. Смотри, зеленая листва – свежая, молодая, и он – пришелец из древности... Но тоже зеленый. Сейчас я пишу с него картину "Встреча времен". Он живет у меня дома.хлопотно: питается только мухами. Целый день ловлю для него мошек. Прожорлив...

Клеопатра поймала мошку, отдала художнику для его привередливого натурщика и пошла дальше.

На следующий день магазин "Марки, конверты и все для почты» не открылся. Он простоял закрытым весь месяц. Потом в нем сделали ремонт и повесили вывеску "Мобилка". Молодая симпатичная девчонка бойко торговала сим-картами, пила кофе, дымила сигаретой и отбивалась от поклонников, толпившихся в магазине

Картина "Встреча времен" была продана за три тысячи долларов американскому коллекционеру. И сразу же была выставлена на аукционе за тридцать тысяч. Говорят, что это не предел.

Сиреневые туфли

Камни, камни, серые, тусклые, большие и маленькие они проплывали нудными горными грядами в окнах автобуса.

– Все лежите, ну и лежите себе, – злорадно подумала Вероника, обращаясь к каменным завалам, – Сегодня вы уж точно не испортите мне настроение.

Камни, камни. Первое время она старалась запомнить наиболее выделяющиеся из них, давали им имена, здоровалась каждый день как со старыми друзьями. Но ближе и роднее они от этого не стали. «Хоть бы их деревьями закрыли, посадили бы эвкалипты вдоль дороги» – отчаянно думала Вика, разглядывая надоевшие тоскливые пейзажи. А куда деваться, надо смотреть, потому что если зажмуриться, перед глазами поплывут детали...

Сорок минут камней – утренняя порция – по дороге из города Наарии до завода. Потом девять часов у конвейера: детали, детали. Затем вечерняя порция камней по дороге домой. Вот и весь зрительный ряд. И так шесть дней в неделю. Что же удивляться, что от веселой, смешливой девчонки осталось только озорное имя – Вероника. А так тетка теткой.

– Это я только с виду тетка, – похвасталась Вероника камням, как старым знакомым. – А вы даже не можете себе представить, что ждет меня в скором будущем.

Конечно, что это была за жизнь? Автобус, конвейер, ав-

тобус. Но деваться не куда. Вероника главный кормилец семьи: муж на инвалидности после второго инфаркта, и мама на пенсии.

«Как странно все получилось, – думала Вероника, – Толик всю жизнь недолюбливал тещу, а тут болезнь сблизила. Появились общие интересы: мази, отвары, компрессы, гимнастика. Вместе роются в интернете в поисках чудодейственных рецептов, смотрят по телевизору одни и те же передачи. А потом что-то трут, смешивают, намазывают, забинтовывают. Вся квартира пропахла мятой и валерьянкой».

Вероника уже давно чувствовала себя чужой в этом самодеятельном лазарете. Но сказать, что ее не замечали было бы неправильно, наоборот, мама и муж постоянно боролись за Викину любовь и внимание, искренне ревнуя её друг к другу. Муж считал, что он болен тяжелее, чем теща, и ему полагается больше нежности и заботы. Теща, намекая на свой возраст и материнство, старалась оттеснить больного Толика на второй план.

Нет, после тяжелого трудового дня Вероника не рвалась домой. Да и можно ли назвать домом убогую съемную квартиру, где все говорит о бедности и болезнях жильцов?

«Только болезни, врачи, рецепты, лекарства. Больше ничего их не интересует. Хотя нет, надо быть справедливой, есть еще одна тема для разговоров – экономия. Скидки. Распродажи. Экономия, как навязчивая идея, как азартная игра, как спорт, как рулетка. Но что это я опять о грустном, – обо-

рвала себя Вероника, – Сегодняшний вечер обещает быть таким необычным. Надо думать только о том, что ждет меня и предвкушать радость».

А каменные горы все проносились и проносились мимо окон автобуса. Однообразные и унылые. Не на чем глазу зацепиться. По-неволи задумаешься о жизни и будешь вспоминать.

А с чего все началось? Наверное, с железнодорожного вокзала.

Как-то раз тоска настолько задавила Веронику, что выйдя из автобуса, она пошла не домой, а на станцию. Как раз в это время отправлялся экспресс в аэропорт. Возбужденные, нарядные пассажиры втаскивали свои яркие чемоданы в вагоны, о чем-то оживленно беседуя. До Вероники долетали обрывки фраз со словами, от которых трепетало сердце: «Рим, Мадрид, отель, рейс , позвоню как только приземлимся». Она всматривалась в лица, в одежду и даже в чемоданы, представляя, что всего через несколько часов они уже будут в других городах и странах. И их так же кто-то будет разглядывать, но уже в другом, ярком, красочном, праздничном мире, в мире путешествий.

На красивом английском языке прозвучало объявление, что состав отправляется, люди заняли свои места, двери закрылись и поезд уплыл вдаль, как красивая, но несбыточная мечта. А Вероника поплелась домой, к мазиям, отварам, лекарствам , камням и деталям.

С тех пор провожать поезд в аэропорт стало для Вероники традицией. Ее маленькой женской тайной. Ее десятилетиями погрузением в красивую жизнь.

Именно там, на станции она и увидела объявление: «Частные уроки, постановка голоса, вокал». Не какое-нибудь там пение или приглашение в хор пенсионеров при местном доме культуры, а именно вокал и постановка голоса! Нет, если бы она прочитала это объявление в другом месте: в подъезде своего дома, у проходной на завод, у входа в магазин, она, конечно бы, даже не подумала сорвать бумажку с телефоном. Но тут перед отходом поезда в аэропорт, когда даже воздух был наполнен предвкушением радостей и приключений, она забыла, что уже давным-давно превратилась в великовозрастную тетку и сорвала заветный телефон!

На удивление Вероники, дома к ее выходке отнеслись благосклонно. Анатолий сказал, что всегда приветствует стремление познать что-то новое. «А учиться в любом возрасте не поздно» – тактично заметил он.

Мама ударилась в воспоминания, как хорошо пела Викочка в детстве, и как учительница -антисемитка ставила ее в задние ряды хора, чтобы красивая девочка с ярко выраженной семитской внешностью не привлекала внимание зрителей при исполнении песен о русских березках, тонких колосках и широком поле. А других песен дети тогда не пели. Вероника не знала, как отвлечь маму от бесконечного пережевывания прошлых обид, но Толик нашелся, оказывается, он

знал тещу лучше, чем родная дочь.

– Кажется, сейчас будут «Два Малахова», – тихо сказал он. И мама тут же замолчала, усевшись с толстым блокнотом у телевизора.

Вот так все и началось. А потом пошли занятия вокалом. Вероника по наивности думала, что за те «сумасшедшие деньги, которые стоит каждый урок», как сказала мама, учитель будет только хвалить ее и подбадривать. Но не тут-то было. Преподаватель честно отработывал свой хлеб, строгими требованиями и резкими замечаниями доводя ученицу до слез. Сколько раз обиженная Вероника обещала себе, что больше не придет на занятие. «Пусть дрессирует своих школьников, – зло думала она, – а я солидная взрослая женщина!» И сколько раз она нарушала свои обещания! Неведомая сила заставляла ее опять и опять выполнять бесконечные упражнения, опять идти на урок, опять выслушивать критику и, глотая слезы возвращаться, домой. И все это «удовольствие» за свои же деньги, таким трудом зарабатываемые. Зачем? Ответить на это Вероника не могла.

И вот вчера свершилось! Награда за все труды, слезы переживания! Учитель сказал, что очень доволен результатами своего (!) труда, он видит явный прогресс и хочет, чтобы Вика выступила вместе с остальными учениками на ежегодном зачетном концерте.

Она будет петь на сцене! И прожектора будут светить из темного зала! И мелькать вспышки фотоаппаратов. Пускай

это всего лишь сцена местного клуба. Пускай остальные исполнители годятся ей в дети, а то и во внуки. Она будет петь на сцене! И Вероника согласилась.

Окрыленная она выскочила на улицу. От неожиданно радости, от счастья переполнявшего ее, она совершила безумный поступок: зашла в самый дорогой бутик и купила себе сиреневое платье. Вечернее, сиреневое платье за 700 шекелей! Это она-то, которая последние пять лет не покупала ничего дороже 50 шекелей и ярче серого цвета. Бирку она не сорвала и дома ничего не сказала про покупку. Надеялась, что разум вернется, и она сдаст платье обратно в магазин. Но не тут-то было. Она плохо спала, была невнимательна на работе, и сейчас сидя в автобусе, точно поняла, что об отказе от платья не может быть и речи. Напротив, она немедленно идет покупать к нему сиреневые туфли на тонком каблуке, на шпильке – символе скрытой сексуальности.

Вероника вышла из автобуса и смело направилась в сторону торгового центра.

Она обошла несколько магазинов, но там не продавали элегантную обувь. Немного уставшая, но все еще верящая в свою звезду, она смело зашла в магазин модной обуви. Молодая симпатичная продавщица смерила ее оценивающим взглядом и процедила сквозь зубы:

– Я думаю, вам здесь ничего не подойдет. Вы ошиблись дверью, мамаша. – И обращаясь к своей напарнице, прошептала. – Посмотри только на нее! Ну, полный отстой!

«Хамка! – подумала Вероника, – молодая, красивая и такая злая! Ну, ничего, мне еще повезет.»

В следующем магазине продавщица была более вежливая и добросовестная. Терпеливо выслушав историю про сиреневое платье, она удалилась в складское помещение. Долго отсутствовала, но вернулась с коробкой. Прекрасные сиреневые туфли – немного не тот оттенок, не очень высокий каблук, но других нет. Вероника примерила. Туфли нестерпимо жали.

– Пойду, поищу туфли большего размера, – утешила девица и опять надолго скрылась.

– Вам повезло, ваш размер, всего одна пара, знаете сиреневый не очень ходовой цвет, мы редко его заказываем, – продавщица поставила коробку на скамеечку перед Вероникой и открыла ее. Так лежали сиреневые туфли, обе на левую ногу.

– Как же так, – растерялась Вероника, – как я смогу в них выступать на сцене?

– Сколько работаю, такого не припомню, – еле сдерживая смех, сказала продавщица. Она смотрела на растерянную Веронику, явно предвкушая, как будет рассказывать об этой забавной тетке своим подружкам.

Вероника вышла на улицу и пошла домой. Ее выступление на сцене, которое только час назад казалось таким замечательным и достойным, теперь представилось глупой и нелепой затеей. Вероника вспомнила, что мама любит гово-

ритель: «Есть смешной, а есть смешон!»

– Мой поступок смешон, смешон, смешон, – повторяла она про себя в такт шагам она.

А дома как всегда пахло мятой и валерианой. Анатолий стоял у стола, как у стойки бара, и смешивал коктейль: сок свеклы, моркови и сельдерея в равных пропорциях.

– Викочка, что же ты так задержалась, я уже начал волноваться, – поприветствовал он жену.

– А мама уже прилегла. Решили сегодня без снотворного обойтись. Обвернула голову капустным листом, а в носки насыпала мяты. Давление 140 на 90. Сахар 130.

«Если волнуешься, позвони на мобильный, – раздраженно подумала Вика, – нет, не позвонишь. Дорого! Можно и подождать. Авось сама придет».

Она оглядела кухню: укрытую подушкой кастрюльку с картошкой, чтоб не надо было разогревать и лишний раз включать газ, термос с кипятком – включить электрочайник – это, вообще, кошмар. Поношенные брюки мужа, застиранную рубашку.

– Анатолий, я должна тебе во всем признаться, – услышала она чужой, холодный голос, и удивилась тому, что эти слова говорит она.

– Анатолий, я купила для концерта вечернее платье! Сириеневого цвета! За семьсот шекелей!

Она рывком вытащила платье из пакета, бросила на диван и поправила бирку, чтобы Толик разглядел страшную цифру.

Муж удивленно смотрел на Веронику и молчал.

«Зря я так, – подумала Вероника, – теперь у него поднимется давление, заболит сердце».

Она взглянула на платье, как бы ища поддержки. Так смотрят на соучастника преступления. Но платье было безучастно к раскаяниям Вероники, наоборот, оно нагло выделялось ярким пятном на фоне выцветшей обивки дивана, подчеркивая, что оно здесь по глупому недоразумению.

«Тряпка, просто сиреневая тряпка. И я из-за нее обидела самого близкого человека. Попрекнула больного болезнью. А ведь врач сказал, любое волнение может привести к новому инфаркту. Что я делаю? Что со мной?»

Она опасливо перевела взгляд на мужа. Но все ее тревоги были напрасны. Никаких признаков болезни не было. Анатолий веселый и бодрый что-то искал в стенном шкафу.

– Замечательное платье, а вот и туфли к нему! – из самого дальнего угла он вытащил серую коробку, времен советского застоя. В коробке лежала пара прекрасных сиреневых туфель, дорогих и элегантных, на тонкой высокой шпильке.

– Помнишь? Мы купили их на банкет по случаю защиты моей докторской. Ты всего лишь один раз и одела их. Потом было не до того, собирались в Израиль. Я положил их в багаж в последний момент и берег все эти годы. Я всегда верил, что жизнь изменится и у тебя будет еще радостный повод одеть их!

– I love you.

Пела Вероника, обращаясь в зрительный зал. Прожектора слепили глаза, мелькали вспышки фотоаппаратов. Как трудно узнать кого-то в темноте зрительного зала. Вероника еще раз провела взглядом по рядам и увидела. .. Анатолий, весь переполненный гордостью за свою жену, а рядом мама – сидит на кресле и покачивает бедрами в такт мелодии.

– I love you.

Пела Вероника и мечтала, чтобы эта песня никогда не заканчивалась.

Все будет хорошо

(вывеска на русском ресторане при въезде в Хайфу)

Моим стойким подругам посвящается.

Как всегда бывает, телефонный звонок раздался неожиданно и некстати.

– Через минуту буду у тебя, несущая цветок, – в трубке я узнала голос Беллы (Изабеллыча, как ласково называла я подружку). – Помнишь, тот, что стоял у меня в углу? Ты всегда мечтала иметь такой же.

Честно говоря, я не помню, чтобы говорила о цветах, но, зная свою увлекающуюся натуру, утверждать обратное не стала.

Спустя минуту в дверях стояла Белла с растением в руках.

Цветок был рослый, ухоженный, но, прямо скажем, не красавец.

Чтобы не обидеть Беллу, я изобразила радость.

– Поставь его в северном углу, – дала совет подружка. – По теории Фень Шуй он должен принести тебе удачу. Ты хотя бы знаешь, где у тебя в квартире север?

Я виновато развела руками.

Изабелла вручила мне горшок, из сумочки достала компас. Начала проводить рекогносцировку.

– А как же ты? – удивилась я. – Ты ведь так его любила.

– Пусть пока побудет у тебя. Тебе ведь тоже нужно сча-

стье... – И добавила, смутившись: – Мы опять переезжаем. В меньшую квартиру. Ему там будет тесно.

–Что, опять нет денег? – Я сочувственно вздохнула. Подруга постоянно пребывала в плену хронических финансовых проблем.

–Деньги-то имеются, но они все в акциях, – сказала Изабелла. Но, встретив на моем лице печальную улыбку, смущенно объяснила: – Конечно, я на бирже не играю. Но нельзя говорить «нет денег». Мысль материальна. Я у Киосаки прочитала, что надо говорить: «они все в акциях». Ты тоже говори так, и у тебя всё будет хорошо, вот увидишь!

Я послушно поставила цветок в северный угол. Пусть живет, квартира у меня большая, в тягость никому не будет.

От листьев исходил резкий аромат мяты.

–Как он хоть называется? Кажется, это душистая герань? – Я нежно погладила листочек и, не сдержавшись, начала чихать. Неудачно пошутила: – Аллергией бы не заболеть...

–От цветка не заболеешь, – успокоила подруга. – Болезнь – понятие метафизическое. Ты помнишь, как я мучилась аллергическими насморками? Пока не прочитала Лиз Бурбо. Оказалось, аллергия связана с каким-то внутренним противоречием. Одна половина личности аллергика к чему-то стремится, а другая половина это стремление активно подавляет. Надо покопаться в самой себе и выяснить, кто именно вызывает в тебе противоречие. Я долго думала и поняла, виновник всех моих противоречий – муж. Да, он образован-

ный, порядочный, из хорошей еврейской семьи (иначе я не пошла бы замуж за него), но, приехав на ПМЖ в Израиль, не нашел себя и, как многие мужчины здесь, стал антисемитом. Весь день смотрит телевизор, всех и всё ругает... Но отбросим грустное. Короче, как только я это поняла, тут же избавилась от аллергической болезни.

– Вы разошлись? – ужаснулась я.

– О чем ты говоришь?! Б-же упаси! Чтобы выздороветь, надо читать специальные мантры. По шестьдесят раз в день. Я их тебе перепишу. Ты их читай, и у тебя тоже все будет хорошо.

– А работу муж нашел? – осторожно спросила я.

– Он – нет. Зато я нашла И ты не поверишь, оказывается, все дело было в мезузе. Когда я поняла, что мне во всем фатально не везет, пригласила рава проверить мезузу. Он ее вскрыл, прочитал кусочек свитка, и что ты думаешь? Буква в слове НАТАН (дал) стерлась. Через день после того, как он вставил в мезузу новый свиток, мне «была дана» работа, и что интересно, в фирме «Натан».

– Потрясающе... – только и могла сказать я.

– И это еще не все! Именно в тот момент, когда он снял мезузу, и мой дом временно стал незащищенным, веревка с моим бельем сорвалась с балкона и полетела вниз... Район у нас религиозный, а тут летит по воздуху мое нижнее белье: майка, трусы, лифчик. Представляешь? Соседи как увидели, подняли крик: «Снова хулиганят русские, их надо гнать от-

сюда!» Тут мой рав выходит на крыльцо и объясняет, что случилось. С этого момента соседи меня зауважали.

Поменяй мезузу, и все будет хорошо. Вот увидишь.

Пока подруга продолжала рассказывать невероятные истории, я заварила чай, поставила на стол конфеты, уселась на диван и принялась выслушивать рассказы о фирме под названием «Натан».

–Фирма нанимает домработниц в богатые семьи. Мне ужасно повезло – начала Белла и тут же осеклась: – Запомни, слова «ужасно», «страшно» нельзя не только вслух произносить, но даже думать. Норбеков пишет: «Прежде чем подумать, подумай». И вместо слов «страшно» и «ужасно» я вслух произношу: «Мне очень повезло». И что ты думаешь? Благодаря хорошему знанию английского, меня направляют в интеллигентную американскую семью работать филиппинкой. Их домработница как раз взяла на месяц отпуск и уехала к себе на родину. Ты не представляешь, – продолжала Белла, – как меня в семье все полюбили. Первым делом я навела у них уют, все перемыла, красиво все расставила. Мои действия хозяева тут же оценили. Готовлю я отлично. Довязала им заброшенную кофточку. Они в восторге. Помогла ребенку с математикой, научила бабушку работать с интернетом. Ну, а когда села за пианино и сыграла несколько любимых их мелодий – они просто были в шоке. Жалко, – говорят, – с тобой расставаться, да у нас договор с филиппинкой на три года. Обещали пристроить меня в хорошую

семью, а через три года забрать к себе. Вот что значит позитивное мышление! – воскликнула подруга.

– Ну, а что сейчас? Ты снова без работы?

– В этом тоже плюс, если разобраться, – сказала Изабелла. – Дочь просит купить ей в школу новый рюкзачок. Погоди немного, говорю я ей. Не сейчас. А она мне отвечает: «Я наконец нашла мотивацию хорошо учиться. Выучусь, получу хорошую работу, ты будешь старой и станешь клянчить деньги у меня. А я тебе ни шекеля не дам!» Представляешь?!

Жестокость девочки меня повергла в шок.

– Да... – сказала я подруге. – Дети не могут нам простить нашей бедной эмигрантской жизни.

– Не произноси слово «бедность»! – встрепенулась Изабелла. – Вспомни наши семинарские занятия, скажи: «Я богатая преуспевающая женщина, у которой временно нет денег».

– А если честно, – призналась Изабелла, – мне дома, кроме кошки, и поговорить-то не с кем... Когда хозяйке я рассказала о своей подруге Мурке, она меня поправила: «О животных надо говорить не «she», а «it». Нет, объясняю я хозяйке, кошка для меня – самый близкий член семьи...

Изабелла замолчала и вдруг произнесла:

– А знаешь, жить, оказывается, очень хочется! Сегодня утром захожу я в лифт. А у самой такая черная тоска, что думаю, грохнулась сейчас бы эта чертова лифтовая кабина, и все бы разом кончилось. И вдруг! Лифт остановился и стал

дрожать: то вверх рванет, то вниз. Я давлю на кнопку «Аварийный вызов», а ее мальчишки выломали. Все, думаю, вот и пришел конец мне. И только тут я поняла, как же хочется жить.

Я обняла подругу:

– Ну, что ты, глупая... Прорвемся, Изабеллыч. Вот увидишь: все будет хорошо!

Записки дистрибьютора

Домик в Ницце

Огоньки празднично мигали на взлетном поле, создавая волнующее ощущение новогодней ночи: радостное и тревожное одновременно. Я сидела в кафе аэропорта Бен Гурион, пила кофе и любовалась взлетающими самолетами.

– Вот она – заманчивая жизнь бизнесмена! Долой уборки и унижения! Долой нищету! – Я начинала новую страницу своей биографии. Сорок две коробки «Гербалайфа» вместе с нехитрым набором одежды и белья уже были сданы в багаж. Посадка на московский рейс ожидалась с минуту на минуту. Настроение у меня, не смотря на июльскую жару, было новогоднее. Шел 1993 год.

Первым пунктом в моем бизнес-плане стояла встреча с Андреем. На него я возлагала большие надежды, можно даже сказать, единственные. Знакомы мы не были, но перед отъездом из Израиля я дала объявление в газете:

«Лечу в Москву. Ищу людей со связями для взаимовыгодного сотрудничества».

Звонков было не много. Узнав, в чем дело, позвонившие ругались и бросали трубку. Но один звонок можно было назвать удачным.

– Привлеките моего брата Андрея, – слезно просил абонент. – Он полгода зарплату не получает. Вы не смотрите на то, что он до сих пор младший научный сотрудник, филолог, специалист по Серебряному веку. Он трудолюбивый и порядочный. Научите его бизнесу, а то совсем парень пропадет! Скажите, что брат рекомендовал, брат – Евгений.

– Не волнуйтесь, – пообещала я. – Не дадим пропасть Андрею. Сделаем из него крутого бизнесмена. А Вам спасибо за правильную рекомендацию.

Встречу с Андреем я назначила в скверике около метро Академическая. Парню оказалось далеко за пятьдесят, но впечатление на меня он произвел очень приятное: умное интеллигентное лицо, приветливая улыбка. Правда, глаза оставались все время грустными, но кому в то время было весело?

– Ну, как там Женька! Расскажите, как он устроился. Только правду скажите, ему нравится? – начал пытаться меня Андрей, едва лишь мы познакомились.

– Евгений в полном порядке. Дай бог Вам достигнуть такого же благополучия, – соврала я, так как понятия не имела, как живет Женька. Стыдно было сразу обманывать такого приличного и доверчивого человека. Но если хочешь делать бизнес, надо отбросить условности.

– Офис я пока не сняла, – начала я деловую часть нашей встречи. – Так что давайте присядем на скамеечку, и я введу вас в курс дела.

Мы сели, я вытащила рекламные материалы и добросовестно провела с Андреем деловую презентацию, подробно обрисовав заманчивые перспективы.

– Я мало, что понял, – честно признался он, терпеливо выслушав мой рассказ.– Возможно, тема для меня совсем незнакомая, а может быть потому, что все время думал о брате. Но если Женька рекомендует Вас, я согласен. Говорите, что надо делать.

– Вот и прекрасно, – обрадовалась я, сама не веря такому легкому успеху. – Для начала нам надо найти какой-нибудь недорогой офис и дать объявление в газету.

– Я постараюсь что-то придумать с офисом, подумаю, какую газету лучше выбрать и позвоню Вам,– пообещал Андрей.

Андрей позвонил на следующий день рано утром. Видимо, безденежье сильно тяготило его, и он хватался за любую соломинку, даже за ту, что протянула ему я.

– Нашел офис! Бесплатно! – радостно закричал он. – Мой друг Игорь Денисов создал недавно Академию Всемирного Духовного Возрождения...

– Возрождения чего? – не поняла я спросонок.

– Это не столь важно, Наташа. Главное другое: за год работы они очень утомились, и сейчас всей Академией идут в отпуск, им нужен человек, чтобы сидел в офисе и отвечал на звонки. Через два часа Игорь ждет нас у метро «Смоленская». Такой шанс упускать нельзя!

Конечно, это был подарок судьбы. Бесплатный офис в центре Москвы! И уже через два часа мы втроем шли по Арбату в Академию Всемирного Духовного Возрождения.

Это было то время, когда в кошельках многих бывших научных сотрудников и инженеров вместо денег лежали визитные карточки с золотым тиснением: "Генеральный директор корпорации...", "Президент фирмы...", "Председатель совета директоров..." и так далее, и тому подобное. Обменялись такими визитками и мы с Игорем, и, как полагается людям с соответствующим гордо звучащими должностями, вели по дороге разговоры о бизнес-перспективах, то есть ни о чем.

Арбат был темный и грязный. То там, то здесь попадались нищие. Я запомнила большую собаку, она была привязана посредине улицы. Около собаки стояла железная миска с запиской: «Подайте на еду». Прохожие давали ей деньги намного чаще, чем просящим милостыню людям. Добродушный большой зверь не был виноват в человеческих перестроечных играх.

– Вот мы и пришли, – сказал Игорь, показывая на старенькое здание школы. – Весь первый этаж отдан под офисы, здесь мы и снимаем одну комнатенку. Но это пока... Временно... Я надеюсь, вы понимаете...

– Конечно. Конечно, – хором затараторили мы.

Зашли в комнатенку. Это была бывшая классная комната. Посредине стояли два казенных стола, вокруг них несколько обшарпанных стульев. На столе, правда, были телефон и

факс.

– Да, хорошо иметь деньги, – вдруг прочувствованно сказал Андрей, указывая глазами на факс.

Ничего, связанного с духовностью, я в обстановке комнаты не увидела, но задавать глупых вопросов не стала. Мы поблагодарили Игоря, взяли ключи, пообещали объяснять всем позвонившим, что сотрудники в отпуске до начала сентября, и стали обживать наш новый офис. Принесли рекламные материалы, пустые баночки из-под капсул и коктейлей, большую амбарную книгу для регистрации потенциальных клиентов, два граненых стакана, кипятильник, пачку чая и сахар-рафинад. Вот, пожалуй, и все бизнес инструменты, которыми мы располагали в то время.

Дали объявление в газету, конечно, в самую востребованную рубрику: «Приглашаем на работу» и стали ждать...

Город представлял собой разворошенный муравейник. Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать за муравьями после разорения их построек? Засуньте палочку в муравьиную кучу, и вы моментально увидите, как все приходит в хаотическое движение: насекомые начинают бегать, метаться, спасая самое ценное и ожидая команду, что делать дальше? Так же хаотично сновали по Москве люди: старые и молодые, амбициозные и покорные, военные и гражданские. Что они носили с собой? Что спасали? Свою жизнь, свою судьбу и искали хоть какого-нибудь совета, что дальше делать с этим богатством.

Телефон звонил непрерывно, люди обращались и по рекламе Академии Возрождения и по нашим объявлениям:

– Когда начнется психотренинг: «Найди себя в меняющемся мире»?

– Девушка, мне бы духовного наставника, да поскорее... – это звонили будущие слушатели Академии, мы просили их ждать до сентября.

– Что за работа? Скажите, что надо делать? Намекните, сколько платят. – Это уже были наши потенциальные работники, им назначалась встреча немедленно.

Андрей был настоящей находкой для моего бизнеса: образованный, остроумный, он обладал обаянием человека, к которому всегда тянутся люди. Они часами рассказывали ему свои невероятные истории, делились секретами, и с большим желанием верили, что он сможет вывести из жизненного тупика. Андрей расцветал на глазах.

– О таком я мог только мечтать! – Часто повторял он. – Это бизнес построен не на вложении денег, в чем я ничего не смыслю, а на человеческих взаимоотношениях.

– Вот увидишь, как быстро ты расстанешься с нищетой, – уверяла его я.

Кого выбрала и сохранила моя память из нескончаемого потока ищущих поддержку людей?

Беженку из Грузии Ингу Георгадзе. Муж погиб. Взрослый сын работал где-то в Подмосковье. Сама Инга снимала угол у бабки и была одержима мечтой заработать на собственную

квартиру. Георгадзе пропадала в офисе с утра до позднего вечера, домой не спешила за неимением такового.

Инга обладала прекрасными организаторскими способностями, грамотной и красивой речью – сказывался многолетний опыт работы референтом. Весь рабочий день она просто излучала уверенность в успехе, самый дефицитный в то время товар, и только вечером, когда в офисе оставались мы одни, когда грели кипятивником в стаканах воду и пили чай вприкуску с рафинадом, Инга позволяла себе снять с лица маску преуспевающей женщины и расслабиться в нашей семейному уютной компании. Каждый вечер она смотрела на Андрея своими грустными беспомощными глазами и задавала один и тот же вопрос:

– Вы видите, как я работаю. Как вы думаете, у меня получится заработать на маленькую квартирку?

– Что ты, Инга! Да мы купим с тобой дома! И не где-нибудь, а в Ницце! – улыбался Андрей. Так и стало выражение «Домик в Ницце» нашим паролем, символом успеха, самой заветной мечтой.

Приходило много уволенных офицеров. С командными голосами, военной выправкой, прямолинейным мышлением, они довольно нелепо выглядели в роли просителей работы и вызывали больше сочувствия, чем многие стареющие женщины со сломанными судьбами, но гибкие и хваткие по своей натуре.

– Вы умеете работать с людьми? – спрашивал Андрей од-

ного такого кандидата в дистрибьюторы.

– Конечно! – четко, как на плацу, отвечал тот. – Имею двадцатилетний опыт работы начальником колонии строгого режима!

– Я бы хотела сама провести первую встречу с Вашими друзьями. Мне кажется, вам пока рано рассказывать о наших продуктах, – убеждала я другого.

– Да я пятнадцать лет преподавал военное дело! Что я – про поносы не расскажу? – был мне ответ.

Как-то вечером, возвращаясь из офиса после чаепития с нашим знаменитым кипятильником, мы встретили моего бывшего сокурсника Олега. Он гордо выходил из магазина «Электротовары» с большой, красивой коробкой в руках.

Олег искренне обрадовался нашей встрече, рассказал, что тоже забросил свою основную специальность и сейчас возглавляет страховую компанию.

– Вот чайник жене купил, – похвастался он своей покупкой.

Импортные электрические чайники тогда только появились в продаже, и мы как зачарованные смотрели на пузатого, белого красавца, которого Олег осторожно вытащил из коробки.

– Как раскрутился Олег! – восхитилась я, когда мы остались одни.

– Крутые у тебя друзья, – подтвердил Андрей. – Но и нам до хорошей жизни осталось совсем немного. Группа растет.

Люди замечательные. Будем и мы пить чай из такого же чайника в нашем домике в Ницце!

Как-то в середине дня буднично зазвонил телефон.

– Начальника позови. Да быстро! Юсуп говорит!

– Вы, наверное, не туда попали, – растерялась я. – Это Академия Всемирного Духовного Возрождения.

– Поговори у меня! – Закричали в трубке. – Денисова давай!

– Он в отпуске. Будет в начале сентября, – сказала я заученную фразу

– В общем так, если до завтра не найдешь Денисова или его деньги, сама в моем подвале сидеть будешь до самого начала сентября! – И в трубке послышались частые гудки.

– Шутник какой-то! – сказала я Андрею, пытаюсь изобразить улыбку.

Увидев его реакцию, окончательно испугалась.

– Надо срочно искать Игоря! Опять он ввязался в какую-то аферу, – пробормотал Андрей и стал судорожно рыться в записной книжке. Но Денисов нашелся сам.

Примерно через полчаса в нашу комнату ворвалась возбужденная компания – несколько женщин во главе с Игорем.

– Нам надо срочно провести небольшое производственное совещание, – сказала одна из вбежавших дам.

– Не волнуйтесь, мы подождем в коридоре, – успокоил ее Андрей, и мы вышли из класса как нашкодившие школьники.

ки.

– Какие-то серьезные проблемы с Духовным Возрождением, – до этого момента я еще пыталась шутить.

Голоса в комнате становились все громче и громче, и вот мы стали уже различать обрывки фраз.

– Три вагона сахара!

– Опять крутите чужие деньги!

– Где наличные за проданный товар!

– Все ясно. – С горечью сказал Андрей. – Они ввязались в сахарную торговлю. – Самое опасное и криминальное сегодня дело. Надо срочно уходить!

– Разрешите забрать свои вещи? – спросили мы, заходя в комнату. Но в пылу баталий на нас никто не обратил внимания. Мы быстро собрали рекламки, бутылочки и баночки, стаканы и кипятильник. Опасливо посмотрели на начатую пачку сахара-рафинада, но брать не стали. Не мешкая, мы покинули Академию Всемирного Духовного Возрождения.

По настоятельному совету Андрея через три дня я вернулась в Израиль. Андрей еще какое-то время пытался заниматься бизнесом, но скоро скис без поддержки, коротал дни в своем НИИ, а вечерами пропадал в пивной напротив.

Прошло более 10 лет. Полностью изменился облик Москвы. Изменились и ее жители. До меня изредка доходили скудные сведения о судьбах людей, с которыми жизнь столкнула меня в ту незабываемую бизнес-поездку.

Олега убили через три года после описанных событий. За-

стрелили в подъезде.

Георгадзе, говорят, пыталась заработать деньги в разных сомнительных фирмах, потом сбежала на Сахалин, где успешно разводит кур.

Игоря Денисова я сама случайно встретила в Москве, в один из моих приездов. Минут десять мы поболтали как всегда ни о чем, потом он предложил подбросить меня на своей машине домой.

– Спасибо, я лучше на метро поеду, – вежливо отказалась я не из-за природной скромности, а из чувства безопасности, так как под курткой Игоря хорошо просматривался бронежилет. Он понял мои опасения и настаивать не стал. Больше мы не встречались.

Андрей после дефолта репатриировал в Израиль. Получил государственное жилье в пригороде Афулы и пособие по старости. В прошлые праздники я решила навестить своего бывшего партнера по бизнесу. Приехала в Афулу и позвонила ему:

– Андрей! Ну, рассказывай, как найти твой домик? Я сейчас в «Ницце» проездом. Могу заехать на чашечку чая!

– Ирина! – радостно закричал он. – Вот так сюрприз! Сейчас же приезжай. Меня легко найти. Подними голову. Видишь водонапорную башню? Около нее стоят два высотных дома. Один из них мой, тот, около которого играют эфиопские дети!

– А нормального адреса у тебя нет? – поинтересовалась

я. – Откуда ты знаешь, что дети будут еще играть, когда я доеду до твоего дома?

– Ты смеешься? У меня давно уже нет ничего нормального. Смело езжай! Найдешь! Детишки всегда там околачиваются.

Ориентируясь на башню, я быстро нашла дом Андрея. Он оказался прав, дети действительно бегали вокруг дома, а вот таблички с номером и названием улицы, по странной израильской традиции, на нем не было.

Запарковав свой старенький «Пежо» и взяв подарки, я стала подниматься по лестнице. Специфический дух бедности и социального жилья окружал меня. Развешенное на лестнице белье, огромное количество поношенной обуви у каждой входной двери, запах жаренной дешевой рыбы, истеричные крики – все говорило о неблагополучии жильцов дома.

В дверях своей квартиры стоял Андрей и весело улыбался мне.

– А ведь я мог стать новым русским – пошутил он, чтобы загладить тягостное впечатление от своего жилья. – А электрический чайник я все же купил. Смотри, какой белый красавец! Мои руки и пошли пить чай!

– Эх, Андрей, Андрей, – только и смогла сказать я. – Прости, что не выполнила данное твоему брату обещание.

– Да брось ты! – начал утешать он меня. – Я с удовольствием вспоминаю наши похождения. Хорошее было время.

Была надежда

Клуб золотого песка

Тяжелые нынче времена пошли – рыночные. Отношения между людьми не простые стали – экономические. Встретишь человека, разговоришься с ним, а он и не человек вообще, а дистрибьютор компании какой-нибудь: или продать тебе норовит что-то, или в свой бизнес вовлечь.

Ведь как в этих фирмах учат:

– Делай счастье своими руками. Мечту свою сформулируй, на бумажке напиши, на видное место повесь и продавай всем подряд нашу продукцию. Глядишь, через год мечта твоя и материализуется.

Вот и бродят дистрибьюторы там, где народу побольше. Ловят таких наивных дурочек, как я.

Вы мне не верите? Тогда слушайте, что со мною приключилось.

Возвращаюсь я как-то с концерта симфонической музыки. А рядом идет интересный мужчина: очки, галстук, портфель – сразу видно – интеллигент. Представился филологом. Говорит, что еще на концерте меня заметил и проводить решил. Я взволновалась, конечно, но виду не показываю. Стихи Блока ему прочитала. Он мне Пастернаком ответил. А погода замечательная, весенняя. Луна светит, воздух напоён ароматом набухших тополиных почек.

– Вечер-то какой, – говорю. – Как из рассказа Бунина.

Пьянящее предчувствие любви. Как я люблю такие прогулки!

– Вы, правда, любите ходить пешком? – обрадовался мой романтический герой. – Тогда вам это понравится. Смотрите...

Открывает свой портфель и вытаскивает ...стельку.

– Это особая магнитная стелька, – объясняет, – она балансирует энергетические потоки при ходьбе и создает гармонию в жизни. Совсем недорого. Купите. Не пожалеете.

Так мне неловко за него стало. Хотя понимаю: на зарплату филолога сегодня не разгуляешься, а простого человеческого счастья очень хочется. Вот и распространяет стельки, весь портфель ими набил, на любой размер есть.

Купила я стельки, ходить удобно, не мешают, не давят.

Но гармонии в жизни как не было, так и нет.

В сауне тоже случай был. Подсел ко мне парень. Этот, сразу видно, не филолог. Мышцей играет. Торс накачан. Фигура треугольником: плечи широкие – бедра узкие. Мне нравятся такие мужчины. Скрывать не буду.

Разговорились о том, о чем в саунах в начале знакомства говорят: спорт, баня, здоровый образ жизни, зашлаковка организма. А он комплименты так и сыплет: и фигуристая я, и ухоженная, и разбираюсь во всем, и беседовать со мной интересно. Я так и таю, то ли от высокой температуры в сауне, то ли от слов его. Размечталась! А знаете, что он потом говорит?

– Сегодня все прогрессивные люди выводят шлаки пластырем. Да-да. На ночь его надо к пятке приклеить, а утром, глядишь, он весь черный, всю грязь из организма в себя во-брал.

– Случайно, – говорит, – у меня с собой есть один образец. Купила я и пластырь. Ну, не умею отказать людям. А цены у них, дистрибьюторов, кусаются. Выбросить жалко, вреда никакого, пользы, правда, тоже нет. Вот и хожу днем с магнитной стелькой, а ночью сплю с пластырем на пятке. Хорошо, что я одна, не замужем. Рада была бы пластырь на мужа сменить, да как здесь познакомишься, когда видят во мне не женщину, а клиента. А вы думали, что я скромная очень, не современная? Тогда слушайте еще.

Разговорилась в книжном магазине с молодым человеком. Книги выбрали, купили, вышли с ним на улицу, он и предлагает:

– Давайте, зайдём ко мне на чашку кофе. Я как раз здесь поблизости живу. Дома и продолжим беседу, жалко прерывать ее на самом интересном месте.

– А почему бы и нет, – говорю, – пойдёмте.

А сама думаю: была-не была, не век же мне с пластырем спать.

Заходим в квартиру, а нас его жена встречает. Я так и обомлела, не знаю, куда руки-ноги деть. А она улыбается приветливо.

– Заходите, – говорит, – в гостиную. Я уже все пригото-ви-

ла. А муж пока кофе сварит.

Зашла я в салон и все поняла: презентация посуды фирмы Цептер: жарит без масла и варит без воды.

Ушла я через час с двумя кастрюлями. Потом целый месяц ничего в них варить не могла – денег на продукты не осталось. Но я не жалею, что купила. Симпатичная молодая пара, мечтают купить свою квартиру, вот и продают кастрюли.

Вот такая жизнь пошла. Страшно взглядом с человеком встретиться. Тут все по сценарию: улыбка, комплименты, стихи или проза, согласно случаю, и тебя уже можно поздравить с очередной покупкой. Но стелька, пластырь и посуда – еще куда ни шло, а недавно купила я полкилограмма морского песка по цене черной икры.

Заходим мы с подругой в электричку. Вдруг нам навстречу вскакивает женщина.

– Здравствуйте, – говорит. – Давно не виделись. Как хорошо, что встретились, наконец. Садитесь скорее рядом со мной. Здесь как раз два места свободных осталось.

– Здравствуйте, – вежливо ответила подруга. – Как ваши дела?

А та как будто только и ждала этого вопроса. Аж подпрыгнула вся.

– Отлично, – говорит. – Вы слышали что-нибудь о «Клубе Золотого Песка»? Я уже вступила в этот клуб и вам советую немедленно это же сделать. Смотрите, что за прелесть!

Она достала мешочек с песком и насыпала его в бутылку минеральной воды.

– Попробуйте. Вы почувствуете вкус структурированной воды? Это коралловый песок с японских островов. Он хранит память поколений.

Я отпила немного. Вода как вода, только песок на зубах скрипит.

Но попутчица не унималась:

– Правда, легко пьется? А действие какое благотворное! Все глисты, все грибки выйдут. У одной нашей дистрибьюторши грибница вышла – килограммов пять! А сколько в нашем организме паразитов! Все клетки покусаны ими. Глисты я уже вывела, теперь грибки гоняю. И вы, девочки, покупайте песочек, оздоровитесь, омолодитесь, и совсем недорого.

Тут она называет сумму, ну просто астрономическую, и в глаза мне смотрит. Я засомневалась в целесообразности покупки, да и глистов у меня нет. Я она как рассердится:

– Сейчас в нашей экологической ситуации все должны воду структурировать. Вы заметили, какие кислотные дожди идут? Я недавно каплю на ветке дерева увидела – сантиметров пять в диаметре. Висит, и упасть никак не может. Вот напряжение какое!

А говорит она громко, люди оглядываться стали, смотрят на нас, как на сумасшедших. Я и купила песок. Женщина сразу успокоилась, пожелала фантастического омоложения и сошла на следующей остановке.

– Кто это? – спрашивает подруга.

– Не знаю, – говорю. – Думала, что твоя приятельница.

Поэтому и не возражала.

– А я подумала, что твоя. Ну, и попались мы!

После этого случая приснился мне сон. Будто поднимаюсь я по лестнице на небеса. Факелы кругом горят, ангелы летают. Иду я все выше и выше, захожу под искрящийся свод. На кресле золотом сидит Он, Всевышний.

– Здравствуй, – произносит, – дочь моя. Чувствую, что созрела ты духовно. Посмотри, что я покажу тебе.

Неожиданно в его руках появился сверток, ангел подлетел, развернуть помогает.

Мне так страшно стало. Неужели и Он что-то распространяет?! Проснулась я в холодном поту: на пятке пластырь, в тапочках магнитные стельки, на столе кастрюля Цептер, а в ней коралловый песок воду очищает.

Все, думаю, никаких случайных знакомств. Никакого общения. Иначе совсем свихнешься от этих создателей счастья своими руками.

Деловая встреча в публичном доме

Во времена перестройки я, как и многие научные работники, сменила тишину лабораторий и библиотек на суету распродаж и презентаций. Необходимы были деньги. Я подписалась в Гербалайф.

Уже тогда слово "Гербалайф" было почти ругательством. Чтобы заманить людей на встречи, мы говорили загадками: "Работа для энергичных людей".

"Большие заработки подходящим".

Я дала объявление: "Ищу деловых людей со связями в разных городах. Интересное предложение. Высокие доходы"

На следующий день позвонил мужчина. После моих сбивчивых и невразумительных объяснений он, на удивление легко, согласился на деловую встречу

– Приезжайте завтра в 11 утра по адресу ... – в трубке прозвучал его красивый баритон.

– Это ваш офис?– уточнила я

– Ну, можно назвать и так... – замялся собеседник. И повесил трубку.

Я была на седьмом небе от счастья. Первый звонок, и такой удачный! Оказалось, что заниматься маркетингом не так уж страшно.

Облачившись утром в деловой костюм, сделав неброский дневной макияж и взяв новенький портфель с документаци-

ей (именно так я представляла себе успешную бизнес-леди), ей пошла на первую в своей жизни деловую встречу

Я была так рада, что все у меня складывается удачно, возможно, скоро придут большие деньги и семья расстанется с нищетой, что не обратила внимания на некоторые странные детали: офис находился на задворках промзоны, не было никакой вывески, только корявым почерком на стене был написан адрес. И почему-то красной краской...

Я глубоко вздохнула, изобразила на лице улыбку (так нас учили) и нажала на звонок. Дверь открылась сразу, как будто меня ждали

В офисе стоял приятный полумрак. Постепенно глаза привыкли к темноте, и я поняла, что нахожусь в комнате для деловых переговоров: журнальный столик с дымящимся кофе, на добротном кожаном диване сидели люди, почему-то только женщины в красивом нижнем белье, на стенах висели довольно смелые картины, изображавшие радости любви.

Страшная догадка осенила меня. Но было уже поздно. Сейфовую дверь за моей спиной защелкнулась на все замки.

"Что это? Недоразумение? Злой розыгрыш друзей? Мечь врагов?... Для жрицы любви я старовата. Тогда зачем меня сюда заманили? Будут требовать выкуп у родных? Но у них нет денег! Сфотографируют? Поместят мой снимок в желтой прессе? Шантаж..."

Поток моих тревожных мыслей прервал спокойный голос секретарши:

–Пройдите в кабинет" – нараспев произнесла она. – Вам чай, кофе, минералку?"

Девушка была вежливая и симпатичная. Кроме мужской рубашки на ней ничего не было, но это, видимо, никого, кроме меня, не смущало.

Кабинет был обставлен в деловом стиле. На полках книжного шкафа аккуратными стопками лежали журналы и видеокассеты соответствующего содержания, пачки презервативов и глаженные простыни. В углу стоял массивный письменный стол, на нем мониторы от камер внешнего слежения.

Теперь понятно, почему так быстро мне открыли дверь. Они увидели меня. Сбежать отсюда будет сложно...

За столом сидел импозантный мужчина, единственный (кроме меня, конечно) полностью одетый. Он заполнял какие-то бумаги.

– Садитесь. Прошу прощения, минутку подождите, – улыбнулся он. – Я должен закончить финансовый отчет за прошедшую ночь" – Увидев на моем лице удивление, добавил, – Мы называемся институтом здоровья, и фининспектор может нагрянуть в любой момент.

Только этого мне не хватало... Я нервно отхлебнула кофе, но через минуту пожалела: они подмешали мне снотворное, теперь уж точно все потеряно" ...

А тем временем в "офисе" жизнь шла своим чередом. Секретарша долго искала уют, ругая нерадивых девиц. Те, в свою очередь, вяло огрызались.

Зашел мужчина. Нет не клиент. И даже не фининспектор.

– Михалыч! Реклама пришла! – закричала секретарша. –

Что будем давать в газету: ДЖАМБО или в рамке?

– Оставь, как было. Оплатим через неделю, подождет" –

ответил Михалыч и наконец-то обратился ко мне:

–Внимательно вас слушаю.

– Видите ли, наша компания, – я ужаснулась звучанию собственного голоса, – выпускает продукты для похудения.

Может быть, вашей фирме это будет интересно?

–Нет, нам это не будет интересно. Вот если вы нам наладите поставку девушек из СНГ, мы готовы хорошо вам заплатить.

– Да -да... Конечно... Я обязательно начну поставки девушек для вас. Как только на таможду поступит первая же партия, я вам тут же позвоню. А теперь, можно, я пойду?" – лепетала недавняя «бизнес-леди».

– Конечно. Очень рад нашему знакомству" – он протянул мне руку.

– Взаимно, – пропищала я и попятилась к двери.

Вырвавшись на свободу, я без остановки пробежала два квартала. Как будто бы за гнались все мафиози мира.

Постепенно самообладание ко мне вернулось. Я замедлила шаги. В голове крутились обрывки фраз, подмеченные детали, лица, голоса. Мысленно я все еще была там, в "офисе". Но позвольте... Я вдруг остановилась. Но где же ощущение порочности? Надломленности душ? Метания девиц между

грехом и раскаянием? Где жажда нравственного очищения?

Нет, в "офисе" царила будничная, рутинная атмосфера начала рабочего дня

Как все измельчало в наше время – разочарованно подумала я и потащила дальше свой новенький портфель, набитый так и не пригодившейся документацией.

Записки из дурдома

Моя знакомая, врач-психиатр, принимает активное участие в моей судьбе. Но это вовсе не то, что вы подумали. Просто мы давние приятельницы, можно сказать, закадычные подруги.

Приходит она как-то ко мне в гости и с порога сразу спрашивает:

– Работу нашла?

– Нашла, – говорю. – В элитарную косметическую фирму устроилась продавцом-консультантом, выкупила начальный набор за две тысячи долларов, а теперь желательно его продать, да побыстрее, пока муж денег не хватился.

– Тебе в сумасшедший дом надо с этой элитарной косметикой, – кричит она и тянется к телефону.

Я обиделась. Хотя сама понимаю, что это не самый умный поступок в моей жизни: больше года мы откладывали деньги на ремонт квартиры, а теперь весь наш «ремонт» стоит расфасованный по баночкам и бутылочкам, как немой укор моему легкомыслию.

Пока я себя жалела, подруга успела сделать несколько телефонных звонков.

– Порядок, – радостно сообщает она мне. – В пятницу тебя уже ждут.

– Где ждут? – поинтересовалась я.

– В психушке нашей, – отвечает. – У девчонок дневная смена заканчивается в пять часов, подъедешь к этому времени, покажешь косметику, они ее мигом раскупят. Медсестры у нас хорошо зарабатывают, а времени по магазинам ходить – нет. Запомни: третий корпус, спросишь Элла, она тебе поможет, я уже договорилась.

В пятницу в три часа дня я с двумя сумками, набитыми косметикой, начинаю свое движение по направлению к психбольнице. Вначале автобус, потом маршрутное такси, полчаса легкой трусцой через пустырь, минут двадцать лихорадочных поисков третьего корпуса, и вот я у заветной двери.

Элла, действительно, встречает меня в приемной и говорит вместо приветствия:

– Посиди здесь минут пять, у нас сейчас срочное совещание. Больных не бойся, я тебя запру. – И не дав мне опомниться, исчезает.

Я огляделась: входная дверь закрыта на кодовый замок, дверь в коридор Элла заперла на ключ. В углу этой неприветливой комнаты стоял обшарпанный стул. Я села на него, сумки поставила на колени, обхватила их руками, как будто они способны были защитить меня от неприглядной действительности.

Вдруг открылось окно, и где бы Вы думали, в двери, которая отделяла мою комнату от больничного коридора. Окно в двери – это очень странно, но поверьте мне, что так оно и было. В оконном проеме показались лица больных.

– Новенькая? Тебя как зовут? В какую палату пойдешь? – посыпались вопросы.

– Да я здесь случайно, – ответила я.

В ответ раздался дружный хохот:

– Это все так говорят поначалу. Не переживай. У нас хорошо!

«А случайно ли я здесь?» – подумала я. «Может мне только кажется, что я -продавец-консультант косметики? Или еще хуже, возможно, моя подруга действительно решила, что я заболела, и заманила меня сюда под видом распродажи?»

Медленно тянулось время. Элла не появилась ни через десять, ни через пятнадцать минут, а я все думала и думала о причинах моего пребывания в этом страшном месте, запутываясь в подозрениях, догадках, сомнениях.

Но совещание все же закончилось, захлопали двери, слышались сердитые голоса, в окне промелькнули две медсестры, похожие на белых перепуганных птиц. Дверь открылась. Элла виновато посмотрела на меня:

– Сегодня ничего у нас не получится. Девчонки злые, представляешь, сократили часы дежурства и оплату! Как-нибудь в другой раз послушаем о твоей косметике. Я позвоню. Ты не сердись.

– Ерунда, – говорю. – Я совсем не сержусь. До свидания.

Элла набирает код на входной двери. Я выбегаю во двор, еще минут двадцать ищу проходную, волнуясь про себя: выпустят или нет.

Выпустили, сторож приветливо махнул мне рукой, ему, видимо, не сократили часы работы и оплату.

Я дождалась маршрутку, втиснулась с сумками на сидение, оплатила билет, и вдруг ясно представила себе: продавец-консультант элитарной косметики сидит как загнанный зверь в приемной психушки и справедливо сомневается в своем психическом здоровье. Так смешно мне стало, что вначале я улыбнулась, потом хмыкнула, и вдруг как захохоту во весь голос. Возможно, это нервный стресс из меня выходил.

Водитель повернулся ко мне и говорит ласково:

– Что, подруга, домой на выходные отпустили? Отдохнешь немного от больницы. – А потом добавил сквозь зубы: – Когда же вас тут всех перелечат.

Сегодня мне совсем не смешно вспоминать этот эпизод, равно как и многие другие мои попытки заработать деньги. «На что уходит жизнь?» – вот в чем вопрос.

Цветущий домик

– Квартиры жуткие, цены страшные, – философствовал маклер Ицик, раскачиваясь в огромном кожаном кресле. – Пусть хоть какие-то приятные воспоминания останутся у людей от нашей сделки, – напутствовал он меня.

Ицик, несмотря на свою профессию, был добрейшим человеком, искренне переживающим за судьбу бедных олим (репатриантов в Израиль), нахлынувших в наш город.

Я была горда тем, что из сотни претенденток на работу Ицик взял именно меня. Взял не за яркую внешность, а за веселый характер, остроумие, умение видеть хорошее даже в тяжелой ситуации.

– Помни, ты луч света в темном царстве. -повторял он каждый день. (Хотя в нашей стране было бы уместнее "прохладная тень в ослепительно-солнечный полдень").

В мои обязанности входило: поднимать настроение клиентов, когда мы шли грязными, узкими улицами к нужному дому; морально подготовить их, перед тем, как открыть дверь квартиры; и, по возможности, смягчить удар от удивленного.

Я неплохо справлялась с поставленной задачей: рассказывала историю еврейского народа: о мужественно переносимых трудностях времен Первого и Второго Храма, о восточном каллорите арабской архитектуры, подводила философ-

скую базу под некоторые, бросающиеся в глаза европейского человека странности. Рассказы я пересыпала шутками, аллегориями, удачными сравнениями. Люди оставались довольны, часто благодарили меня, конечно, не за квартиры.

Когда одному профессору из Сан-Петербурга на голову вылилась грязная вода из трубы на третьем этаже, я объяснила:

– Эту трубу называют "марроканской дыркой" – (термин придумала я сама), – У них в семьях есть такой обычай: выливают ведро воды на пол и сгоняют ее в отверстие, которое ведет прямо на улицу. У местных народов нет генетической памяти очищать и украшать площадку перед домом.

– Ну тогда совсем другое дело. – повеселел профессор, стирая белоснежным носовым платком грязь с лица.

Я начала входить во вкус:

будку на крыше дома -назвала "пентхауз с чудесным видом",

лестницу на пятый этаж – "вертикальным стадионом",
квартиру с плесенью на потолке – "наш цветущий домик".

Жильцы вспоминали мои меткие высказывания и говорили, что мой юмор помогает им переносить бытовые трудности.

Одна пожилая пара подарила мне букет цветов. Эти милые люди рассказали, что когда ночью их будят стук каблучков и голоса соседок – девиц легкого поведения – они вспоминают, как в шутку, я назвала их аспирантками, работаю-

щими по ночам над конспектами. Пожилые люди смеются и в хорошем настроении засыпают снова.

Зрение мое обострилось настолько, что я стала видеть хорошее там, где его никогда и не было. Это подвело меня.

Однажды вечером мне надо было позвонить из дому по поводу продажи квартиры. Муж, мирно ужинавший на кухне, случайно услышал мой монолог. Он был настолько потрясен необычными достоинствами этой квартиры, словом "находка", постоянно повторяющимся в моей речи, что принял решение немедленно купить ее. А свое решение мой муж никогда не меняет.

Вот уже 12 лет мы живем в этой квартире, и я прошу его только об одном: "вспомни, что я говорила тогда по телефону, может мне станет приятнее в ней жить".

Исповедь дистрибьютора

Петров пригубил душистый кофе, закурил сигарету, посмотрел на виллу и залюбовался ею. Дом, действительно, был хороший: большой и добротный. Такой может себе позволить человек, обладающий тонким вкусом и толстыми пачками денег.

Далее, по-привычке, он стал рассматривать автомобиль. Крутой, новенький, семисотый мерседес.

– Да, много сделано, чтобы воплотить в жизнь свою мечту, – подумал Петров. – Сколько встреч, презентаций, продаж! Со сколькими людьми беседовал, где только не побывал.

– Сначала работал по объявлениям в газете, – рассказывал Петров свою историю дому и машине. Рассказывал, как исповедовался. Как будто они способны услышать, понять его и простить.

– Потом использовал любую возможность, чтобы знакомиться с людьми и рекрутировать их. Посещал встречи, собрания, конференции, тусовки. Учился на всевозможных курсах, включая изучение китайского языка и японской кухни. Посещал бассейн, хотя страшно боюсь воды, в сауне «работал в поте лица». Ходил в пешие походы с любителями экстремального отдыха, медитировал с йогами, впадал в транс с экстрасенсами. Посещал встречи франкофонов.

Устраивал литературные вечера, организовывал автобусные экскурсии.

Ходил на баптистские собрания, посещал православную церковь и лекции по Кабале. Был активистом двух политических партий с диаметрально противоположными программами. Читал лекции в клубах, публичной библиотеке и даже, что скрывать, в публичном доме и лечебнице для душевнобольных.

Волонтерил на «Телефоне доверия», являлся одним из спонсоров молодежных соревнований по боксу. Всегда стригся в разных парикмахерских и за продуктами заходил в разные магазины. Чтобы знакомиться, знакомиться и еще раз знакомиться с новыми людьми.

Петров еще отпил глоточек кофе и взглянул на часы.

– Ого, уже пять тридцать. Что ж, пора.

«Я ни о чем не жалею», – пела по радио Эдит Пиаф свою бессмертную песню.

– Я тоже не жалею ни о чем, – сказал в радиоприемник Петров. Он не спеша подошел к холодильнику, бережно снял вырезанные из глянцевого журнала «Взлет бизнесмена» картинки дома и машины. Вдохнул, еще раз взглянул на красивую, но так и не материализовавшуюся жизнь, и опустил фотографии в мусорное ведро. На освободившееся место Петров прикрепил выданный начальником график работы. Надел куртку, рабочие ботинки и вышел из дома. Солнце еще не встало, но заводская подвозка уже везла тружеников на

рабочие места.

Веселые рассказы

Папа на Святой Земле

Папа первый раз приехал ко мне в гости через три года после того, как я поселилась в Израиле. Он, как всегда, был подтянутый, энегричный, веселый.

– Дочка! – сказал папа на второй день своего пребывания.

Общение с тобой повергло меня в уныние. Прислушайся сама, о чем ты говоришь! Рынок, скидки, биржа труда, пособия! Твои интересы неимоверно сузились! Твой словарный запас обеднел! Разве для этого я дал тебе блестящее образование? Что ты знаешь о городе, в котором живешь целых три года! Завтра же мы с тобой идем на экскурсию! И не спорь, я уже записался.

– На какую, папа? – покорно спросила я. – Обзорную или в Бахайский храм?

– Мы пойдем в мужской монастырь! – радостно воскликнул отец.

– С каких пор тебя стали интересовать монастыри, тем более мужские? – удивилась я.

– Не волнуйся, – озорно подмигнул он, – с твоим папой все в порядке. Это не просто монастырь – это главный монастырь Кармелитов. Помнишь в «Трех мушкетерах»: Миле-

ди, Констанция... Как я зачитывался в детстве Дюма. Как мечтал перенестись в то время! И вот я на горе Кармель, в честь которой названы эти монастыри во всем мире!

– Обычно люди мечтают посетить Стену Плача, Назарет или искупаться в знаменитом Мертвом море. Но чтобы думать о мушкетерах в Израиле?!

– Да, папа у тебя большой оригинал, – ответил он. – Но о вкусах не спорят!

От себя добавлю, что с папой лучше вообще ни о чем не спорить.

На следующее утро, увешанные фото и видео-камерами, с фляжками за спиной (по полтора литра каждая), в удобной обуви, панамках и темных очках, благоухая кремом от загара (папа неукоснительно следовал инструкции, полученной в турбюро) мы вышли из подъезда нашего дома.

– В поход? – одобрительно спросила соседка

– На экскурсию! – гордо ответил папа

– Счастливого вам пути! Легкой дороги! – прокричала она вслед.

– Дорога будет не из трудных, – улыбнулась я. Ведь монастырь находился всего через два квартала от нашего дома. Но я недооценила папу.

– Я иду по Святой Земле! – ежеминутно повторял он. – Мог ли я мечтать об этом. Я вижу залив! Этим видом мог любоваться Илья Пророк, это море на протяжении сотен лет видели монахи из своих келий! Кстати, почему Иисус не за-

ходил в Хайфу? – вдруг с обидой в голосе спросил отец

– У него была уважительная причина, – пояснила я. – Хайфа образовалась на три века позже жизни Иисуса.

– Действительно! Ты права. Но я-то, я... – иду по святым местам, где все дышит историей! Я вижу море...

– Папа, ты бы лучше смотрел на светофор, – перебила я. – Оставь эмоции до экскурсии. На нас оборачиваются люди!

– Это не люди! Это счастливцы, которым довелось жить на этой Земле.

Около входа в монастырь мы увидели «счастливцев». Сразу вычислили экскурсовода по яркому зонтику в руках и напряженно всматривающемуся в даль взгляду.

– Ну, наконец-то, вон идут еще двое, – сказал он, увидев нас, а то хоть экскурсию отменяй. Сколько раз я говорил в турбюро, что группу меньше двадцати человек вести не буду. Я не обязан работать за копейки!

Люди понуро стояли вокруг экскурсовода, стыдясь своей немногочисленности, но, увидев нас, оживились и радостно заулыбались.

– Шалом любителям романтических приключений! – громко

поприветствовал всех папа.

Экскурсовод бросил на него цепкий взгляд профессионала и многообещающе хмыкнул. Экскурсия началась.

– Мы находимся в городе Хайфе, – сообщил экскурсовод. Папа тут же схватился за видеокамеру, стараясь не упустить

ни слова.

– Зовут меня Моше, прошу запомнить: не Михаил, не Миша, не Мойша, а Моше, – грозно предупредил он, и, практически не изменив тона, продолжал: – Для начала предлагаю посмотреть диораму «Волхвы преподносят дары новорожденному Иисусу».

Все гуськом стали проходить в темную, тесную комнату, где была размещена диорама. Я вежливо пропустила вперед людей, как с детства учил меня папа, и зашла последней.

Но Моше уже не было слышно. Его голос полностью заглушил папин крик.

– Кактус! – папа с ужасом показал рукой в угол диорамы, где действительно зеленело колючее растение. – Не было в то время кактусов! Они завезены в Палестину немцами-миссионерами в конце девятнадцатого века. Нарушена историческая достоверность!

– Успокойтесь, пожалуйста! – пытался перебить папу экскурсовод.

Его лицо было красным, то ли от жары, то ли от злости. – Какое нам дело до кактуса? Сейчас для нас главное – Иисус!

– Иисус был. Волхвы были. Тут я Вам верю, – легко согласился папа. – Но кактусов не было!

– Почему на небе пятиконечная звезда Кремля? Надо шестиконечную! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Диорама сделана несколько лет назад, – пояснил экскурсовод. – После 1898 года, когда проходил первый сионист-

ский съезд, шестиконечная звезда стала символом сионизма, и христианские художники перестали ее изображать на своих картинах.

– Да. Иисус с символом сионизма – это слишком! – воскликнул папа, и все согласились с ним.

– Пройдемте в помещение храма, – попросил Моше после столь неудачного дебюта.

Внутри храма было торжественно и спокойно. Все расселись по скамеечкам. Не-Михаил монотонным голосом рассказывал об истории кармелитов со времен их жизни в пещерах. Эхо убаюкивающе вторило ему. Все потихоньку начали зевать.

И тут в помещение вбежала всклоченная женщина.

– Это ОН! ОН! – неистого кричала она. – Я сразу его узнала! Это ОН!

– Кто? Мессия? – вскочил папа, нацелившись видеокамерой на вход в Храм.

– Да, какой еще Мессия?! ОН! Малахов! Ведущий телепередачи!

Я вспомнила, что газеты писали о совместном проекте телевидения России и Израиля. Через секунду я действительно увидела в дверях Малахова. Все участники нашей экскурсии моментально проснулись и кинулись к нему, кто с авторучкой для автографа, кто с фотокамерой для снимков. Началась давка. Положение спасли телохранители. С легкостью, которой явно завидовал наш экскурсовод, они быстро рас-

толкали людей и направили их во внутренний дворик монастыря.

– Я хочу все-таки продолжить свой рассказ о жизни монахов, – начал Моше, пытаясь укрыться от солнца в жалкой тени пальмы.

– Малахов, Малахов, – как эхо вторили ему из толпы. Завоевать внимание людей после перенесенного ими потрясения было не под силу даже профессионалу. И только папа с жадностью ловил каждое слово лектора.

Где-то с четверть часа шел сеанс «одновременной игры». Экскурсовод без особого энтузиазма рассказывал о судьбе монастыря, о посещении Хайфы Наполеоном, о памятнике погибшим французским солдатам, выполненном в виде египетской пирамиды, о воскресных службах, на которые приходят арабы-христиане и работающие в городе филиппинки.

Экскурсанты живо обсуждали темы передач «Большая стирка» и «Малахов + Малахов». Вопросы, как лечить геморрой и восстанавливать дыхание, намного больше интересовали людей, чем сложные поиски духовных истин. Но, безразличное к человеческим проблемам, солнце сморило обе стороны. Все слабее звучали голоса, все с большей жадностью глаза искали тень. К явному облегчению собравшихся, экскурсовод наконец-то закончил свой монолог и двинулся в сторону выхода. Путь к свободе нам преграждали огромные автоматические ворота.

– Чудо техники забрело даже в самые закрытые для ми-

ра уголки, – вдруг пошутил наш Не-Миша, набирая код на специальном пульте, вмонтированном в стену. С приближением конца экскурсии он становился все более веселым и окладистым. Ворота не поддавались. Возможно, Моше перепутал код или просто забыл его. Кроме нас во дворе никого не было, только глухие стены, заклинившиеся ворота и безжалостное солнце.

– Нам суждено навеки поселиться в сей скромной обители, – с пафосом произнес папа.

– Это на электростанции объявили забастовку! Они давно грозились! Нашли момент... Почему мне всегда так не везет, – запричитал грузный дядька, ища глазами, куда можно присесть или прислониться.

– С культовыми местами вечные проблемы, – принялся утешать его сухенький старичок. – Помню в прошлую экскурсию пришли мы к православной церкви. А она на замке! Батюшка закрыл ее, ключ положил в карман и уехал в магазин. Это перед праздниками было, перед Суккотом. Матушка говорит: раньше, чем через три часа, не ждите.

– И Вы не смогли попасть в церковь? – ужаснулся папа.

– Это чтобы я не смог куда-то попасть! – возмутился сухенький. – Я тут же позвонил батюшке по пелефону. И что Вы думаете? Оказывается, у него в потайном кармане подрясника был запасной ключ. Даже матушка об этом не знала. Так что церковь мы открыли!

– Монахи-кармелиты, электростанция, пелефон, подряс-

ники – как переплелось все на Святой Земле! – восклицал папа. – Вы чувствуете связь времен? – обратился он к своей соседке, интеллигентной на вид женщине с большой сумкой в руках.

– Я чувствую, что у меня сейчас потечет рыба! – вдруг закричала она и стала размахивать сумкой перед носом мужа. – Говорила я тебе, что не надо брать ее! А ты все – скидка, скидка! Так купили бы на шекель дороже! Эконом несчастный!

– Они ответят за это! – прорычал муж и грозно посмотрел вверх.

К кому он обращался? К монахам или еще выше? Но голос его был услышан, ворота поддались и стали открываться. Все бросились на свободу. Экскурсовод подошел к папе:

– Я вижу, вы большой хохмач! У меня к Вам убедительная просьба, – он доверчиво склонился к папиному уху. – Я сейчас попытаюсь продать насколько книжек своих стихов. Сами понимаете, на одну зарплату не проживешь! Семья, дети, ссуды, долги! Прошу Вас, не мешайте, не произносите ни слова.

– Все понял! Сам отец! – сочувственно сказал папа. – Не скажу ни слова, не волнуйтесь, Миша, то есть Мойша, нет Моше, – совсем растерялся отец. Но экскурсовод не рассердился, а только снисходительно похлопал его по плечу.

– Ничего, привыкнешь. Ты, я погляжу, совсем из свеженьких...

– Друзья! – первый раз лаского обратился к нам Моше. – К сожалению, наша экскурсия подошла к концу. Мне очень жаль с вами расставаться. Надеюсь, что и вам со мной тоже. Поэтому разрешите напоследок предложить вам книжечку моих стихов о нашей красавице Хайфе.

– Сколько стоит? – закричали из толпы.

– Всего двадцать шекелей, – нежно сказал экскурсовод.

– ОГО! – вдруг вскрикнул папа.

– Но я же не сказал ни слова, – успокаивал он меня на обратном пути. – Я же не виноват, что эти невежды не любят поэзию.

Игра в свои ворота

Когда моим сыновьям было 10 и 12 лет, они были страстными болельщиками команды Бейтар Ерушалаим (Израиль). Приближалась судьбоносная игра (затрудняюсь сказать точнее, да это и не важно).

– Мы пойдем на футбол, – твердо сказал старший сын. Я, как истинная идише-мама, не могла лишиться детей радости от спорта, но и отпускать их одних боялась.

– Тогда я пойду с вами – приняла я соломоного решение. Старший скривился.

– Пусть идет, – лукаво подмигнул младший.

Он предчувствовал, что к удовольствию от игры, они еще смогут насладиться клоунадой "Мама на футболе". И он не ошибся. Сюрпризы посыпались сразу. Оказалось, что мои сыновья купили билеты на трибуну с самыми фанатичными болельщиками, которых я всегда боялась и осуждала. Кроме того, мне, в целях экономии, куплен билет как подростку или солдату. Я молодо выгляжу, но за подростка, конечно, не сойду.

– Не волнуйся, – веселились мои добрые дети.

Не успела я оглянуться, как они обвернули меня в знамя Бейтара, завязали на голове шарф, раскрасили лицо. В таком виде меня не смог бы узнать и агент Моссада. Не помню, как мы прошли на стадион, как оказались на трибуне.

– Ты понимаешь, что мы сидеть с тобой не будем? – спросили сыновья и быстро растворились в толпе. Да, я это понимала. Предусмотрительно взяла с собой книгу, чтобы почитать в сторонке. Но моим планам не суждено было сбыться. Растерянная, обмотанная в знамя, с книгой в руках стояла я у входа на трибуну. Я никогда не была в подобной мужской компании. В театрах, музеях, филармонии, которые я обычно посещаю, в основном одни женщины: степенные, разодетые, спокойные. Моя скромная персона сразу стала привлекать внимание.

– Смотрите: женщина-олимпка тоже с нами. Бейтар непобедим! – закричал кто-то. Меня окружили, стали со мной фотографироваться.

– Почему ты пришла на матч? – посыпались вопросы.

У меня пересохлов горле. Я вспомнила последнее наставление сына:

– Мама, не забудь, это фанаты, они готовы на все.

– Я приехала в Израиль, – робко начала я. – Первым делом купила телевизор, чтобы смотреть футбол. Сразу поняла – Бейтар лучшая команда.

Я явно перестаралась. Болельщики неистовали. Мне уступили лучшее место в самом эпицентре страстей. О чтении книги не могло быть и речи.

Игра началась. К ужасу, я заметила, что вратари одеты не так, как все игроки, и я не могу определить, где чьи ворота. Я старалась попасть в такт, вскрикивала со всеми, вскакивала

и пела

Наверно, никто на стадионе не смотрел на табло с таким волнением как я. Каждая пройденная минута игры приближала мое избавление.

Болельщики расценили мои взгляды по-своему:

– Не волнуйся, – утешали меня. – Они еще разыграются, время есть. На двадцатой минуте дело пошло легче. Я освоилась. Поняла, что ворота соперника слева, и когда игра перемещается в левую сторону надо кричать и вскакивать с места. Я даже стала получать удовольствие от игры.

Соседи по скамейки дали мне попить, угостили семечками. В перерыв я издалека видела детей, у них тоже было все в порядке. Вышла немного пройтись. Не без злорадства отметила про себя, что очередь в мужской туалет огромная, а в женском нет никого. Такое чудо я видела впервые в жизни. На свое место я вернулась другим человеком. Самоуверенным и веселым. Мне смешны были мои недавние страхи. Начался второй тайм. Игра сразу переместилась в левую сторону. Удар! Я радостно закричала и вскочила. Но мой крик повис в гробовой тишине на нашей трибуне. Откуда мне было знать, что команды после перерыва меняются воротами.

Больше на футбол я больше не ходила.

Релаксация

SPA в пятизвездочном отеле Мертвого моря. Зал релаксации: в центре – бассейн с целебной водой, вокруг него – лежаки с белоснежными простынями. Горят свечи, играет тихая музыка.

В зал входят две пожилые пары. Женщины гордо вносят свои богатые формами тела, обтянутые в яркие купальники; за ними преданно семят пузатые мужья.

Более крупная дама в нежно-розовом купальнике и целофановой шапочке для ванны подходит к краю бассейна и, опустив в воду пальцы ног, обращается к мужу:

–Тридцать семь градусов, Сеня, это лучшая температура для расслабления.

–А я думаю, Маня, что не больше тридцати, – отвечает Сеня с шумом и брызгами погружаясь в воду.

–Он думает! Он всегда думает! – закипает Маня. – А тут написано: «37 маалот». -Чему тебя в ульпане учили, неучь!

–Написано! Они вам напишут! А вы всему верьте! – поддерживает беседу второй мужчина.

–Гриша! – одергивает его жена. – Не морочь людям голову. Заходи в бассейн и попей воды.

–Софа, разве можно пить воду из бассейна? – удивляется Гриша.

–Только не надо из меня делать дуру! Я говорю о той во-

де, что стоит в кувшине на бортике. Пей, она бесплатная! А вообще, делай что хочешь, хоть утони! – гневно бросает Софа и, обижено поджав губы, отплывает в угол бассейна, где в гордом молчании проводит все время водного сеанса.

Ее муж, наоборот, подплывает к Сене и с напускной веселостью вступает в беседу.

–«Бесплатная питьевая вода», – с милой иронией передразнивает он жену. – После того как заплатишь 1300 шекелей с носа, тебе здесь все будет бесплатно. И вы думаете, что в бассейне целебная вода? Ха. Как бы не так. Подогретая водопроводная!

–Она не обычная, она соленая, – пытается вступить в беседу Сеня, но его тут же одергивает жена.

–А ты откуда знаешь?

–Я лизнул, – простодушно признается Сеня.

–Сеня, ты что, ребенок? Сейчас же прополощи рот и начинай расслабляться, ты теряешь время. Геверет, – кричит Маня девушке в фирменном халатике. – Зе мелах и родон? Хеций-хеций?

Маня, говори по-русски, она «наша», – советует Сеня.

–«Наша»! – ехидно возникает Гриша. – «Наши» на такую бластную работу не устроятся. И вообще, нашли, у кого спрашивать. Так она вам и скажет, чего здесь понамешано!

Девушка вежливо наклоняется к плавающим и объясняет на иврите сложный состав воды для релаксации. Все внимательно слушают, ничего не понимая.

– Ну что я вам говорил, – подводит итог Гриша, – им за это деньги платят, вот они и пудрят нам голову.

– Если Вы не понимаете иврит, то и не решайте за всех, – одергивает его Маня. – –Здесь родон. Он расслабляет лучше сероводорода. Сеня, ты расслабился? Осталось только 7 минут, быстро расслабляйся.

– А что потом? – живо интересуется Гриша.

– Потом полежите 10 минут на топчане под белой простынкой и геверет Вам скажет: «На выход с вещами!» – Маня громко смеется над своей шуткой.

Но Грише не до смеха.

– А вы откуда знаете? – подозрительно спрашивает он.

– А мы были здесь вчера, – радостно признается Сеня.

– Вчера?! – Гриша чуть не захлебнулся от потрясения. – Но ведь дают всего один бесплатный подарочный талон на одно посещение. Вы заплатили сегодня по 50 шекелей?

– Успокойтесь, Гриша, хотя Ваша жена и разрешила Вам утонуть, но нам будет это неприятно! – Маня улыбнулась своему остроумию и бросила снисходительный взгляд на молчаливую Софу. – Мы взяли талоны у Рабиновичей. У него большое сердце, а у нее что-то по-женски, короче, им эта процедура противопоказана.

– Да, моя Маня не растеряется, – неожиданно воскликнул Сеня, чтобы как-то привлечь внимание и к себе.

– Расслабься, Сеня, осталось три минуты, – прикрикнула на него жена и томно развернулась к Грише. – Хорошо-то

как! – кокетливо сказала она. – Хотя каждый год приезжай!

–Вы можете себе это позволить, – грустно сказал Гриша. – Вы оба работаете.

–Да, работаем! – воскликнула Маня, от ее томного кокетства не осталось и следа. – Работаем, а на пенсии будем получать меньше, чем ваше пособие!

Она повернулась к Сене, лицо которого побледнело и стало нервно подергиваться.

–Сеня, тебе плохо? Немедленно выходи! – закричала она
–А кому нынче хорошо после этих экономических реформ? – беззаботно продолжал шутить Гриша.

–Маня, – Сеня нервно схватил жену за руку. – Маня, что значит – будем получать меньше? А ты соцнадбавку посчитала?

–Ой, Сеня, как ты меня напугал! Расслабляйся и выходи!
–Расслаблюсь! Скоро я совсем расслаблюсь после экономической политики, которую ведет это безмозглое правительство! – Сеня вышел из воды и лег на топчан.

–Скоро и вся компания последовала его примеру. В зале на минуту стало тихо.

–Релаксация, – прочел Гриша надпись на стене. – Софа, – обратился он к жене, – ты не знаешь, что такое релаксация?

–Это то, что я не могу ощутить, живя с тобой в вечном нервном напряжении! – неожиданно закричала молчавшая до сих пор Софа.

–Так успокойся хотя бы здесь.

–Я бы успокоилась, если бы ты больше думал о семье.

–А я бы больше думал о семье, если бы ты успокоилась.

Неизвестно, чем бы закончилась эта сцена и как бы она подействовала на расслабление Сени, но тихая музыка прервалась и из динамика послышался нежный голос:

–«Дорогие наши гости! Время сеанса релаксации подошло к концу. Мы надеемся, что вы полностью расслабились и отдохнули. Всегда будем рады видеть вас в нашем родоно-
вом зале».

– За такие деньги они любого будут рады видеть, – пробурчала Маня, и, захватив свои вещи, компания покинула зал.

Компьютеризация хостеля

Интересно, как вы представляете себе жизнь хостеля – дома для пенсионеров? Коридоры пропахли постным супом? Миловидная бабушка сидит на скамеечке около подъезда и штопает носок, натянутый на деревянную ложку? А рядом группа пенсионеров играют в домино? Если подобные картинки всплывают в вашей памяти, то вы страшно отстали от современной жизни.

Захожу я недавно в хостель навестить друзей. Мой приятель Валера сидит у компьютера и нервно стучит по клавишам.

– Ирина, хорошо, что ты пришла, – говорит он, не отрываясь от экрана – Мне надо срочно послать месседж другу Гарольду. Срочно! – подчеркивает Валера, – а этот глупый ящик пишет, что адрес "задан некорректно".

Я наклоняюсь через плечо Валеры к экрану и сразу же замечаю "некорректность".

– Валера, у вас после "собачки" точка стоит. Уберите ее, и письмо уйдет.

– И всего-то! Из-за одной дурацкой точки я уже несколько дней не могу сообщить другу важную новость! Где "делит"? "Делит" где? – пальцы Валеры мечутся по клавиатуре.

– Что ты потерял, Валерочка? – доносится из кухни милый голос его жены.

– "Делит" справа, наверху. Только не забудь предварительно зачернить эту злосчастную точку.

Наконец-то, сложная операция выполнена, и письмо благополучно "улетает" к адресату.

– "Отправка письма успешно завершена", – читает Валера надпись на экране и резко встает из-за стола. – Пошли проверим, получил ли он моё послание.

Валера уверенно направляется к двери и подталкивает к выходу меня.

– Куда мы идем? – теряюсь я.

– К Гарольду, конечно. – Приятель удивлен моей тупостью. – Он живет на нашем этаже, четвертая дверь справа.

– Гарольд! – кричит Валера еще из коридора. – Вы в интернете?

– Естественно, Валерочка, – доносится голос из соседней квартиры. – Вы только почитайте, что пишут! Путин опять встрял между Ющенко и Тимошенко. Что позволяет себе этот москаль!

Гарольд восседает на вращающемся кресле посередине своей квартиры. Бывший профессор математики Киевского университета так точно рассчитал пространство социального жилья, что со своего кресла может достать и до обеденного стола, и до тумбочки с лекарствами, взять свитер из шкафа и, естественно, печатать на компьютере. Вставить Гарольду тяжело, да это и без надобности: квартирки в хостеле настолько разумно спланированы, что пенсионерам не надо

делать лишних движений, а тем более шагов.

– Оставьте в покое эту банду. Сами разберутся. Скорее заходите в свой почтовый ящик. Вас там ожидает письмо, – загадочно улыбается Валера.

– Ой, Валерочка! К чему такая срочность? Вы отправляете письмо уже целую неделю. В Киеве за это время три раза поменялась власть, рухнул доллар, индекс....

– Гарольд! Не испытывайте мое терпение. Говорю вам, письмо там! Ко мне сегодня пришел ведущий специалист по интернету, – он кивает в сторону моей скромной персоны. Я заливаюсь красной от смущения, но к счастью, этого никто не замечает. Оба друга склонились над экраном.

После недолгой возни с клавиатурой, вздохов, советов, легкого конфликта и борьбы за обладание "мышкой", почтовый ящик был открыт.

– Одно входящее письмо. Послал "Валера", Тема "Привет" – победоносно восклицает мой приятель.

– Не верю! – радостно кричит Гарольд. – Неужели наша переписка наладилась? Неужели я смогу писать вам? Валера, скорее идите домой, я сейчас же высылаю вам анекдотец, с перчинкой!

Метапелет (помощница по хозяйству), которая все это время стояла к нам спиной и сосредоточенно чистила картошку, резко поворачивается:

– Валера, каким провайдером вы пользуетесь? – спрашивает она.

Ого, авторитет моего приятеля вырос на глазах!

– "Нетвижен" – небрежно бросает "консультант по интернету", хватая меня за руку, и мы вновь мчимся по коридору, но уже в обратную сторону.

До двери квартиры Валеры осталось несколько метров, когда нам на встречу выскочил шустрый старичок.

– Я слышал, Гарольд таки получил письмо? И в чем же было дело? – спросил он.

– После "собаки" точка не нужна, – заговорщески прошептал Валера.

Но было поздно. Секрет распространился со скоростью звуковой волны. Дверь соседней квартиры открылась и на пороге показалась импозантная дама пост-бальзаковского возраста, в блестящем вечернем платье с довольно смелым декольте.

– О какой собаке идет речь, осмелюсь вас спросить, – жеманно вымолвила она, прижимая к груди ухоженную болонку с удивительно глупыми глазами.

– Уж точно не о вашей, – огрызнулся старичок, – всем известно, что от ее дрессировки отказался даже опытный тренер.

– Муся, нас обижают, – капризно вымолвила дама и чмокнула собачку в черный нос. – Но мы все равно все поняли, правда, моя радость?

Собака тявкнула в ответ.

– Катастрофа, – закричал старичок, – теперь Вероника

разошлет нам всем по вирусу!

– Вышлю, вышлю, и вам в первую очередь! Не отпирай-тесь, это вы на "стихи.ру" под моей возвышенной поэмой о неразделенной любви зрелой женщины написали слово "ка-кашка". Вы ответите за это! – всхлипнула Вероника и громко закрыла дверь.

Наступила тишина, но она продолжалась недолго.

– Лева! Иди же скорее домой! Заграница звонит! Изя из Житомира трезвонит по скайпу! Ну, бегом! – раздался ко-мандный женский голос из другого крыла хостеля.

– Ага! Изменил таки своей "аське" осел упрямый. Проин-сталлировал скайп, – радостно воскликнул старичок, тут же забыв о конфликте с Вероникой.

Но и радость была очень кратковременной, бешеный ритм современной жизни разрушил спокойную атмосферу хосте-ля.

– Плохая новость, – раздался вдруг голос Гарольда. – На Рамблере только что появилось сообщение: "Упало евро"!

Пенсионеры с озабоченным видом заспешили к своим компьютерам. По выражению их лиц, можно было подумать, что все они активно играют на бирже. Хотя почему бы и нет? Сегодня я уже ничему не удивляюсь

2008 год

Как кот Вова подружился с котом Васей.

Автор считает своим долгом предупредить, что вся эта история – совершенная выдумка. Любое сходство персонажей с реальными котами носит случайный характер.

Глава первая. В которой автор знакомит читателя с котами.

Ах, какие у Вовы уши! Ну, просто замечательные уши! Пушистые, мягкие, нежные... Через белую шерстку просвечивается розовая кожа. А как забавно Вова вздрагивает ушком, когда на него садится случайно пролетавшая мошка или комар. Чудные ушки. А какая славная мордочка. Просто не мордочка, а личико. Да что там скрывать, не у каждого жителя нашего города такое умное выражение лица и такие выразительные глаза. Некоторые злые языки говорят, что у Вовы такая уникальная морда лица, потому что он ничего не слышит, глухой. Ну надо же до такого додуматься! А я вам прямо скажу – это от того, что он живет в интеллигентной, музыкальной семье. А если вы приедете к нам в город, вам расскажут сплетню, будто оглох он от того, что его хозяйка – певица. Тьфу ты, глупость какая! До чего же людям не стыдно распускать такие мерзкие слухи. Да от голоса его хозяйки не только никто оглохнуть не может, я вам больше скажу, один наш городской писатель, очень уважаемый чело-

век, между прочим, перед каждым ее концертом идет к врачу прочищать уши.

Как зайдет в кабинет, так и говорит:

Почистите мне, доктор, уши от серных пробок, иду на концерт.

Вот какой вежливый человек, этот наш городской Писатель. И не заносчивый совсем, любит с простым народом обмолвиться словцом. Как зайдет на рынок купить беляш, всегда сообщает:

С утра ничего не ел. Кровь на сахар сдавал.

У него от людей секретов нет. Очень чуткий человек. И если такой писатель уши чистит, чтобы от пения наибольшее наслаждение получить, то как же кот мог оглохнуть? Вот вы и спросите при случае, когда вам начнут рассказывать эту непристойную глупость. А рассказывать обязательно станут. Так как в нашем городе о дружбе котов все знают и очень гордятся ей.

Вася кот тоже замечательный. И живет он как раз у того Писателя, что любит чистить уши. Он православный. (Автор имел в виду кота, а не Писателя).

Глава вторая. Где рассказывается, как православный кот попал в дом к писателю.

Где рассказывается, как православный кот попал в дом к писателю.

Писатель человек светский, прекрасный человек, проявляет потрясающую терпимость и уважение ко всем религи-

ям и обрядам. Хотя, когда вы посетите наш город, вам скажут обратное. До чего ж у некоторых длинные и бессовестные языки. Скажут, будто злится он на жару, бескультурие, тупость и идиотизм окружающей его жизни. Смею вас уверить, это полнейшая глупость. И болтают ее исключительно из-за зависти. Потому что в нашем городе не встретишь второго такого умиротворенного человека. И все-то ему хорошо, и все-то ему по-сердцу. Правда есть один момент, который раздражает даже и нашего Писателя, уж не буду скрывать, пусть лучше я вам расскажу, чем бабка на базаре. Возмущает его наглость здешних дворовых кошек. И в кого они такие невоспитанные и грубые в нашем культурном городе?

Местных котов он не любил, а домашнего, сибирского хотел бы завести. Особенно, когда у Певницы появился кот Вова. Да что там скрывать, расскажу вам все: подарили ей его, прямо на концерте, преподнесли, как букет цветов артистам вручают, в цветном пакете с бантиком. Отдали и убежали. Чтоб не вернула подарок. Сплетники и тут нашлись, говорят: некуда было котенка деть, тем более глухого. Вот и решили подарить творческому человеку, всем известно, какие у музыкантов добрые сердца.

А Писатель как раз в это время сидел в зале. Смотрит он и никак разглядеть не может, что ж преподнесли. Уши он прочистил, а очки дома забыл. Рассеянный человек, весь в творчестве.

И так Писателя замучило любопытство, что не постеснялся-

ся он, подошел к Певнице, будто поблагодарить, наклонился ручку поцеловать, а сам смотрит в пакет. Вот тебе на! А там котенок. Хорошенький-прехорошенький, и сразу видно, что не местная порода.

Ах, как захотелось ему домашнего кота. Конечно, на подарок он не надеялся, кто ж будет на литературной встрече дарить презенты! Одно дело – концерт молодой красавицы-певицы, а другое – встреча с умудренным жизнью прозаиком. Стал он думать, где кота взять? Чтоб породистый был, из хорошего дома, и желательна недорогой. Так как гонорамами в нашем городе не разбогатеешь. Книжки не беляши на рынке, их много не купят.

А тут как раз приезжает из Москвы к Писателю его друг и коллега по перу. Я опушу все подробности их горячей встречи, так как к котам это не имеет никакого отношения, а по подробностям тянет на отдельный роман. После трех дней застолья решил Писатель показать другу окрестности нашего города. А места у нас интересные, исторические: озеро Кинерет и река Иордан.

Едут они в поддержанном автомобиле Писателя и ведут интеллигентный разговор.

– Вот здесь, – говорит Писатель, – Иисус накормил толпу пятью хлебами и двумя рыбами. Сейчас здесь чудесный рыбный ресторан. Рыбину на тарелку положат во..., – Писатель показал жест от локтя до ладони, – и не дорого...

– Интересно, – отвечает московский друг, – сколько стоит

порция, если на рубли пересчитать....

–А вон там, на пригорке, Он «Нагорную проповедь» читал. Какую гостиницу недавно отгрохали! Прошлым летом устроили здесь литературный семинар. Членам творческих союзов – хорошая скидка!

–Интересно, – отвечает московский писатель, – сколько ж может стоить номер, если в рублях...

– Ну, а здесь Иисус крестился. Такие сомы плавают! Как мы тут порыбачили однажды! Рыбу поймал, не поверишь, не сом, а целый дельфин...

– А интересно, сколько такой сом может в Москве стоить, если на рубли?

Вот такую культурную беседу вели они с приятелем. Сразу видно – образованные люди, культурные, до знаний жадные. Одним словом – писатели.

Не поверил московский друг, что сом может быть размером с дельфина, разгорячился в споре Писатель, вылез из машины, даже не побоялся летнего зноя, и потащил друга к Иордану.

Попали они как раз на то место, где Иоанн Креститель Иисуса крестил. Там сейчас культурно: туристический центр, набережная, магазин, кафе. Сомы в Иордане плавают, толстые ленивые, паломниками откормленные. А народу мало. Один батюшка сидит в кафе за столиком, скучает и пивко потягивает. А с рясы вода капает. Видимо, только что из Иордана, крестил кого-то.

Писатель подошел к батюшке и тотчас нашел интересную тему для разговора. Теологическую. Ну, что за человек, наш Писатель, как близок к народу! Всегда знает с кем, о чем поговорить!

—Сколько крестильных рубашек продали, святой отец? — спрашивает.

Батюшка живо откликнулся:

—Не густо, сегодня, ой, не густо. Две рубашки и четыре бутылочки со святой водицей. В основном туристы только ноги мочат в реке да с сомами фотографируются. К святыням нынче такое равнодушие!

Вот в этот момент, как раз, и подбежал к батюшке котенок. И давай коготки об рясу точить.

—Котика не хотите? — спрашивает батюшка у Писателя, — хорош котик. Наш, сибирский. С Земли Русской. Тут наемд-ни одна паломница с кошкой своей приехала. Не с кем было оставить дома божью тварь. А кошка возьми здесь, да и разродись. Что и говорить, Святая земля чудесами полна. Семейных котят пристроил в благочестивые руки, вот последний остался.

Так и появился у Писателя кот Вася. Сама судьба чудесным образом распорядилась.

Глава третья, в которой автор восхищается дружбой котом.

Сколько сонетов, песен, стихов, романов посвящено любви с первого взгляда. А верите ли вы в дружбу с первого взгляда? В нашем городе верят все, потому что иначе нельзя

объяснить то, что произошло в первые минуты знакомства котов. Как будто ток пробежал от кончика кошачьего носа до кончика хвоста. И стали они с тех пор неразлучны. Да еще как неразлучны: как нитка с иголкой, как левый сапог с правым, как ухо жителя нашего города с трубкой мобильного телефона!

Выйдет, бывало, писатель из своего кабинета покурить, взглянет на наших котов, да и головой покачает:

– Какой сюжет! Так и просится на бумагу. Писать надо об этом, писать!

Но вспомнит потом: сколько еще сюжетов просятся не бумагу, допроситься не могут, вздохнет обреченно, пойдет обратно в свой кабинет, да и приляжет на диванчик обдумывать новые произведения.

А как Вася с Вовой ходили к представительницам кошачьего женского пола! Ох, как красочно можно было бы описать: как от страсти мохнатится на холке шерсть, какое утробное урчание вырывается из груди, как бьет по земле упругий хвост. Многое можно было бы рассказать. Да кому это сейчас интересно слушать? У жителей нашего города, например, такой рассказ может вызвать только скучающий зевок. Им подавай пикантные подробности однополрой любви или, на худой конец, саркастический рассказ о бедном животном, лишенном по воли хозяина своего мужского достоинства. Автор даже боится, что после таких признаний читатель разочаруется в котах, поэтому быстро переходит на

другую тему: о мышах.

Вася стал охотиться. Поймает мышь и принесет Вова, поиграться. Вова тоже захотел порадовать своего друга, и пригласил красивого хомяка, редкой породы, пойманного в вольтере «Уголка любителей природы» при местном клубе пенсионеров. Да можно ли его винить за это?

Вася был ближе к простой жизни. Писатель любил купить бутылочку беленькой, колбаски нарезанной, сесть на пригорок, почесать Васе пузо и делиться, делиться с ним мыслями и житейским опытом.

А Вова жил в такой культурной семье! Ах, какие это замечательные люди. Они даже на пикник брали с собой хрустальные фужеры. Не могли пить вино из одноразовых стаканчиков. И Вова водичку наливали в хрусталь. Эстетика и равенство в одном бокале! Вот это жест! Такие прекрасные люди. Не удивительно, что кот хомяка с мышью спутал.

Глава четвертая, в которой автор завязывает интригу и сам пугается содеянному

И вот в один далеко не прекрасный день Вася пропал. Переживали все, но особенно Вова. У него от горя даже шерсть местами стала выпадать, образуя залысины. Бедная Певница, сама с заплаканными глазами, но все же заботящаяся об эстетике своего дома, рассказывала, что это вовсе не залысины, а особая кошачья стрижка, нынче очень модная в гламурном обществе. И, представьте, некоторые тоже стали стричь своих питомцев, а ветеринар Котосонов хорошо на

этом заработал!

А как Писатель переживал! Он даже видел сон, будто встретил он Васю, и кот пожаловался, что там, где он сейчас живет, ему не очень хорошо.

—Что ж вы адрес не спросили? — обвинила Писателя Певица.

А злые языки нашего города и тут нашлись, говорят, что после всего, выпитого Писателем, и не такое присниться может...

Одним словом, переживали все, кроме ветеринара Котонова, который, возможно, тоже переживал: кто знает, что творится в ветеринарной голове?

Надо и вам сказать, что в нашем городе живут не только добропорядочные граждане, но и настоящие дикие звери. (Автор употребляет последние слова в их прямом значении. То есть, имеет в виду кабанов, шакалов и мангустов). Днем животные отсыпаются в оврагах, а ночью выходят к жилым домам: полакомиться из мусорных ящиков, подкопать корешки высаженных на клумбах растений, да и просто попользоваться теми правами и привилегиями, которые любовно выбила для них партия «Зеленых».

И вот в декабре по городу поползли слухи, что увели Васю из дома кабаны. Будто ходит он по дворам с кабаньей семьей и похрюкивает от удовольствия.

Один городской раввин, видевший во всем поучительные истории для своего народа, даже написал статью о том, как

православный кот соблазнился жирным желудем и пристроился к свиному семейству, в то время как иудейский отвернулся от

некошерных животных. Писатель тоже решил не отставать и засел за остросюжетный роман с интригующим названием «Кошачий Маугли».

Люdiam всегда есть чем себя занять в тяжелый период. А что прикажете делать одинокому глухому Вова в тоскливые декабрьские сумерки, когда за окном накрапывает холодный мелкий дождь, а в квартире холодно и неудобно? Ах, каким несчастным был Вова.

Глава пятая – последняя, в которой автор пытается закончить свой рассказ по всем канонам заявленного жанра.

По старинной традиции как раз в эти декабрьские дни отмечают праздник чуда – «Хануку». Хотя в нашем городе мало кто знает, откуда взялась такая традиция. Знают, что едят в эти дни специальные пончики с красным повидлом, даже знают, что в каждом таком пирожке целых 300 калорий. Многие помнят, что почта и банки работают полдня. А те, кто не помнят, приходят после обеда, злобно стучат в дверь и ругают правительство. Но, несмотря на такое невежество, каждый житель нашего города надеется на чудо. И я вам скажу, что чудеса у нас не такое уж редкое явление. И вот чудо произошло – Вася вернулся домой. Кошачья дружба победила! И не нашлось ни одного злого языка в нашем городе, который посмел бы сказать, что это не так.

А где он был, никто не знает. Люди так и не поняли его кошачьего рассказа, а Вова, как известно, был глухой.

И с того времени Вася ни на минуту не отходил от Вовы, во всем помогая ему, как бы заглаживая свою вину перед другом. Старался, чтобы ничего не напомнило товарищу о тоскливых днях одиночества. И только во сне, свернувшись клубочком и прижавшись бочком к своему другу, Вася иногда блаженно похрюкивал во сне. Но Вова, к счастью, этого не слышал.

Из прошлой жизни

Жизнеописание пса Филиппа

(мемуары)

Встреча

Он крутился у моих ног белым пушистым комком и отчаянно визжал. Глупый маленький щенок, видимо, только что брошенный возвратившимися в Москву дачниками. Он был еще упитанный, чистый и ухоженный, а через несколько дней должен был превратиться в жалкого дворового пса.

«Да, не повезло тебе, дружок. Бросили тебя, да еще в таком неподходящем месте, как платформа Каланчёвка, где полно хулиганов, пьяниц и других противных типов, которых мама называет «черным маревом», – подумала я и заскочила в электричку.

Возвращаясь с первых занятий в институте, я была полна ожиданий беспечной студенческой жизни. Вытирать лужи за глупым щенком и несколько раз в день выгуливать его во дворе никак не входило в мои планы. Я прислонилась к вагонному окну и постаралась думать о чем-то приятном. Но мысли крутились вокруг бедного щенка. Подъезжая к своей

станции, я окончательно решила вернуться на Каланчёвку и забрать собаку, чтобы потом ее пристроить в «хорошие руки».

Я вышла из электрички, перешла через мост и поехала в обратном направлении. Щенка я нашла не сразу. Уже испачканный в грязи, он свернулся калачиком у забора и дремал. Не могу сказать, чтобы пес очень обрадовался моему появлению. Он даже пытался вырваться из моих рук и схватить меня за волосы. Но, почувствовав мою решительность, смирился и затих.

Маму растрогала история щенка, и она сразу потащила его купаться в ванную, где маленькая мохнатая дрянь кусалась и фыркала. После душа мы завернули его в розовый махровый халат и стали ждать папу и его решения. Ждать пришлось довольно долго, так как именно в этот день было заседание кафедры кинодраматургии, которое обычно стихийно перерастало в пикник в ближайшем лесопарке или в буфете гостиницы «Турист».

Папа пришел в веселом настроении, но, к счастью, один, без завкафедрой и других преподавателей.

– Я же просил, никаких собак и кошек! – воскликнул он, увидев щенка. То, что пес живет у нас временно, папа в этом состоянии понять не мог. Он в данный момент был переполнен кинодраматургией.

Папа внимательно заглянул в собачьи глаза.

– Какой взгляд? – удивился он. – Сколько в нем ума и

смысла! Мы назовем тебя Филиппом Тимофеевичем, – сказал щенку папа.

Тот радостно завил хвостом и забрался ему на колени. Мы с мамой только пожали плечами, к нам такого внимания и любви он не проявлял.

Розовая болезнь

На следующее утро к нам зашла папина приятельница – врач психиатр Н. Каждому члену нашей семьи она давно уже поставила диагноз, но было интересно, что она скажет о собаке. Доктор не стала заглядывать в умные собачьи глаза, а сразу принялась рыться в шерстяном покрове.

– Посмотрите! У щенка розовая шерсть! Кого вы взяли в дом?! Это же страшная собачья болезнь! – воскликнула она.

Мы склонились над Филиппом Тимофеичем. И действительно, шерсть имела неровную розовую окраску.

– Вчера он был белый, – неуверенно я стала защищать щенка.

– Он спал у меня под боком, может быть, я тоже порозовел? – спросил папа у врача, демонстрируя ей свой волосяной покров.

– Вы неисправимо легкомысленны! – Возмутилась доктор Н. – То у вас живут эти невыносимые коты, а сейчас розовая собака.

Я поняла, что к нашим постоянным диагнозам прибави-

лись новые.

Собаку выручила мама:

– Это полиняла ткань, – и продемонстрировала махровый розовый халат, в который мы закутали Филю после ванны.

– Надо же, – глубокомысленно заметил папа. – Когда мы покупали этот розовый халат, продавщица обещала, что он не красится. Вот и верь после этого людям! – И тут же добавил, – надо срочно выпить за здоровье Фили, а то как бы опять чего не случилось.

«Филипп вернулся домой»

В течение нескольких дней я нашла новых хозяев для Фили. Его согласился забрать соседский мальчик. Решив все домашние проблемы, я со спокойной душой укатила в колхоз, чтобы вместе с однокурсниками помочь крестьянам собрать их скудный урожай картошки.

Оправдались мои самые смелые ожидания бесшабашной студенческой жизни. Каждый день нашей помощи народному хозяйству стоил колхозу все больших и больших средств, сил и нервов. Мы же искали только повод для веселья.

Мое повествование относится к тем далеким временам, когда не было интернета, скайпа и даже мобильных телефонов. Люди пользовались почтой и телеграфом. Письма и телеграммы для студентов выкладывали на стол перед входом в столовую, где каждый желающий мог с ними познакомиться-

ся. В тот вечер я задержалась в поле и пришла в столовую последней. Меня окружили возбужденные однокурсники:

– Филипп вернулся домой! Кто такой Филипп? Не скрывай, рассказывай!

В руки мне сунули телеграмму: «Поздравляем тчк Филипп вернулся домой тчк мама папа». «Опять папины приколы», – с тоской подумала я и начала сочинять для однокурсников слезливую историю о сбежавшем и вернувшемся женихе.

Через несколько дней в колхоз пришло письмо, в котором на пяти страницах папа описывал процедуру передачи Фили с мисками и ковриком в соседскую семью. Там почему-то Филию переименовали в Шарика, что особенно задело папу.

Потом пришло новое письмо, уже на десяти страницах. В письме подробно описывались каждый час страданий без Филиппа, папино раскаянье в предательстве безвинного щенка и героические усилия по вызволению Филиппа из чужой семьи.

Через неделю приехал и сам папа. Мы расположились с ним на берегу Оки, и папа, распив бутылочку портвейна, вновь подробно посвятил меня в пережитое. А пережить ему, действительно, пришлось немало. После долгих и мучительных переговоров с мальчиком, папа поехал с ним на Птичий рынок и за большую цену купил ему породистого пса. А Филя вновь вернулся в родные стены. На вопрос, почему он не приехал сразу и не рассказал о судьбе щенка, па-

па мне ответил, что раньше он не мог, так как всю неделю отмечал с коллегами по ВГИКу возвращение Филиппа.

Тапочки вместо шляпы

Оставшись жить у нас, Филя почувствовал себя полно-властным хозяином. Он не только решил затопить нашу квартиру своими лужами, но и сгрызть все доступные ему предметы. Особенно доставалось обуви. Куда ее прятать? Мы решили ставить туфли на верхнюю полочку вешалки, предназначенную для шляп.

Как-то папа привел домой студента. Видимо, для обсуждения его дипломного сценария. Рассуждая о жанровой стилистике документальных фильмов, папа снял ботинки и привычным движением поставил их на полочку для шапок. Смутившийся студент последовал его примеру. «У творческих работников свои причуды или, точнее сказать, заскоки», – наверняка, подумал молодой киносценарист. В это раз Филипп не смог погрызть студенческую обувь.

Но в следующий визит дипломника Филипп придумал хитроумный план: прикинувшись равнодушным к обуви, он дождался момента, когда мы потеряли бдительность. Почему студент оставил на полу свои новые, модные тогда кроссовки «Адидас», которые он приобрел по блату за большие деньги, сейчас я вспомнить не могу. То ли по рассеянности, то ли увлечшись жарким спором о кино, то ли под воздей-

ствием спиртного, которым студент и педагог сопровождали бурную дискуссию.... Факт остается фактом, Филипп обезобразил престижные кроссовки.

Образование

Филипп стремительно взрослел и вымахал до уровня кухонного стола. Когда его нос смог спокойно нюхать лежащую на столе колбасу, Филя решил, что увеличивать свои размеры дальше не имеет смысла. Внешне он был просто красавец. Хвост завился кольцом, одно ухо стояло, другое свисало. Посмотрев на такую собаку, ни у кого не оставалось никаких сомнений – это чистопородный дворянин. Но, несмотря на это, я твердо решила дать ему хорошее образование. Уж так заведено в нашей семье: каждому иметь диплом...

Я выделила деньги из своей стипендии и записала Филю на курсы служебного собаководства. Вечером я с гордостью об этом сообщила папе.

– Какое совпадение! – радостно воскликнул он, – мы с Филей начинаем учиться одновременно!

– Зачем тебе еще учиться?! – удивилась я.

– Нет предела совершенству, дочка, – назидательно ответил папа. – Меня заставили поступить в вечерний Университет марксизма -ленинизма. Теперь мы будем грызть гранит науки вместе, – добавил он, потрепав щенка по холке. Филя радостно завилял хвостом. Видимо, эта идея ему понравив-

лась.

Потянулись месяцы учебы. Папа не утруждал себя посещением занятий, предпочитая вечера проводить ближе к народу – в шашлычной «Ласточка» на ВДНХ или в буфете гостиницы «Турист». Я же следила, чтобы Филя не пропускал уроки.

Сообразительность Филиппа напрямую зависела от вознаграждения, которое я держала в руке. Если это были сосиска или колбаса, Филя понимал команду с полуслова и выполнял ее безукоризненно. Сушка или сухарик замедляли восприимчивость «студента», хотя с третьего или четвертого окрика он все-таки предпринимал какие-то ленивые движения. Если же подкормки не было, Филя оставался глух к моим приказам и мольбам. Моя амбициозность не допускала, чтобы Филя числился в списке хорошистов. Он непременно должен быть отличником! Поэтому чуть ли не вся стипендия уходила на покупку лакомств для курсанта.

Опозорились мы неожиданно. Занятие было посвящено запрету брать корм с земли. Хозяева собак разбросали лакомства и пошли с питомцами по кругу. Овчарки и терьеры рвались с поводков за яствами, и только Филя ходил по кругу абсолютно равнодушным. После часа хождения вокруг куточков колбасы и сахара даже самые тупые собаки поняли, что брать корм с земли нельзя. Хозяева спустили псов с поводков, и четвероногие ученики тоскливо бродили по площадке, даже не пытаясь понюхать лежавшую на земле еду.

И только «равнодушный» Филя сразу же набросился на лакомства и быстро смолотил их.

Инструктор только ахнул.

– Вам никогда не сделать из него служебную собаку, – печально произнес наставник. Но, увидев мои слезы, сочувственно добавил, что диплом об окончании учебы он Филиппу все же выпишет.

Папа сдал свой выпускной экзамен на «отлично». Видимо, сказалось тесное общение с народом.

– Откуда у вас такие глубокие познания в марксизме-ленинизме, если вы не посещали лекций? – поразился педагог.

– Можно, я открою вам секрет? – потупив взор, замялся папа.

– Откройте.

– К вашему экзамену я нанял репетитора....

Потрясенный педагог откинулся на спинку стула и долго протирали очки, чтобы лучше разглядеть то ли придурка, то ли наглеца.

Получение дипломов папой и Филиппом чудесным образом совпали. По столь торжественному случаю мама испекла торт и даже не стала возражать против ненавистой ей бутылки водки. На обмывание дипломов были приглашены доценты ВГИКа (и даже два профессора) и несколько известных режиссеров киностудии Мосфильм. Провозглашая первый тост, папа вместе с рюмкой торжественно поднял свой марксистко-ленинский диплом. Бедный-бедный папа!

Как же проигрывал его диплом в невзрачной коленкоровой обложке в сравнении с ярким, с золотым тиснением дипломом конкурента Фили. Все смущенно замерли. Но папа, как всегда, нашел верный выход из неловкой ситуации. Он лихо выпил и предложил собравшимся последовать его примеру. Все дружно поддержали папу. Настроение гостей резко поднялось. Веселье было бурным. В конце застолья Филиа по-хозяйски взобрался на диван и уселся между известным режиссером и завкафедрой истории КПСС во ВГИКе. И даже позволил себе слизать розочку с маминого торта. Но никто не осмелился его одёрнуть. Как-никак – виновник торжества...

Два подвига Филиппа

Летом Филиа со всей нашей семьей выезжал на дачу. В садово-огородном товариществе «Дубки» обосновались неутомимые педагоги ВГИКа. В их рядах наметился идеологический раскол. Одни гордились богемной запущенностью своих участков, предпочитая духовное начало и бесконечные беседы о прекрасном – материальному. Другие же, напротив, проявляли чудеса хозяйской хватки: неизвестно где и как добывали доски и кирпич, цемент и шифер, огородную рассаду. А если очень повезет (пусть и за большие деньги) – дефицитнейший навоз для грядок. С раннего утра до поздней ночи киношники обустроивали свои просторные уголья площадью в шесть соток.

Парторг института относился ко второй категории обитателей «Дубков». В редкие минуты отдыха он позволял себе пойти поплавать на ближайшее торфяное озеро. Именно там и подстерегла беда. Труженник идеологического фронта, а в данный исторический момент – обыкновенный дачник, блаженно растянулся на траве, закрыл глаза... И тут из зарослей кустарника, рядом с его ковриком, послышалось шуршание. Парторг, отдавшийся мечтам построить на участке баньку, на подозрительные шорохи не обратил внимание.

Но дипломированный Филя, дремавший по соседству, проявил бдительность. Одним прыжком он влетел в кусты и громким лаем огласил окрестности. К парторгу, извиваясь и шипя, подползала ядовитая змея... На филькин лай сбежались люди и прикончили гадюку.

Героический поступок пса папа предложил отметить премиальным килограммом колбасы и Почетной Грамотой от вгиковской парторганизации: «За спасение парторга».

Второй подвиг Фили относится к страшным временам «борьбы с пьянством и алкоголизмом». Мы шли по лесу, собирая ягоды. Вечером на дачу к нам должны были приехать гости. Хрустящие малосольные огурчики, маринованные грибки, кабачковая икра уже охладились в холодильнике, но выпивки не было. Не только в нашем в доме, но и во всей округе Киржачского района, где располагались наши дачные участки. На папу было жалко смотреть. Он прокрутил в голове все возможные варианты добычи алкоголя (а

он знал в этом толк!), но все бесполезно. Нас ждал трезвый ужин. И вдруг раздался громкий лай Филиппа. Вначале мы решили, что глупый пес нашел очередного ежика и строит из себя азартного охотника. Но лай усиливался, переходя в победный вой.

– Пойду посмотрю, что там у него, – сказал папа и бросился к Филиппу.

Спустя минуту он прокричал:

– Чудо! Свершилось чудо! – и показал нам непечатую бутылку водки.

Как она оказалась на обочине дороги? Возможно, ее обронили или спрятали и не нашли? Но это уже было не важно. Главное – ужин в честь гостей был спасен. Авторитет Филиппа возрос до небывалой высоты.

Филя и «перестройка»

Времена круто изменились. С полок магазинов стали исчезать продукты и напитки. По утрам Филя все чаще обнаруживал в своей миске сваренную на воде овсянку без масла и без мяса. Длительные прогулки по лесопарку сменились нудным стоянием в очередях. Вместо вальяжного отдыха на ковре в центре комнаты, Филе пришлось довольствоваться подстилкой в тесном коридорчике: в семье появились двое маленьких ребят, которые воспринимали пса как живую забавную игрушку.

Характер Фили портился с каждым днем. Он стал злым, нервным и непредсказуемым. Рычал на детей и даже укусил однажды папу.

Папа тоже тяжело переживал трудную ситуацию в стране. Однажды он пришел из ВГИКа «на автопилоте». Мы с мамой и Филей никогда таким его не видели. Вечером он так и не смог ничего сказать, зато утром с гордостью заявил, что в институте создана Комиссия по борьбе с пьянством, и его единогласно избрали председателем.

По этой причине все члены комиссии задержались вплоть до закрытия буфета в гостинице «Турист»: составляли план мероприятий по борьбе с алкоголизмом, спорили до хрипоты и, не щадя себя, уничтожали все спиртосодержащие напитки...

После этого случая папа впал в состояние депрессии. А Филя все больше начинал звереть.

Я записала его на прием к ветеринару. (Не папу, а Филиппа). Доктор внимательно отнесся к пациенту, осмотрел его и сделал заключение:

– Собаке не хватает витаминов. Необходимо разнообразить рацион. Включайте в пищу больше мяса, овощей и масла. И не менее трех часов в день необходимо проводить на свежем воздухе. Пес нуждается в отдельной комнате, где его никто не беспокоил бы, и он мог отдыхать между прогулками.

Я поблагодарила доктора. Но подобный образ жизни я не

могла тогда обеспечить не только псу, но даже детям.

Операция «Картошка»

В один из тоскливых осенних дней нам позвонил доцент операторского факультета ВГИКа О.Р., большой папин друг. Он был известен не только своими фильмами, но и житейской мудростью. Что для кинематографистов было редчайшим случаем.

– Ирина, у тебя двое маленьких детей, – сообщил он. Я согласилась, и О.Р. продолжил:

– Нужно запастись картошкой и крупой. Москве угрожает голод. Мне об этом по секрету сообщили достоверные источники.

И тут же в трубке раздались частые гудки.

Идея запастись продуктами нашла в моем мозгу, воспаленном перестройкой, горячий отклик. Я поделилась своими соображениями с домашними. Все кроме дедушки посмотрели на меня, как на сумасшедшую. Дед же поддержал мой план безоговорочно:

– В семнадцатом многие тоже крутили пальцем у виска, не верили. Что было дальше, мы помним хорошо...

Мы начали запасать продукты. С детьми и Филей обходили магазины, выстаивали очереди и, нагрузив сумками детскую коляску, везли домой «добычу». Крупу мы высыпали в банки и ставили их на антресоль, а мокрую картошку су-

шили на растеленной газетке в кабинете между стеллажами книг. О.Р. договорился со знакомым лесником, и мы за 100 рублей сняли у него часть погреба для хранения картошки.

Лесник приехал за деньгами и картофелем подозрительно быстро. Засовывая наш мешок в раздолбанный «Запорожец», он жаловался на участившиеся случаи разбоя в их районе, а в конце неожиданно спросил:

– Не могли бы вы помочь мне найти хорошую служебную собаку?

Так была решена судьба Филиппа.

Расставание

К новым хозяевам я с Филей поехала на электричке. За окном накрапывал унылый дождь, серый туман пытался скрыть убогие дома и грязные, разбитые дороги. Филя чувствовал трагичность ситуации. Он не баловался, не крутил хвостом, не пытался обнюхать пассажиров, а, забившись под лавку, тихонечко поскуливал. Было ли мне его жалко тогда? Мучила ли меня совесть? Нет, нисколько. В это время мы сами уже оформляли документы в незнакомую страну к чужим людям. И не только мы. Всех понесло по свету, погнало невидимой силой.

– Мы люди нездешние, помогите, чем можете... – слышалось со всех сторон.

Нищие шли по вагону бесконечной вереницей, беженцы

из Карабаха и Баку, инвалиды без ног или без рук, матери с грудными младенцами, старики.

– Люди добрые, помогите! – просили несчастные. Хмурые пассажиры отводили глаза и сосредоточенно разглядывали за окном мелкие капли дождя и мутное облако тумана.

Через два месяца в залитой солнцем Хайфе я выучила первую фразу на иврите: «Они оля хадаша.», что в дословном переводе означает: «Я новая репатриантка», а по смыслу: «Мы люди нездешние, помогите, чем можете»...

Мама писала из Москвы, что картошка проросла, а в крупе завелся шашель. Но все равно эти запасы помогают выжить. Что она научилась продавать оставшиеся детские вещи на рынке, и они не голодают. Что когда папа ездил за картошкой, он видел Филю. Пес заматерел и одичал. Папа погулял с Филей в ближайшей роще и вернул его новым хозяевам. Всю дорогу до электрички он слышал его вой, вернее, плач. Но забирать собаку было некуда. Будущее представлялось туманным и неопределенным. Больше о судьбе Фили мы ничего не знаем.

Эпилог

Вот уже больше десяти лет с нами живет Мегги. Черный маленький тибетский терьер. Мегги получает все необходимые витамины и собачий корм «Догли», три раза в год посещает специальный «Салон красоты», где ее стригут, чистят

зубы и делают педикюр, а по пятницам смотрит по телевизору платные кинофильмы для домашних собак. Мегги давно завоевала мое сердце, но где-то в его потаенном уголке живет память о Филе, смешном и трогательном дурне, нелепом, как вся наша прошлая жизнь.

Письма из Бузулука

Был такой кратковременный эпизод в моей пестрой биографии: когда влекомая юношеской романтикой, я после окончания Московского Лесотехнического института уехала работать в Бузулукский Бор – уникальное явление природы. Романтики хватило на полгода. За это время родителям пришлось тринадцать писем, которые они пронумеровали и сохранили.

Из письма № 1 (6 октября 85-го года)

В Бузулук прибыла благополучно, с тремя огромными чемоданами, где лежало все мое имущество. Грязь в городе страшная, я сразу стала «в крапинку», то есть конопатой от грязи с ног до головы. Конопатыми стали также чемоданы. Теперь жизни не хватит смыть всю эту грязь. Благо, в общезжитии, куда меня временно поселили, дали горячую воду.

Вначале меня поразило, почему при виде подъезжающего к остановке автобуса люди быстро разбегаются, а потом также быстро бегут обратно к дверям. Но когда автобус окатил меня густой жижей из лужи, я поняла, в чем здесь секрет. И сразу переняла у местных жителей эту привычку.

Из письма №2 (20 октября 85-го года)

Бузулук – большая, довольно грязная деревня. Преобладают одноэтажные деревянные дома, между которыми в беспорядке торчат пятиэтажки. По берегам речки Домашка тес-

няться сарайчики, из которых раздаётся смачное хрюканье, там держат свиней. На следующий год городу исполнится 250 лет, но, судя по рисункам в краеведческом музее, время его не изменило. Все как при Пугачеве.

На рынке поп в рясе продает картошку вместо опиума для народа. Я его сфотографировала. Продают прялки.

Единственное развлечение, помимо кино, заезжий цирк – в шатре на рынке артисты выделывают трюки на мотоциклах, рядом стоит клетка с медведем. Зачем он нужен цирку – не известно. Видимо, просто не кому его отдать.

Из письма № 3 (2 ноября – 85 года)

Сухой закон свирепствует. Мужики пьют с горя квас – и даже за ним большие очереди. Рассказывают, что последние дни, когда продавали водку, были похожи на конец света. Около ресторана дежурили машины вытрезвителя. Их припарковывали кузовом к входу так, чтобы выходящие попадали сразу в машину к ментам. В ресторане все напивались, уже зная, что милиции им не избежать. На стульях сидели по двое, пили даже из ваз для цветов. Сейчас водку продают по талонам райкома: на свадьбу – 30 бутылок. А машины с алкоголем охраняются специальным подразделением.

Из письма № 4 (27 ноября 85-го года)

На прошлой неделе уделила большое внимание валеночному вопросу. Как и следовало ожидать, в разгар сезона специальная мастерская валенки не подшивает из-за глупых недоразумений: трудности с материалом, специалистами и

т.д. Случайно в очереди подслушала, что в городе славится своим мастерством по подшиву валенок парикмахер Костя. Но сейчас он болеет (говорят, что отравился техническим спиртом). Я часто захожу в парикмахерскую узнать о его здоровье. Чем крепче морозы, тем больше мой интерес. Боюсь, что частые визиты могут подорвать мою репутацию, по крайней мере, парикмахерши уже косятся на меня.

Долгими зимними вечерами я стала вязать носки. Пятка никак не получается, из-за этого носки вышли разного размера: один даже на ноге тесноват, зато второй можно одевать сразу на валенок.

Из письма №5 (10 декабря 85-го года)

Наш город, как и все города мира, готовится к встрече Нового года. Неоновых огней у нас, конечно, нет, но народ на выдумки богат. Подготовка к празднику в первую очередь касается торговли. И бузулукские магазины оказались на высоте. Нет, ваши выводы преждевременны, дефицита не выбросили. Зато привычные, успевшие надоесть товары обрели новую привлекательную форму. Будничные куски маргарина превратились в снежных баб, а вместе со спичками – в смешных ежей. Прибавьте к этому пирамиды из коробок и домики из яичных упаковок, и я уверена, что даже вам захочется посетить бузулукские магазины.

Стекла окон разрисовали зайцами, елками и всем, что полагается в этом случае. И это гораздо лучше и гуманнее всяких там соблазнительных витрин. Радует и реклама оренбур-

ского телевидения: «В предпраздничные дни на рынке будет праздничная торговля по ценам, установившимся между покупателями и торгующими». Можно так же узнать, что праздничное представление у городской елки переносится из-за болезни Деда Мороза (отравление сивухой). Интересно, на какой срок: до 8 марта или 1 мая?

Из письма № 6 (27 декабря – 85 года)

Город ужасно «продажный». Почти все объявления в газете начинаются со слова: «Продаю», и только несколько: «Пущу жить девчонок».

Вчера я ходила по одному такому объявлению. Вышел мужик, с крашеными волосами и, видимо, с болезненной любовью поболтать. Выспросил всю мою подноготную и стал сам рассказывать случаи из жизни квартирантов, примерно в таком духе: «Вот вижу: ночью бежит он по крыше» – это квартирант от хозяев, – «Ну я с ружьем замер, пес мой с цепи рвется» – и т.д. Я решила с квартирой повременить. Поживу, пока не выгнали, в общежитии.

Из письма № 7 (3 января 86-го года)

Недавно была свидетельницей проявления бузулукчанами любви к русскому языку. Автобус. Сидит бабка, неопределенного возраста, но вполне определенного состояния – тяжелое похмелье. На лице написано сильное желание поскандалить. Но все спокойно. Невдалеке двое националов спокойно беседуют на своем языке. Бабка (с вызовом): «Попрошу говорить по-русски. Вы в русском городе». Национал (с

достоинством): «С вами буду говорить по-русски». Бабка: «Ну, сядь со мной, поговорим». Она миролюбиво улыбается националу и одновременно выталкивает рукой рядом сидящего пассажира. Вообще выталкивать – общепринятая манера общения в транспорте. Попробуй только уступи место, садясь, благодарный пассажир обязательно так толкнет, что может вытолкнуть из автобуса, а это часто бывает преждевременная услуга.

Из письма № 8 (17 января 86-го года)

Несколько жанровых зарисовок:

Магазин. За прилавком простая русская женщина, типичное лицо. Улыбнулась ... все зубы золотые.

– Зачем тебе столько золотых коронок?

– А куда деньги девать? Захочу и корове золотые поставлю.

Откуда бы ни приехал человек, первый вопрос: «Как там с водкой?» Этой темы для разговора хватает до конца застолья.

Из письма № 9 (1 февраля 86-го года)

Эпиграф: «...я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мной простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек, по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в такой стороне осужден я был проводить мою молодость. Тоска взяла меня...»

А.Пушкин (Капитанская дочка)

Мне скоро дадут квартиру в бараке, то есть комнату с отдельным входом и центральным отоплением.

Пошла посмотреть. На звук моих шагов в пустом помещении пришел знакомиться сосед – Алексей. Он дал массу бесценных советов: как из одной комнаты сделать две, отводить огород, захватить сарай и т.д. Тут его позвала жена (она была во дворе, а мы в квартире). Не повышая голоса, она сказала: «Ну, хватит, домой быстро!» Было ощущение, что стена отсутствует, это к вопросу о звукоизоляции. Алексей потащил меня к себе в гости. Он и жена с гордостью показали свою квартиру, которая могла быть прекрасной иллюстрацией анекдота: «Ты хочешь иметь русскую жену, много грязных детей и есть щи на кухне?» Квартира представляла собой одну комнату, кухню и стенной шкаф, переоборудованный в «детскую». Из него постоянно высовывались любопытные детишки, но после окрика матери залезали обратно. За полчаса поддакивания и киваний я узнала, что живут они здесь четыре года. Довольны.

Одна дочка живет с ними, другая пока в деревне. Еще в этой квартирке живет их племянница с семимесячным сыном (на 18 кв. метрах!). Туалет на улице, достаточно далеко, дорожка к нему скользкая, можно сломать ногу, но колонка рядом, хотя воды пока в ней нет – замерзла. На мой вопрос: трудно ли растить детей в таких условиях, она рассмеялась: «Конечно, нет. Я купаю их теплой водой из батареи».

Сослуживцы страшно завидуют, что мне, как молодому специалисту, дают жилье.

Из письма № 10 (21 февраля 86-го года)

Недавно я по работе я ездила в деревню Полимовку. Большое несурзное село. На остановке две хорошо «напившиеся соком» бабы втащили в автобус так же щедро утолившего жажду мужика. Тащили его волоком по ступенькам, так что голова была в салоне, а ноги свешивались до земли. Автобус тронулся, водитель посоветовал ноги тоже затащить, но бабы уже танцевали в проходе цыганочку. После второй просьбы водителя одна из баб сняла с мужика ушанку, кокетливо надела ее поверх своего платка и запела частушки. Окончательно затащила мужика в автобус толпа пассажиров, влезавших на следующей остановке. Мужика положили в проходе. Бабы пели частушки. На вопрос, зачем они везут мужчину в таком состоянии, они искренне удивились: «Ему же завтра на работу!» Вот ярчайший факт трудовой сознательности народа. Это был последний в этот день автобус из Полимовки в город.

Из письма № 11 (2 марта – 86 года)

Дела забросили меня в село Колтубановку. Одна из характерных особенностей местных старожилков: никто ничего не знает. Это даже пугает. Они же прожили в этих краях всю жизнь, но спроси: как часто ходят автобусы, чем маршрут №1 отличается от маршрута №2, сколько времени ехать от Полимовки до Колтубановки – ответа не получишь. На же-

лезнодорожной станции спрашиваю: «Когда пойдет поезд на Бузулук?» – «Должен в шесть, если не опоздает». – «А автобус?» – «Не знаю, остановка далеко от нас находится». Это в деревне-то! На остановке расписание искать бесполезно. Думала – заночую. Вдруг радость! Автобус! Правда, в другую сторону. Прохожий мужик обнадежил: «Через полчаса автобус вернется». Жду. Через 20 минут подошла бабка с сумкой: «Автобус будет, не знаете?» – «Минут двадцать как проходил в ту сторону» – отвечаю. – А..., ну минут сорок еще подождем». – «Как сорок! Сказали, всего полчаса!». Действительно, через полтора часа автобус подъехал...

Село очень большое. Живут крепко. В каждом дворе корова. Первый раз видела, как целыми сетками носят буханки хлеба на корм скоту. К столу же возят хлеб из Бузулука, так как местный есть невозможно. Магазины даже после Бузулука поражают бедностью. В хозмаге слышала разговор: привезли титаны без спирали, народ раскупил все, сейчас послали на базу за спиралями, а может и еще какие части забыли? Все это говорилось сонным голосом, это не ЧП, а так... будни.

Только живя здесь, я поняла, что такое Москва. Кругом разговоры: «Сапоги порвались, надо в Москву съездить», «Мой-то болеет, не есть ничего. В Москву съезжу, куплю что-нибудь», «Да, шапку тебе новую надо, в Москву поезжай». Из письма № 12 (15 марта 86-го года)

Сразу хочу начать с радостного известия: в Бузулуке есть

филиал университета марксизма-ленинизма. И еще приятное известие: в магазине появился в свободной продаже денатурат с приятным голубоватым оттенком – «синеглазка», как ласково прозвали его в народе.

Город стал непроходимым из-за снега, газеты пугают весенним паводком, советуют запастись взрывчаткой, если на коварной реке Домашке появятся ледяные заторы. Так же рекомендуют привести в исправность моторные и надувные лодки, а если и это не поможет – переселяться в Дом культуры семьями.

Письмо № 13 – последнее (27 марта 86-го года)

Морозы отступили. Оттепель. Безветрие. Падают снег. Я пошла после работы прогуляться. Местные жители, приходя с работы, первым делом берутся за лопату – расчищают заносы. Дошла до единственной сохранившейся в городе церкви. Заглянула во двор: сушится белье, белые поповские рубашки, простыни, вышитые полотенца... Большая была у попадьи стирка! В углу двора крытый навес, скамейка, телега, все занесено снегом. Из окна выглянула старушка, а поп так и не удостоил меня своим вниманием, хотя свет в окне его горел. За церковью забор, за ним кладбище. В заборе, разумеется, есть лаз. Впритык к кладбищу стоят жилые дома. На одном из страшных барачков, с видом на могилы, висит выцветший лозунг: «Чем лучше мы будем работать, тем лучше мы будем жить».

День рождения внучки

Не успели мы с мужем повзрослеть и осознать, что мы родители, как наша дочка выросла. Вышла замуж, родила ребенка, купила квартиру в новостройке на соседней улице и совершенно выбилась из-под родительского контроля.

Вот и сегодня, в День рождения внучки, звонит она с утра по телефону и сообщает:

–Мама, нас к обеду не ждите. День рождения Элочки мы будем отмечать в баулинге. Она уже большая – три годика, ей будет интересно там. А эти ваши застолья, тосты, воспоминания... – дочь пытается подобрать слова, чтоб меня не обидеть. – Впрочем, ты и сама все понимаешь. Постарайся папе объяснить, чтоб скандала не было.

Легко сказать: «постарайся объяснить папе», когда Паша уже месяц готовится к этому празднику.

Скандал начал назревать сразу:

–Баулинг им подавай! – сходу закричал муж. – Все эти новомодные штучки! Никакого уважения к старшим. Это все Юркино влияние! Послал же бог зятя! Ни выпить с ним, ни посидеть по-людски. Зануда, карьерист, мухи и те от негодохнут!

Все, думаю. Началось. Так и до нашего развода недалеко. А об этом надо было раньше думать, по-молодости. Куда мне сейчас на шестом десятке семью рушить? Надо любым спо-

собом праздник устроить, все ж дешевле будет, чем развод.

– Паша, – говорю я вкрадчивым голосом, – а что если нам Светку пригласить, маму Юрки? Я пирог испеку, посидим, отметим Элочкины три годика.

Эта идея мужу понравилась сразу.

– Сбегаю и я на рынок, куплю соленья к водочке, – сразу повеселел он.

Сватыю Павел уважал больше, чем зятя. Моложавая, компанейская, с веселым характером, про таких говорят: «своя в доску». Хорошая баба, но со сложной женской судьбой: Свете все время не везло с мужиками, никак не могла она найти своего единственного.

В два часа стол уже был наткрыт, а в десять минут третьего за дверью раздался залившатый смех Светки. Мы выглянули на лестничную площадку. Экстравагантно одетая Светлана пыталась подняться по лестнице. Именно пыталась, так как ее туфли с удивительно длинными носами и тонкими каблукками никак не помещались на узкой ступеньке, а слишком длинная юбка путалась под ногами и еще больше осложняла ситуацию. С каждым шагом Светка заваливалась назад, где ее подхватывал крупный, солидный мужчина, очень кстати оказавшийся рядом.

– Знакомтесь, полковник Студнев, Николай Алексеевич, – давась от смеха, представила Света своего спутника.

Полковник, наконец-то, справившись с поднятием дамы на наш этаж, крепко пожал мужу руку. Я быстро вытерла

свои мокрые от мытья посуды ладони о фартук, и сильно сжала протянутую и мне руку полковника, с избытком выражая дружелюбие. Николай Алексеевич несколько растерялся от моего рукопожатия. Видимо, он привык, что дамы подают ему ручку для поцелуя. Чтобы скрыть смущение, он быстро зашел в квартиру. Взглядом знатока осмотрел стол и остался доволен дислокацией спиртного и закусок. Оценил также боевые запасы: водку, коньяк и шампанское для женщин. Пременив самую верную в такой ситуации стратегию и тактику, он решительно двинулся к столу.

После первого тоста за здоровье дорогой внучки смущение первых минут знакомства было преодолено. Но темп не понерян: сразу же выпили за молодых родителей.

Потом за любимого зятя:

– Умного, порядочного, серьезного, – так охарактеризовал его Павел, – благодарю бога, что послал дочери такого мужа. Я за нее спокоен...

Он мог бы еще долго перечислять достоинства Юры, но тут влезла с алаверды Светка:

– У меня теперь появилась дочь, это моя невестка. Люблю ее, больше, чем сына, – сказала она и расцеловалась с нами.

Тут уже и полковник взял слово, встал с традиционным тостом «За присутствующих здесь дам»:

– За очаровательных юнных бабушек, наших милых озорниц, – сказал он и подмигнул Паше.

Светка разругалась и начала толкать меня в бок, пора,

мол, выйти пошущукаться о нашем, о девичьем.

Я сославшись на то, что болонка Найда давно уже просится погулять, вышла из-за стола. Собаку за 500 долларов купила дочь еще до замужества. Но сейчас, охваченная новыми заботами, редко вспоминала о ней. Светка сменив свои сногшибательные (в прямом и переносном смысле) туфли на благоразумно прихваченные с собой босоножки, присоединилась ко мне.

–Ну, как он тебе? – спросила она, едва лишь за нами захлопнулась дверь.

–Интересный мужчина, видный, – сказала я.

–В постеле тигр! Даже не верится, что ему уже хорошо за шестьдесят, – разоткровенничалась полу-родственница.

–Солидный, обстоятельный, – продолжала я, сознательно игнорируя интимную тему, – тебе бы уже пора определиться, Свет! Лучшего варианта, по-моему, не найти.

–Да, я и сама не против, – горько заметила сватья, – но он не свободный. Жена уехала на выходные к внукам. Помочь, приболели они ветрянкой. Так он весь день сегодня со мной. Ему тоже праздника хочется.

–Ой, не везет тебе, подруга, – вдруг вырвалось у меня. Я тут же пожалела о сказанном, но было уже поздно, Свету потянуло на откровения: Как началось все неудачно еще с Жорки в институте, так и покатилась. Я вначале думала: интеллигентный человек: с портфелем ходит, туфли начищены, опять же, в очках. А в портфеле у него что лежало? Бутылка

столичной! А из образования только и мог похвастаться тем, что с девятого класса спал с учительницей английского языка. Благодаря этому и аттестат получил. Потом Вадик был, отец Юрки. Мужик не плохой, но мамаша! Ух, стерва. Старый партийный работник. Приходила к нам домой, вроде бы с ребенком посидеть, а сама все шкафы проверяла, перекладывала по-своему мои трусики и лифчики. Не на ту нарвалась! Я ответила тем же. Пришли мы к ней как-то в гости, пока она на кухне возилась, я сразу в спальню и напрямую к шкафу. Все ее белью вытресла, и давай по-новому складывать. Она зашла и остолбенела: «Зачем ты это делаешь?» – спрашивает. «У вас жизненный опыт перенимаю», – отвечаю. Это, сама понимаешь, был последний день моей семейной жизни. Вадик принял сторону мамочки. А жаль. Довела она его до инфаркта, и это в неполные сорок шесть лет! Потом Игорь был, Славик, Валентин. Эдика ты уже должна помнить. Я на свадьбе Юркиной с ним была. Молодой, сексапильный. Украл у меня золотое кольцо и кольцо. Но я на него обиду не держу. Может быть, в моем возрасте за сексуальные утехи уже пора платить? Потом на Семена я два года потеряла...

Так незаметно за воспоминаниями мы подошли к дому дочери. Светка вдруг схватилась за живот.

Желудок что-то крутит. Видимо, намешала всего. У тебя ключ от квартиры детей с собой?

«Жизненный опыт свекрови вспомнила? В шкафах реши-

ла полазить, пока хозяева в баулинге развлекаются?» – вдруг пришла ко мне нехорошая мысль. Но тут же я застыдилась своей подозрительности.

Вот ключи, – протянула я связку, – я с Найдкой пока погуляю, боюсь натопчит она в квартире своими грязными лапами. Ты же знаешь, какой у тебя сын чистюля.

Светка скрылась в подъезде, а мы с собакой пошли обследовать ближайšie кусты.

Светлана отсутствовала подозрительно долго. Найда успела уже несколько раз обойти весь двор, добросовестно выполнить все собачьи обязанности и потянула в сторону нашего дома. Я решила все-таки побеспокоить рьяную свекровь моей дочки и поинтересоваться, что можно так долго делать в чужой квартире.

Светка открыла дверь белая, как мел. За ее спиной я разглядела комнату. Всегда аккуратно прибранная гостиная имела сейчас вид «после погрома»: дверцы шкафов раскрыты настежь, содержимое разбросано по столу и дивану.

– Плохо мне, что-то. Наверное печень. А может камень сдвинулся. Но-Шпу никак не могу найти. Ты не знаешь, где у них лежат лекарства? – голос Светки был слабым и хриплым.

Я ни на шутку испугалась:

– Понятия, не имею. Я бы сбегала в аптеку. Здесь недалеко, но мы и денег с собой не взяли.

– Только не бросай меня, – жалобно попросила Света и побежала в туалет.

Я заперла упирающуюся Найду на кухне и позвонила в скорую:

–Женщине плохо. Возраст? Молодая. Еще нет пятидесяти. Сильные боли в желудке, рвота... Адрес? Улица Песчаная, дом четыре, корпус пять, квартира 58. -Приезжайте скорее! – прокричала я в трубку.

–Бригада выезжает. Ждите, – ответила диспетчер.

Минуты тянулись очень медленно. Светке становилось все хуже и хуже. Я металась по квартире и в отчаянии пыталась найти аптечку с лекарствами. Найда истошно лаяла на кухне.

Тут раздался телефонный звонок:

–Говорит врач скорой, мы на улице Песчаной, не можем найти ваш дом.

–Ой, наверное, я адрес перепутала, сейчас проверю, где-то валялись счета за воду, а вот и они, читаю: Песчаная, дом пять, корпус четыре. А я сказала наоборот. -Доктор скорее, – скороговоркой кричала я в трубку.

–Сейчас будем, – ответил раздраженный голос.

Через пять минут врач в сопровождении молоденькой сестрички влетел в квартиру. Беспорядок в комнате и лай собаки еще более усилили его раздражение.

Он склонился над больной и, учуяв запах алкоголя, строго спросил:

–Вы что, выпили?

–Немного шампанского, доктор. У нашей внучки сегодня

День рождения. Уже три годика. Кто бы мог подумать, я уже бабушка. – Даже в таком тяжелом состоянии, Светка, увидев мужчину, начинала кокетничать.

– Лекарства принимали?

– Искала Но-Шпу. Но не нашла. И денег не нашла, чтобы в аптеку сбегать. – в доказательство своих слов, сватья указала на разгром комнаты.

– Будем госпитализировать, – сказал врач, – возьмите ваши документы.

А– документов у меня с собой нет и в больницу я не поеду! – категорически заявила больная.

– Не нравится мне вся эта история, – сказал доктор, многозначительно взглянув на мед.сестру. Та кивнула в ответ.

В этот момент, как назло, зазвонил Светкин мобильный! А у ее телефона такая громкость, что все окружающие невольно слышат ее интимные беседы.

– Девчонки, где вас носит? – раздался из трубки нетрезвый голос полковника Студнева, – Светик, птица моя, куда ты улетела? Тебя только на задание посылать! – И Николай Алексеевич громко рассмеялся своей армейской шутке.

– Коленька, я потом перезвоню, – прошептала бедняга и отключила мобильный.

– С меня достаточно. – Сказал врач и подошел к телефону. – Вызываю милицию: точного адреса вы не знаете, документов нет, в квартире что-то явно искали, да еще и собака все время лает, чует, что чужие.

– Доктор, не надо милицию. Я сейчас все объясню. У нас День рождения....

– А про внучку расскажешь в отделении, – врач неожиданно перешел на «ты» и довольно грубо оттолкнул меня.

Я повернулась лицом к двери и увидела огромное, улыбающееся лицо клоуна, оно медленно вплывало в коридор. Это был воздушный шарик, его за ниточку держала внучка Эллочка. В бантиках и кружевах она застыла на пороге квартиры и с ужасом смотрела на меня. За внучкой стояла дочь с зятем. Тоже увешенные шариками и подарками, и тоже с испугом в глазах.

– Что происходит? Что вы здесь делаете? – закричала дочь.

– Ага, вот и пришли настоящие хозяева квартиры, – обрадовался доктор, – и очень кстати. Вы знаете этих женщин? – обратился он к зятю.

– Да, это моя теща, Елена Сергеевна, а это..., – и тут он увидел Светку, несчастную, жалкую, лежащую на диване в гостиной. – Мама, что с тобой? Что они сделали? – Юрка бросился к матери уже не обращая ни на кого внимания.

Юрочка, сынуля. Ты только не волнуйся. Мне уже намного лучше, – Светлана преподнеслась на локте и как-то вся мобилизовалась. (Удивительный эффект материнства!) – Мне бы Но-Шпы выпить.

Дочка бросилась к полочке в коридоре, где крупно было написано «Лекарства первой помощи». Как мы ее не заметили? Достала Но-Шпу, ринулась на кухню за водой. Освобож-

денная Найда весело закрутилась между нами. Светка ожидала с каждой минутой.

Доктор подписав с зятем какие-то бумаги с облегчением покинул нашу сумасшедшую компанию.

–Мама, – попросила дочь, – ты бы забрала свою собаку и шла бы домой. Мы уже сами разберемся. Да и ребенка мне желательно спать уложить. Она и так перевозбудилась в баулинге, а тут еще вы устроили нам праздник.

Я послушно забрала Найдку и пошла к себе.

Мужчины в наше отсутствие не терялись. Они уничтожили почти весь имеющийся в доме запас спиртного.

–А вот и пришла самая большая любовь всей моей жизни! – воскликнул Паша, увидев меня на пороге.

Дремавший на диване полковник Студнев приоткрыл один глаз и стал переводить взгляд с меня на Найду.

«Видимо, не поймет, о ком сказал Павел. Я – его большая любовь или Найда?»

Но я зря так плохо подумала о полковнике. Он искал глазами Свету.

–Светик? Птица моя? Куда ты улетела? – только и смог вымолвить он и снова забылся тяжелым сном.

Я подошла к столу. Одна из бутылок коньяка была надопита. Я вылили содержимое в относительно чистый стакан и залпом выпила его.

А что я могла еще сделать, чтобы сохранить семью?

Ни слова не говоря, я ушла в спальню, плюхнулась на кро-

вать и сразу же заснула. Найдка пристроилась у моего бока.

И приснился мне баулинг, только особенный, необычный. Красивая, просторная комната и много-много шариков, всех цветов и размеров.

Эллочка бегаёт от шарика к шарик, а я бегаю за ней. Мне тоже три года, мне весело и легко. Я отрываюсь от пола, прыгаю и зависаю в воздухе. Мы обе смеемся. Эллочка хватает синий мяч и бросает его Свете. Та с хохотом ловит шар, Свете не больше четырех, в ее роскошных кудрях завязан красный бант, кружевное, нарядное платьице облегает ладную детскую фигурку, а стройные ножки одеты в белые колготки. Даже сейчас видно какая она будет со временем женственная и очень красивая. Светка ловит мячик и бросает его толстому, кудрявому карапузу. У малыша уже есть в руках один шар, он прижимает его полненькой ручкой к животу и хочет удержать второй. Мальчик смешно морщит веснушчатую мордашку и громко хохочет. Да это же полковник Студнев в детстве, как я сразу не узнала его! Я подпрыгиваю еще выше и вижу Пашу. Он как будто сошел с любимой фотографии моей свекрови: клетчатая, глаженная рубашечка аккуратно заправлена в короткие штанишки. Полненькие ножки одеты в сандалики и белые носочки. Голова с коротко подстриженными густыми волосами выглядит трогательно и беззащитно. А этот взгляд! Большие серые глаза смотрят серьезно и доверчиво. Паша берет меня за руки, прижимает к себе и с детской непосредственностью шепчет:

– Леночка! Ты только посмотри какой сегодня праздник! Праздник-то какой! И даже не верится, что это День рождения нашей внучки!

Семейные истории

Современная рождественская сказка

Женщина, женщина! Столько тащите, что лошади на вас оглядываются! – как всегда прокричала ей вслед продавщица.

Люся взяла сумки, они были неподъемными и больно резали руки. Приоткрыв ногой дверь, она вышла из магазина.

На улице шел мелкий, холодный дождь.

«Плохо нам – инвалидам, не дал бог третьей руки, чтобы зонтик держать» – вспомнила она свою любимую шутку и потащилась к дому.

Дождь намочил волосы, капли начали стекать за воротник, но Люся не обращала на это никакого внимания. Она уже составляла план того, что должна сделать дома: «В первую очередь, еще не раздевшись, надо поставить на огонь кастрюлю с водой для картошки. Потом бросить в морозилку мясо и кур, так удачно купленных сегодня со скидкой, а уже затем можно пойти переодеть халат. Нет, в начале лучше запустить стиралку и...»

Но додумать она не успела, молодой человек, бегущий по тротуару навстречу со своей девушкой, нечаянно задел за ее сумку. Люся потеряла равновесие и упала в лужу. Яблоки вы-

сыпались из мешка на асфальт. Мужчина остановился, бормоча извинения, посмотрел на Люсю, решая, помочь подняться или бежать на свидание, и убедившись, что тетка поднимется и без его помощи, ушел. Прохожие сочувственно смотрели на нее, но помогать тоже не спешили.

Глотая слезы, Люся кое-как поднялась, собрала яблоки, проверила, не разбилась ли банка с огурцами и пошла к дому. Плащ был грязный, брюки на коленке порвались, ныли ушибленная нога и локоть. Но обиднее всего было то, что парень даже не счел нужным ей помочь. Она посмотрела на себя его глазами: тетка с сумками, неважно одетая, замученная бытом и заботами, зачем такой помогать?

– Ничего, ничего, – утешала себя Люся, – сейчас приду домой, увидят меня муж и сыновья, утешат, пожалеют. Главное, что у меня есть семья, близкие люди.

Она позвонила в дверь, но ее никто не открыл, хотя из квартиры доносились звуки работающего телевизора. Нашла в сумке ключ, повернула замок, вошла в квартиру. Муж, как всегда, увлеченно смотрел футбол в гостиной, дети в своей комнате играли в компьютерные игры.

Люся поставила сумки на пол и села на скамеечку в прихожей. С мокрого плаща на пол капала грязная вода. Но она не замечала этого.

– Надо собаку завести, – подумала Люся, – хоть кто-то будет радоваться моему приходу. Но кто будет за ней ухаживать? У меня сил уже не хватит..

Она довольно долго просидела в коридоре не раздеваясь. Несколько раз мимо пробежал муж, чтобы вытащить из холодильника очередную банку пива, сообщал ей на ходу счет игры. Выглянул из комнаты сын, поинтересовался, когда будет ужин. Но никто так и не заметил ее грязной одежды и заплаканного лица.

Поняв, что дальше сидеть бесполезно, Люся встала, умылась, одела свой застиранный домашний халатик, порванные тапочки и позвонила подруге.

– Маша, никогда не обращалась к тебе с такой просьбой, но сейчас мне очень нужны деньги, не одолжишь?

– Б-же мой, Люська, случилось что? – искренне испугалась Маша.

– Да нет, ничего, не волнуйся. Хочу в салон красоты сходить, прическу сделать, макияж...

– Все прикалываешься, – немного успокоилась подруга. – А я уж испугалась. Знаю твой щепетильный характер. Но ладно, не хочешь говорить правду, не говори. До работы встретимся на нашем обычном месте.

– Спасибо, тебе, – растрогалась Люся и первый раз за этот вечер улыбнулась.

Следующий звонок она сделала начальнику.

– Владимир Николаевич, я вынуждена завтра задержаться на полдня. У меня отгулов много накопилось. Так что оформите, пожалуйста.

Начальник что-то долго кричал про срочные договора, ав-

рал, запарку. Но Люся не слушала его. Она даже не думала о том, какие неприятности ждут ее на работе, и как она будет отдавать подруге долг. Она смотрела в зеркало на еще молодую, но по-стариковски одетую женщину, с появляющимися на лице морщинками от вечного выражения тревоги, не ухаживаемую, привыкшую постоянно экономить на себе и считать каждую копейку. "Неужели это я?" – думала Люся. И мысленно просталась со своим отражением. Этой женщине суждено будет завтра исчезнуть. На смену ей придет другая, по забавной случайности, носящая то же имя и фамилию.

На следующее утро, взяв у подруги деньги, Люся зашла в «Салон красоты». Через пять часов оттуда вышла эффектная, молодая женщина. Ее стильная прическа и с шармом сделанный макияж не гармонировал с убогим плащом и обшарпанными ботинками. Одежда, как последнее напоминание о прошлой жизни, была сложена в мешок и безжалостно выброшена в мусорное ведро ближайшего бутика.

Еще через час Люся шла по улице, постукивая высокими каблукками, поигрывая маленькой дамской сумочкой и чувствовала на себе восхищенные взгляды прохожих. Ей улыбались, ей уступали дорогу, ее приглашали зайти в кафе. А она шла, счастливая и уверенная, что теперь в ее жизни все будет по-другому, все будет правильно. И так оно и было.

Виртуальный адюльтер

Вечерами в семье Семкиных было особенно невыносимо. Все обитатели малогабаритной, трехкомнатной квартиры: теща, тесть, зять, дочь и внучка, собирались за ужином на кухне и начинали скандалить:

– Что можно пожевать? Опять котлеты с макаронами? Одно и тоже каждый день! – капризничала тринадцатилетняя Ленка.

– Если бы твой отец заботился о семье, то не только еда, но и жизнь у нас была бы другая, – проворчала, стоявшая у плиты теща, стрельнув злым взглядом в сторону зятя. Но тот не смутился:

– Было бы ради кого стараться! – крикнул он и, хлопнув дверью, скрылся в спальне.

– Всё шумите! Пожрать спокойно не дадут, – пробурчал тесть и опрокинул в рот стопку водки.

– Папа, ты опять пьешь один, как алкаш, – возмутилась дочь.

– Был бы мой зять нормальным мужиком, так и не пил бы один, – огрызнулся тесть.

Думаю, что дальше продолжать не стоит. Моим читателям и так стало ясно, что это за семья. Обычная, среднестатистическая, измученная хроническим безденежьем и бытовыми неудобствами. Я хочу познакомить вас с пятью письмами,

отправленными с их компьютера в течение следующих суток.

Письмо первое. Отправлено в 00:30.

Дорогая моя! Любимая! Ненаглядная!

Шеф подтвердил сегодня, что в среду я лечу в командировку. А это значит, что скоро мы снова встретимся. И это будет наше, только наше время. И вся эта грязная жизнь, все эти склоки и проблемы останутся за дверью твоей квартиры. Только ты и я. Моя сладкая, моя нежная, моя ласковая. Я опять смогу ласкать, целовать, обнимать тебя и находиться на вершине блаженства!

Живу только ожиданием нашей встречи. В семье ужасно, все видят во мне только добытчика денег и даже не скрывают это. Особенно старается оскорбить теща. Мстит за свою старость и никчемность. А жена молчит, видимо, ей нравится, когда меня унижают. Сейчас эти черствые существа уснули, и я могу написать тебе хоть пару слов. Если бы ты только знала, что значишь для меня!

Береги себя, скоро я приеду, согрею тебя и покрою поцелуями, всю, от макушки до пяточек.

Целую, люблю, мечтаю о тебе. Леша

Письмо второе. Отправлено в 05:45

Мишенька! Дорогой мой! Сейчас раннее утро, все спят. А я так хочу тебя. Все внутри аж гудит. После того, как ты нашел меня на сайте одноклассников, и мы стали встречаться, во мне проснулась женщина, появилась такая страсть, такая

нежность! Помнишь, как еще школьниками мы целовались в подъезде, а соседка выскочила и обозвала меня бесстыжей? Тогда казалось, что впереди одно счастье. А счастье было только там, с тобой, на лестничной площадке.

Лешка хоть и подавал в институте большие надежды, в жизни ничего не добился. И мстит всем за свои неудачи, особенно достается мне. Он изводит меня своей холодностью. Убедил, что я, как женщина, ничто. И я в это поверила. И так бы и жила в этом леднике чувств, если бы ты не отыскал меня. Любимый мой, страстный, ненасытный. Ох, какой же ты ненасытный.

Скоро мы сможем увидеться. Лешка в среду уезжает в командировку, я совру что-нибудь матери и после работы к тебе. Ой, скорей бы среда. Готовься. Мы устроим такой секс-марафон! И я стану чемпионкой. Чемпионкой по любви к тебе.

Письмо третье. Отправлено в 10:15

Здравствуй, родная моя!

Зять и дочь, наконец-то, ушли на работу, супружница в магазин, и я могу написать тебе. Какое счастье, что есть интернет. Что компьютер, который я раньше так ненавидел, помог найти тебя, моя первая любовь.

Лидочка, Лидочка! Почему ты не присылаешь мне свою фотографию? Ты стесняешься меня? Какая ты смешная, моя девочка. Ты пишешь, что пополнила. Так это же здорово! Я смогу покрыть твой животик еще большим количеством по-

целуев, спрятать свою глупую голову на твоей груди, а ты обнимешь меня своими нежными, теперь уже полненькими ручками. Только чур не смотри на мою лысину. Помнишь, какие у меня были кудри? Лидочка, Лидочка. Как я мог потерять тебя? Вся моя жизнь – это наказание за мою же глупость. Страшно подумать, сколько лет я прожил с этой бесчувственной женщиной, не зная ни нежности, ни ласки. Но теперь все будет по-другому. Я нашел тебя. И никому, слышишь, никому не отдам. Я обязательно придумаю, как нам встретиться. Целую тебя, лапочка. Фотку пришли.

Письмо четвертое. Отправлено в 14:28

Привет, мой котик! Дети еще на работе, старый задрях – ему бы только пожрать да поспать! А я нырк и к компу. Люська опять уезжает и просит меня поливать цветы в ее квартире. Как старательно я буду их поливать, особенно тебя, мой самый любимый цветочек, и твоего шаловливого зверька! Помнишь, что мы творили в прошлый раз? Когда разбили вазу? Люська удивилась, как ты говорит, умудрилась ее опрокинуть. Я чуть со смеху не лопнула. Но ей, конечно, ни слова. Я купила шкодные трусики: розовые, с пушком. Пока спрятала их среди старых носков. А то зять увидит и в обморок упадет. Он, вообще, не знает, какие есть на свете забавы. Иногда мне его даже жалко: человек-никто!

Откопала в интернете интересный совет, попробуем. Обнимаю тебя, целую зверька. Твоя киска.

Письмо пятое. Отправлено в 16:30

Ні, мой инет друг! Пришла из школы, дома тоска, хорошо хоть, что моё старичьё сбросилось и купило комп. Это прикольно, что я с тобой не знакома в жизни, и можно так откровенно писать о себе. Только плиз без глупостей. Окей.

Мой прошлый дружок писал только о своем члене. А это надоедает.

Ты спрашиваешь, какое мое самое большое желание. Сбежать из этого сумасшедшего дома, который зовется семьей. Может быть ты поможешь мне? Шучу, не бойся.

Если бы ты видел моих предков! Они даже не знают, что на свете есть любовь, нежность, страсть. Деньги, только деньги у них на уме. Я даже удивляюсь, как бабушка умудрилась родить маму, а мама меня. Но у меня все в жизни будет по другому. Только бы скорее начать жить самой.

Пиши мне, Лена.

Новогодняя трилогия

Встреча Нового года длиною в жизнь.

1975 год. 31 декабря. Московские новостройки – Черемушки.

По дорожкам, протоптанным в снегу, снуют празднично-озабоченные люди: кто-то тащит елку, кто-то сетку с продуктами, кто-то санки с ребенком. Снежок стыдливо присыпал забытый строителями мусор, сделав дворы по-праздничному белыми и чистыми. Морозный воздух пропитан ароматами хвои и мандарин.

В одной из девятиэтажек получил квартиру и мой герой Марк. Ему 35 лет. Он молод, энергичен, успешен.

Пока жена Тоня хлопочет у праздничного стола (украшает вырезанными из свеклы розочками салат оливье, раскладывает пироги, открывает заначенные с праздничного заказа шпроты), Марк увлеченно рассказывает ей свои новые научные теории, делится смелыми гипотезами. Крутится пластинка Новеллы Матвеевой. Проигрыватель стоит на стопке книг, на них же и спальный матрас, и телевизор. Мебели очень мало, все пространство занимают книги, рукописи и научные труды, разложенные в серые картонные папки с цветными тесемками.

По лестнице (лифт в новом доме пока не работает) поднимаются закадычные друзья Марка: Гриша и Лиля.

Звонок в дверь. Приветствия. Объятия. Смех.

И... обжигающая новость: Гриша и Лиля собираются подавать документы на отъезд.

– Ребята, что вы делаете?! – пытается остановить друзей Марк. – Гриша, ты же талантливый ученый, тебе дают новую перспективную тему. Куда вы едете? В полную неизвестность!

– Все понимаю, Марк. – пытается успокоить его Гриша. – Ну, не вмоготу больше: серость, очереди, идеологический прессинг...

Бьют куранты. Выстреливает шампанское. Наигранное веселье, поздравления.

«Боже мой, зачем они уезжают!» – сокрушается про себя Марк.

«Зря они остаются» – огорченно думает Гриша.

1990 год. 31 декабря. Разгул перестройки. Темные, обветшалые Черемушки расписаны призывами к демократии. Корявыми лозунгами, вперемешку с неприличной символикой и матерными словами, украшены обшарпанные подъезды, столбы и даже мусорки. Как грибы выросли самодельные киоски – оплот свободы предпринимательства. Закутанные в тулуп «бизнес-леди» торгуют у входа в пустые магазины квашеной капустой, вязаными носками и вымученными в очередях детскими валеночками.

Моему герою Марку уже 50 лет. Он давно без работы: проектный институт закрыли, научные труды без надобности. В

не знающей ремонта квартире по–прежнему мало мебели, но спальный матрас стоит уже на стопках газет и журналов.

Марк – активист общества «Мемориал». Вся жизнь – в собраниях, спорах, митингах.

Пока Тоня хлопочет у праздничного стола, пытаюсь сделать из одной, чудом доставшейся курицы, как можно больше новогодних угощений, Марк увлеченно читает ей скандальную статью из «Огонька».

По грязной лестнице (лифт не работает с начала Перестройки) поднимаются впервые приехавшие в Москву из Америки Гриша и Лиля.

Звонок в дверь. Объятия, приветствия, слезы.

– Ребята, возвращайтесь! – почти кричит от возбуждения Марк. – Здесь сейчас кипит жизнь! Такие люди! Такие проекты! Я тоже открываю свою фирму. Займемся бизнесом вместе, а, Гриша?!

– Друзья, уезжайте, пока есть возможность. – остужает пыл друга Гриша. – Будете жить как люди. Мы уже почти выплатили ссуду за дом, объездили пол-мира. Да, приходится много работать. О науке забыли, переквалифицировались. Покупаем книги, а читать нет времени, откладываем до пенсии. Очень много работаем, крутимся, но зато и зарабатываем прилично.

Бой курантов. Выстрел шампанского. Натянутое веселье. «Вот бы они вернулись!» – мечтает Марк.

«Зря они медлят с отъездом» – огорчается Гриша.

2005 год. 31 декабря. Солнечно, тепло, много цветов и зелени. На деревьях, как елочные игрушки, висят оранжевые мандарины. Мой герой Марк уже давно живет в Израиле. Бизнес? – Лопнул. Демократия? – Не состоялась.

В убогой съемной квартире традиционно мало мебели. На стопках книг стоит новенький компьютер. Марк увлеченно работает на нем, комментируя свои действия для Тони.

А Тоня? Она хлопчет у праздничного стола. На скромное пенсионное пособие куплено много экзотических овощей и фруктов. Тоня с радостью готовит салат из авокадо и торт с манго и клубникой.

По тесной лестнице тяжело поднимаются на четвертый этаж Гриша и Лиля. (лифт в доме не предусмотрен). Они приехали навестить своих друзей и погреться на Мертвом Море.

Звонок в дверь. Объятия. Слезы.

– Вы не поверите, – спешит поделиться своими переживаниями Тоня. – У Марка на Святой земле появился литературный талант. Он пишет рассказы. Печатается на международных сайтах. Выпустил книгу! Издать пришлось, правда, на свои деньги. – Лиля рукой показывает на книги, служащие столиком для компьютера. – Мы экономим, поиздержались немного. Зато, как Марк счастлив! Как его хвалят! Ну, а вы-то как?

– Мы еще работаем, – отчитывается Лиля. – Живем в шикарном доме. Внизу бассейн, сауна, тренажерный зал. Пла-

тим тысячу долларов только за услуги. Но посещаем бассейн редко – нет времени, да и сил тоже нет.

Бой курантов. Выстрел шампанского. Грустное веселье.

Разошлись по комнатам рано. Сказывается возраст.

Марк смотрит на Тоню, как она бережно складывает в банку оставшуюся клубнику, стелит полинявшие простыни на старенький диван.

«Зря мы тогда не уехали, – думает он. – У Тони могла быть совсем другая жизнь»

В соседней комнате Лиля, лежа на кровати, незаметно наблюдает за Гришей. Он присел к столу. Сейчас особенно видно, какой он измотанный и усталый. Гриша листает подаренную Марком книгу и грустно улыбается своим мыслям, как будто представляет свою жизнь совсем другой.